Harry Potter

and the Philosopher's Stone

J.K.ROWLING

BLOOMSBURY

Гарри Поттер и Философский Камень (Luthien ver.2)

Джоан Кэтлин Роулинг

Аннотация
Дж. К. Роулинг. ГАРРИ ПОТТЕР И ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ
Глава первая. МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ ВЫЖИЛ
Глава вторая. ИСЧЕЗНУВШЕЕ СТЕКЛО
Глава третья. ПИСЬМА НИ ОТ КОГО
Глава четвёртая. ПРИВРАТНИК
Глава пятая. ДИАГОН-АЛЛЕЯ
Глава шестая. ПУТЕШЕСТВИЕ С ПЛАТФОРМЫ ДЕВЯТЬ И ТРИ ЧЕТВЕРТИ
Глава седьмая. СОРТИРОВОЧНАЯ ШЛЯПА
Глава восьмая. ЗЕЛЬЕДЕЛ
Глава девятая. ПОЛУНОЧНАЯ ДУЭЛЬ
Глава десятая. ХЕЛЛОУИН
Глава одиннадцатая. КВИДДИЧ
Глава двенадцатая. ЗЕРКАЛО ДЖЕДАН
Глава тринадцатая. НИКОЛАС ФЛАМЕЛЬ
Глава четырнадцатая. НОРБЕРТ, НОРВЕЖСКИЙ ГРЕБНЕСПИН
Глава пятнадцатая. ЗАПРЕТНЫЙ ЛЕС
Глава шестнадцатая. В ЛЮК

Глава семнадцатая. ДВУЛИЧНЫЙ КОММЕНТАРИИ К ПЕРЕВОДУ

Аннотация

«Га́рри По́ттер и филосо́фский ка́мень» (англ. *Harry Potter and the Philosopher's Stone*) — первый роман в серии книг про юного волшебника Гарри Поттера, написанный Дж. К. Роулинг. В нём рассказывается, как Гарри узнает, что он волшебник, встречает близких друзей и немало врагов в Школе Чародейства и Волшебства «Хогвартс», а также с помощью своих друзей пресекает попытку возвращения злого волшебника Лорда Волан-де-Морта, который убил родителей Гарри (самому Гарри в тот момент был год от роду).

Книга была переведена на множество других языков и по её мотивам был снят одноименный фильм.

Дж. К. Роулинг
ГАРРИ ПОТТЕР И ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ

Посвящаю книгу
Джессике, любящей сказки,
Энн, любившей их не меньше;
И Ди, услышавшей эту историю первой.

Глава первая
МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ ВЫЖИЛ

Мистер и миссис Дёрсли, обитатели дома № 4 по Бирючинному проезду, всегда могли с гордостью заявить, что они, к их невероятному счастью, самые наинормальнейшие люди. Невозможно было заподозрить их в причастности к чему-то необычному или загадочному — они терпеть не могли подобной чепухи.

Мистер Дёрсли возглавлял фирму «Граннингс», производившую дрели. Он был крупным, упитанным мужчиной, практически без шеи, но зато с очень пышными усами. Миссис Дёрсли была тощей и светловолосой, с шеей, напротив, почти вдвое длиннее обычного, что приходилось как нельзя кстати, — большую часть свободного времени эта дама проводила, шпионя за соседями из-за забора. У них был маленький сын по имени Дадли, — родители считали его самым чудесным ребёнком на свете.

У Дёрсли было всё, чего они только могли пожелать, — однако имелась у них и тайна, и больше всего они опасались, что рано или поздно её рас-

кроют. Они бы не перенесли, узнай кто-нибудь о Поттерах. Миссис Поттер приходилась миссис Дёрсли родной сестрой, но они не виделись вот уже несколько лет; по правде говоря, миссис Дёрсли делала вид, будто у неё нет никакой сестры, поскольку та и её бестолковый муж были настолько «не-Дёрсли», насколько это вообще было возможно. При одной мысли, что скажут соседи, встретив Поттеров на Бирючинном проезде, супругов бросало в дрожь. Они знали, что у Поттеров тоже подрастал сын, но никогда его не видели. Этот мальчик был отличным предлогом держаться от Поттеров подальше; ещё не хватало, чтобы их Дадли общался с такими детьми.

Когда мистер и миссис Дёрсли проснулись серым, пасмурным утром вторника — дня, с которого начинается наша история, — ничто, в том числе и затянутое тучами небо за окном, не предвещало, что вскоре по всей стране произойдут странные, таинственные вещи. Мистер Дёрсли что-то напевал себе под нос, выбирая на работу наискучнейший из своих галстуков, а миссис Дёрсли радостно досказывала ему свежие сплетни, силясь усадить орущего Дадли в высокий детский стульчик.

Никто из них не заметил крупной неясыти,

промелькнувшей за окном.

В половине девятого мистер Дёрсли, захватив портфель, чмокнул миссис Дёрсли в щёчку и попытался поцеловать на прощание Дадли, но промахнулся, потому что сын в истерике швырялся в стены овсянкой.

— Маленький разбойник, — посмеивался мистер Дёрсли, выходя из дома. Он сел в машину и задним ходом выехал на улицу.

Первый знак того, что вокруг творится что-то странное, он заметил на повороте, — это была кошка, изучавшая карту. Мистер Дёрсли даже не сразу осознал, что именно только что увидел, — но затем резко обернулся взглянуть ещё раз. На углу Бирючинного проезда сидела полосатая кошка, но никакой карты не было видно. Что это он выдумал? Должно быть, игра света. Мистер Дёрсли моргнул и уставился на кошку. Та буравила его пристальным взглядом. Направляясь вперёд по шоссе, мистер Дёрсли наблюдал за кошкой в зеркало заднего вида. Теперь она читала табличку с надписью «*Бирючинный проезд*» — то есть, *смотрела* на табличку; ведь кошки не способны изучать карты *и* читать. Мистер Дёрсли потряс головой и решительно выбросил из неё мысли о кошке. Вскоре он уже не думал ни о чём,

кроме крупного заказа на дрели, на который в тот день очень рассчитывал.

Однако на подъезде к городу кое-что заставило его забыть о своих дрелях. Стоя в привычной утренней пробке, мистер Дёрсли не мог не заметить, что вокруг полно странно одетых людей. Людей в плащах. Мистер Дёрсли на дух не переносил тех, кто носил такую нелепую одежду, — что только порой не напяливает на себя молодёжь! Вероятно, очередная дурацкая мода. Он забарабанил пальцами по рулю, и тут взгляд его упал на группу тех чудаков совсем рядом. Они взволнованно шептались о чём-то. Мистер Дёрсли пришёл в ярость, увидев, что двое из них вовсе не были молоды; да тот мужчина, кажется, даже старше него, а вырядился в изумрудно-зелёный плащ! Вот нахал! Но потом мистера Дёрсли осенило, что, возможно, это была какая-то глупая акция, — очевидно, эти люди собирали пожертвования на что-то… да, наверняка так и есть.

Движение возобновилось, и через несколько минут мистер Дёрсли прибыл на парковку фирмы «Граннингс», — его мысли вернулись к дрелям.

В своём офисе на девятом этаже мистер Дёрсли всегда сидел спиной к окну. Если бы не это, в то утро ему, пожалуй, было бы непросто скон-

центрироваться на работе. *Он* не видел сов, носящихся за окнами средь бела дня, но зато их видели прохожие на улицах. Они показывали пальцами и таращились, пооткрывав рты, на сов, одна за другой пролетавших над их головами. Большинство до этого не видело совы даже ночью. У мистера Дёрсли, впрочем, выдалось совершенно нормальное, не омрачаемое какими бы то ни было совами утро. Он наорал на пятерых подчинённых. Сделал парочку важных телефонных звонков и ещё немножко покричал. До обеда он пребывал в прекрасном настроении, пока не решил поразмять ноги и купить булочку в пекарне через дорогу.

Мистер Дёрсли не вспоминал о людях в плащах до тех пор, пока не наткнулся на компанию этих самых личностей около булочной. Проходя мимо, он бросил на них сердитый взгляд. Непонятно почему, но рядом с ними ему становилось неловко. Эти тоже возбуждённо перешёптывались, и мистер Дёрсли не приметил ни одной жестянки для пожертвований. Когда он, вцепившись в пакетик с большим пончиком, направлялся обратно, до него донеслось несколько слов из их разговора:

— Да, верно, это Поттеры, как я слышал…

— Да, их сын Гарри…

Мистер Дёрсли застыл на месте. Его охватил ужас. Он оглянулся на шепчущихся, словно собираясь у них что-то спросить, но передумал.

Он ринулся через дорогу и поспешил в офис, на ходу рявкнул секретарше не беспокоить его, схватил телефон и, уже почти закончив набирать домашний номер, внезапно остановился. Он положил трубку и пригладил усы, размышляя… нет, это глупость. Поттер — не такая уж редкая фамилия. Существует, скорее всего, множество людей по фамилии Поттер, у которых есть сын Гарри. Коли на то пошло, он даже не был уверен, что племянника зовут именно так, ведь мистер Дёрсли даже и не видел мальчика. Может, он Харви. Или Гарольд. Ни к чему беспокоить миссис Дёрсли, — она и так всегда расстраивается при упоминании о сестре. Он не винил её — будь у *него* такая сестра… И всё же, все эти люди в плащах…

В тот день ему было значительно труднее сосредоточиться на дрелях, и, собираясь домой в пять часов, он всё ещё был так встревожен, что столкнулся с кем-то, выходя на улицу.

— Извините, — нехотя буркнул он старичку, поскольку тот споткнулся и едва не упал. Прошло несколько секунд, прежде чем мистер Дёрсли

понял, что старик был облачён в фиолетовый плащ. Казалось, он вовсе не расстроился оттого, что чуть не растянулся во весь рост. Напротив, он широко улыбнулся и заверещал так, что прохожие начали оборачиваться:

— Не извиняйтесь, дражайший мой, ничто сегодня не может огорчить меня! Радуйтесь же, ведь Сами-Знаете-Кого больше нет! Даже такие магглы, как вы, должны праздновать этот счастливый, счастливый день!

После этих слов старик крепко обнял мистера Дёрсли за талию и ушёл прочь.

Мистер Дёрсли буквально прирос к месту. Его только что обнял абсолютно незнакомый человек. Мало того, его обозвали магглом, — что бы это ни значило. Так и не оправившись от потрясения, он бросился к машине и помчался домой, надеясь, что попросту выдумал все эти странности, — чего с ним, кстати, раньше никогда не случалось, — он не одобрял буйное воображение.

Первым, что мистер Дёрсли заметил, подъезжая к дому, — и это его отнюдь не обрадовало, — была полосатая кошка, которую он уже видел этим утром. Теперь она восседала на их садовой ограде. Было ясно, что это та самая кошка, — у неё были точно такие же отметины вокруг глаз.

— Брысь! — прикрикнул мистер Дёрсли.

Кошка не сдвинулась с места и строго воззрилась на мужчину. Разве нормальные кошки так себя ведут? Мистеру Дёрсли стало не по себе. Пытаясь взять себя в руки, он зашагал к дому, по-прежнему не собираясь ничего рассказывать жене.

День миссис Дёрсли прошёл прекрасно. За ужином она подробнейшим образом рассказала мужу обо всех проблемах в отношениях госпожи-за-забором с её дочерью, а также, что Дадли выучил новое слово: «Не-а!». Мистер Дёрсли старался вести себя естественно. Уложив Дадли спать, он вернулся в гостиную и как раз успел к последнему репортажу вечерних новостей:

— И наконец, орнитологи по всей стране твердят о крайне необычном поведении сов. Хотя эти птицы охотятся ночью, и днём их едва ли можно встретить, сегодня были отмечены сотни случаев появления сов, летающих повсюду с самого рассвета. Эксперты пока не в состоянии объяснить, почему эти совы внезапно изменили своим биоритмам, — репортёр усмехнулся. — Более чем загадочно. А теперь Джим Макгаффин с прогнозом погоды. Ожидаются ли сегодня ещё ливни из сов, Джим?

— Что ж, Тед, — отозвался метеоролог, — насчёт этого не уверен, но странно сегодня ведут себя не только совы. Очевидцы из таких далёких мест, как Кент, Йоркшир и Данди, звонили мне, чтобы сообщить, — вместо дождя, обещанного мной вчера, у них прошёл настоящий звездопад! Может, народ уже отмечает Ночь Фейерверков? Люди, рано, ещё целая неделя! Но уж эта ночь точно будет дождливой.

Мистер Дёрсли замер в кресле. Звездопад над всей Британией? Совы средь бела дня? Таинственные личности в плащах повсюду? И все эти люди шепчутся, шепчутся о Поттерах…

Миссис Дёрсли вошла в гостиную с двумя чашками чая. Молчать больше не было сил. Нужно рассказать ей. Мистер Дёрсли нервно прочистил горло:

— Э-э… Петуния, дорогая, ты в последнее время ничего не слышала о своей сестре?

Как он и ожидал, миссис Дёрсли была поражена и разозлена. В конце концов, они всегда притворялись, что её сестры не существует.

— Нет, — отрезала она. — А что?

— Всякую чепуху в новостях передают, — промямлил мистер Дёрсли. — Совы… падающие звёзды… и в городе сегодня было много странно

одетых людей…

— *И*? — перебила миссис Дёрсли.

— Ну, я просто подумал… может быть, это как-то связано с людьми… ну, ты понимаешь… *её* круга.

Миссис Дёрсли отхлебнула чая, поджав губы. Мистер Дёрсли в это время задумался, осмелится ли сказать ей, что слышал фамилию «Поттер». Решил, что не осмелится. Вместо этого он как можно непринуждённее осведомился:

— Их сын, он ведь того же возраста, что Дадли?

— Должно быть, так, — сдержанно ответила миссис Дёрсли.

— А как бишь его? Не Говард, случайно?

— Гарри. По-моему, мерзкое, простонародное имя.

— Да-да, — с упавшим сердцем отозвался мистер Дёрсли. — Я с тобой полностью согласен.

Больше он не заговаривал об этом; вскоре супруги поднялись наверх, в спальню. Пока жена была в ванной, мистер Дёрсли подкрался к окну и выглянул в сад. Кошка и не думала уйти. Она следила за Бирючинным проездом, словно дожидалась чего-то.

Мерещилось ли ему? Связано ли всё это с Поттерами? Если так… если обнаружится, что они были в родстве с двумя… вряд ли он сможет вы-

нести это.

Они улеглись в постель. Миссис Дёрсли уснула быстро, но мистер Дёрсли ещё долго прокручивал в голове все события прошедшего дня. В конце концов, он успокоился тем, что, пусть даже Поттеры и были как-то замешаны в этой истории, — у них нет оснований беспокоить его с женой. Поттеры отлично знали, что они с Петунией думали о них и подобных им людях. Им с супругой нет никакого дела до всех этих странностей, — он зевнул и повернулся на бок, — *их* это не касается…

Как же он ошибался.

Мистер Дёрсли уже давно забылся тревожным сном, а кошка на ограде до сих пор не выказывала ни малейших признаков усталости. Она сидела неподвижно, словно статуя; её немигающий взгляд был направлен в сторону дальнего поворота Бирючинного проезда. Она не обратила внимания ни на громко хлопнувшую дверь автомобиля на соседней улице, ни на двух сов, пронёсшихся над её головой. Уже приближалась полночь, когда кошка, наконец, пошевелилась.

На том углу улицы, куда пристально смотрела кошка, появился человек, — так внезапно и бесшумно, будто вырос из-под земли. Кошка повела хвостом и сузила глаза.

Таких людей никогда ещё не видели на Бирючинном проезде. Он был высок, худощав и очень стар, судя по серебристым волосам и бороде, которые он мог с лёгкостью заправить за пояс. Одет он был в лиловую мантию, край которой волочился по земле, и сапоги на каблуках с пряжками. Его ясные, ярко-голубые глаза сверкали за полукруглыми стёклами очков; нос его был очень длинен и крив, словно его ломали по крайней мере дважды. Звали этого человека — Альбус Дамблдор.

Казалось, Альбус Дамблдор решительно не понимал, что на этой улице всё от его имени до сапог было совершенно не к месту. Он торопливо шарил в плаще, пытаясь что-то найти. Но, похоже, понял, что за ним следят, и внезапно поднял взгляд на кошку, всё ещё наблюдавшую за ним с другого конца улицы. Почему-то вид кошки позабавил его. Он усмехнулся и пробормотал:

— Следовало догадаться.

Наконец Дамблдор отыскал нужную ему вещь во внутреннем кармане мантии. Она напоминала серебряную зажигалку. Откинув крышку и подняв её повыше, он щёлкнул кремнём. Ближайший к нему фонарь погас с негромким хлопком. Щёлкнул ещё раз, — потух следующий. И так двенадцать раз он щёлкал гасилкой, пока

единственным источником света на улице не остались два горящих уголька — глаза кошки. Выгляни в тот момент кто-нибудь из окна, он при всём желании не смог бы разглядеть, что происходит, — даже миссис Дёрсли с её превосходным зрением. Опустив гасилку в карман, Дамблдор направился к дому № 4, где устроился на ограде рядом с кошкой. Не глядя на неё, секунду спустя он промолвил:

— Не думал встретить вас здесь, профессор Макгонаголл.

Он с улыбкой обернулся к кошке, но та исчезла. Вместо неё он улыбался женщине строгого вида в прямоугольных очках, точь-в-точь повторяющих отметины вокруг глаз кошки. Она была в плаще изумрудно-зелёного цвета. Её тёмные волосы были стянуты в тугой пучок. Дама была заметно раздражена.

— Как вы догадались? — хмуро поинтересовалась она.

— Моя дорогая профессор, я в жизни не видел кошки столь сурового вида.

— Посуровеешь тут, проведя весь день на каменной ограде, — парировала профессор Макгонаголл.

— Весь день? Когда же вы праздновали? По пути

сюда я миновал, должно быть, дюжину банкетов и вечеринок.

Профессор Макгонаголл сердито фыркнула.

— О, разумеется, все веселятся, — возмущённо подтвердила она. — Казалось бы, им следовало бы быть чуточку осторожнее, но нет, — даже магглы заметили, что происходит нечто странное. Об этом говорили в их новостях, — она кивнула в сторону тёмного окна гостиной Дёрсли. — Я слышала. Стаи сов… звездопад… Что ж, они ведь не глупцы, какими их, похоже, считают. Они бы обязательно что-то заподозрили. Звездопад в Кенте! Наверняка дело рук Дедалуса Диггла. Он никогда не отличался особой сообразительностью.

— Их трудно винить, — мягко возразил Дамблдор. — За последние одиннадцать лет у нас было очень мало поводов для веселья.

— Я знаю, — недовольно буркнула профессор Макгонаголл, — но нельзя же терять голову. Люди ведут себя совершенно легкомысленно, средь бела дня разгуливают по улицам, не удосужившись даже одеться как магглы, и распространяют сплетни!

Профессор покосилась на Дамблдора, словно надеялась что-то услышать от него в ответ, однако он промолчал, и она продолжила:

— Будет просто чудесно, если магглы узнают о нашем существовании в тот самый день, когда, по слухам, Сами-Знаете-Кого, наконец, не стало. Ведь его *действительно* больше нет, Дамблдор?

— Очевидно, так, — кивнул Дамблдор. — Нам есть, чему радоваться. Не желаете ли лимонную шипучку?

— *Что?*

— Лимонную шипучку. Это такие маггловые сладости, лично мне очень нравятся.

— Нет, спасибо, — холодно отказалась профессор Макгонаголл, — видно, этот момент казался ей совершенно неподходящим для поедания лимонных шипучек. — Как я уже сказала, даже если Сами-Знаете-Кого больше нет…

— Моя дорогая профессор, неужели такой разумный человек, как вы, не может называть его по имени? Все эти «Сами-Знаете-Кто» — абсурд, одиннадцать лет я убеждал людей называть его настоящим именем — *Волдеморт*.

Профессор Макгонаголл вздрогнула, однако Дамблдор, увлечённо отлепляя друг от друга две лимонные шипучки, не заметил этого.

— Если мы будем и дальше называть его «Сами-Знаете-Кто», только себя запутаем. Я никогда не видел причин бояться имени Волдеморта.

— Я знаю, — раздражённо, и вместе с тем восхищённо ответила профессор Макгонаголл. — Но вы не такой, как все. Каждый знает, что вы — единственный, кого Сами-Знаете — ну хорошо, *Волдеморт* — всегда опасался.

— Вы мне льстите, — спокойно отозвался Дамблдор. — Волдеморт обладал силой, которая мне всегда была неподвластна.

— Только потому, что вы слишком… м-м… *благородны*, чтобы использовать её.

— Какое счастье, что сейчас темно. Я не краснел так сильно с тех пор, как услышал от мадам Помфри, что ей нравятся мои меховые наушники.

Профессор Макгонаголл искоса взглянула на Дамблдора и продолжила:

— Совы — это ещё мелочи по сравнению с последними слухами. Вы знаете, о чём сейчас все твердят? О том, почему он исчез? О том, что наконец его остановило?

Похоже, профессор Макгонаголл подвела разговор к той теме, что беспокоила её больше всего, ради которой она и провела целый день на холодной садовой ограде. Ни в обличье кошки, ни в обличье женщины она никогда ещё не буравила Дамблдора таким отчаянным взглядом, как сейчас. Было ясно — что бы «все» ни говорили,

она не поверит, пока Дамблдор не подтвердит это. Впрочем, тот выбирал очередную шипучку и не ответил.

— *Говорят*, — с нажимом произнесла она, — что прошлой ночью он объявился в Годриковой Лощине. Чтобы найти Поттеров. И, по слухам, Лили и Джеймс Поттер, они… они… *погибли*.

Дамблдор склонил голову. Профессор Макгонаголл ахнула:

— Лили и Джеймс… Не может быть… Я так не хотела в это верить… Ох, Альбус…

Дамблдор погладил её по плечу:

— Я знаю… знаю… — сдавленно проговорил он.

Профессор Макгонаголл дрожащим голосом продолжила:

— Это ещё не всё. Говорят, он пытался убить их сына, Гарри. Но он… он не смог. Он не справился с маленьким мальчиком. Никто не знает, отчего это случилось, но, по слухам, когда Волдеморту не удалось убить Гарри Поттера, его дух ослаб… и поэтому он исчез.

Дамблдор мрачно кивнул.

— Это… это *правда*? — запнулась профессор Макгонаголл. — После всего, что он совершил… после стольких людей, убитых им… он не смог одолеть маленького ребёнка? Это просто пора-

зительно… Из всех попыток остановить его… но как, во имя неба, Гарри удалось выжить?

— Мы можем лишь гадать, — покачал головой Дамблдор. — Возможно, не узнаем никогда.

Профессор Макгонаголл промокнула глаза кружевным платком. Дамблдор извлёк из кармана золотые часы и, взглянув на них, вздохнул. Это были очень необычные часы. У них было двенадцать стрелок, но ни одной цифры, — вместо них по кругу двигались крошечные планетки. Впрочем, должно быть, для Дамблдора это имело смысл, так как, опустив их обратно в карман, он чуть нахмурился:

— Хагрид опаздывает. Кстати, это наверняка он рассказал вам, что я приду сюда?

— Да, — подтвердила профессор Макгонаголл. — И вы наверняка не расскажете мне, *зачем* вы пришли?

— Я должен передать Гарри его дяде и тёте. Теперь они его единственные родственники.

— Вы хотите сказать… вы, что, *имеете в виду* людей, которые живут *здесь*? — вскричала профессор Макгонаголл, вскакивая и указывая на дом **№ 4**. — Дамблдор, вы этого не сделаете. Я наблюдала за ними весь день. На свете нет больше людей, настолько непохожих на нас. А этот их

сын, — я видела, как он пинал свою мать и орал, требуя конфет, пока они шли по улице. И Гарри Поттеру придётся жить здесь!

— Для него это самое лучшее, — уверенно ответил Дамблдор. — Его дядя и тётя смогут рассказать ему всё, когда он подрастёт. Я написал им письмо.

— Письмо? — слабым голосом повторила профессор Макгонаголл, вновь усаживаясь на ограду. — Дамблдор, неужели вы и впрямь думаете, что всё это можно объяснить в письме? Этим людям никогда не понять его. Мальчик станет знаменитостью, легендой, — не удивлюсь, если в будущем сегодняшний день назовут Днём Гарри Поттера, про Гарри напишут книги, каждый ребёнок в нашем мире будет знать его имя!

— Вот именно, — подтвердил Дамблдор, серьёзно глядя на неё поверх очков. — И этого довольно, чтобы вскружить голову любому. Стать знаменитым прежде, чем научиться ходить и говорить! Из-за того, чего он даже не помнит! Разве вы не видите, насколько полезнее для него подрасти вдали от всего этого, пока он не будет готов это принять?

Профессор Макгонаголл открыла было рот, собираясь возразить, но передумала и, сглотнув,

согласилась:

— Да, да… конечно, вы правы. Но как мальчик попадёт сюда, Дамблдор?

Она внезапно окинула взглядом его плащ, словно подумала, что Дамблдор прячет Гарри под ним.

— Его привезёт Хагрид.

— Вы считаете, это — *разумно* — доверять Хагриду такое ответственное дело?

— Я бы доверил Хагриду и свою жизнь, — отозвался Дамблдор.

— Я не сомневаюсь в его душевных качествах, — нехотя пояснила профессор Макгонаголл. — Но вы ведь не станете отрицать, что он небрежен и склонен к… что это?

Окружавшую их тишину нарушил громкий рокот. Пока они оглядывались по сторонам в поисках горящих фар, звук усиливался и, наконец, перерос в настоящий рёв; оба, подняв головы, взглянули на небо, и тут гигантский мотоцикл, появившись словно из ниоткуда, приземлился перед ними.

Как ни огромен был мотоцикл — это было ничто по сравнению с человеком, сидевшим на нём. Ростом он был с двух обычных людей и, по меньшей мере, с пяти — в ширину. Вид великан

имел довольно *устрашающий*, — длинные пряди чёрных кустистых волос и бороды скрывали большую часть лица; ладони его были размером с крышку мусорного бака каждая, а ступни ног в кожаных ботинках — с детёнышей дельфина. В громадных, мускулистых руках он держал свёрток из одеял.

— Хагрид, — с облегчением промолвил Дамблдор. — Наконец-то. А откуда у тебя мотоцикл?

— Одолжил, профессор Дамблдор, сэр, — объяснил гигант, осторожно слезая на землю. — У молодого Сириуса Блека. Я привёз его, сэр.

— Не было никаких затруднений?

— Нет, сэр, — дом уж лежал в руинах, но я успел его унести прежде, чем вокруг столпились магглы. Он заснул, када мы пролетали над Бристолем.

Дамблдор и профессор Макгонаголл склонились над свёртком. В нём, едва видный из-под одеял, спал младенец. На лбу у него, под прядью чёрных волос, виднелся свежий порез причудливой формы, похожий на молнию.

— Так вот куда?.. — прошептала профессор Макгонаголл.

— Да, — кивнул Дамблдор. — Этот шрам останется у него на всю жизнь.

— Вы разве не можете что-нибудь сделать с ним, Дамблдор?

— Даже если бы мог, не стал бы. Шрамы могут быть очень даже полезны. У меня самого есть один — над левым коленом, так он полностью повторяет схему лондонского метро. Ну, давай его мне, Хагрид, нужно довести дело до конца.

— Могу я… могу я попрощаться с ним, сэр? — попросил Хагрид. Он склонил к Гарри огромную, косматую голову и неуклюже поцеловал мальчика, уколов бородой. Внезапно великан взвыл, словно раненая собака.

— Шшш! — прошипела профессор Макгонагалл. — Разбудишь магглов!

— П-п-простите, — всхлипнул Хагрид, доставая большой, весь в пятнах, носовой платок и пряча в него лицо. Но я н-н-не могу этва вынести… Лили и Джеймс мертвы… И бедняжка Гарри остаётся с магглами…

— Да, да, это ужасно, Хагрид, но всё же возьми себя в руки, не то нас заметят, — прошептала профессор Макгонагалл, осторожно похлопывая его по плечу; Дамблдор в это время переступил через низенькую садовую ограду и приблизился к входной двери. Он бережно опустил Гарри на крыльцо, вынул из кармана письмо, спрятал его

между одеял и затем вернулся к остальным. С минуту они стояли, глядя на свёрток. Плечи Хагрида дрожали, профессор Макгонаголл отчаянно моргала, а обычный яркий блеск в глазах Дамблдора, казалось, внезапно пропал.

— Что ж, — наконец произнёс Дамблдор, — вот и всё. Нам здесь больше нечего делать. Теперь лучше присоединиться к празднующим.

— Да, — осипшим голосом отозвался Хагрид. — Я должен вернуть Сириусу Блеку его мотоцикл. Доб'ночи, профессор Макгонаголл. Профессор Дамблдор, сэр…

Вытирая влажные глаза рукавом куртки, он вскочил на мотоцикл и завёл мотор; мотоцикл с рёвом поднялся в воздух и исчез в ночном небе.

— Что ж, думаю, мы скоро увидимся, профессор Макгонаголл, — попрощался Дамблдор, кивнув ей. В ответ профессор шмыгнула носом.

Дамблдор развернулся и направился вдоль по улице. Дойдя до поворота, он остановился и вынул гасилку. Щелчок — и двенадцать шаров света вернулись в свои фонари. При их свете он разглядел, как полосатая кошка на другом конце улицы скользнула за угол. На пороге дома № 4 виднелся маленький свёрток из одеял.

— Удачи, Гарри, — прошептал Дамблдор. Он по-

вернулся на каблуках и исчез, взмахнув плащом.

Лёгкий ветерок шевелил листья живых изгородей на Бирючинном проезде, тихо и опрятно лежавшем под чернильно-синим небом. Гарри Поттер, не просыпаясь, перевернулся на бок в одеялах. Детская ручка накрыла конверт с письмом. Он спал, не зная ни о том, что особенный; ни о том, что знаменит; не зная, что через несколько часов его разбудит крик миссис Дёрсли, которая откроет дверь, чтобы выставить на крыльцо пустые бутылки из-под молока; не зная, что следующие несколько недель кузен Дадли будет щипать и тыкать его… Он не знал, что в то самое время люди по всей стране тайно встречались, поднимая стаканы в его честь, и вполголоса произносили:

— За Гарри Поттера — за мальчика, который выжил!

Глава вторая
ИСЧЕЗНУВШЕЕ СТЕКЛО

Почти десять лет минуло с тех пор, как Дёрсли, проснувшись, нашли на крыльце собственного племянника, однако Бирючинный проезд остался прежним. В то утро солнце поднялось над всё такими же ухоженными садиками; озарило бронзовую табличку с номером четыре на входной двери дома Дёрсли; лучи света просочились в гостиную, почти не изменившуюся с вечера, когда мистер Дёрсли смотрел тот роковой выпуск новостей. Лишь фотографии на каминной полке дали понять, как много времени прошло на самом деле. Десять лет назад здесь было множество снимков чего-то, похожего на надувной розовый мяч в разноцветных чепчиках, — но Дадли Дёрсли вырос, и теперь на фотографиях был запечатлён тучный светловолосый мальчик на своём первом велосипеде; на ярмарочной карусели; за компьютером с папой; в обнимку с мамой. В комнате так и не появилось ни намёка, что в семью попал ещё один мальчик.

Но Гарри Поттер по-прежнему жил здесь. Сей-

час он спал, но спать ему оставалось недолго. Тётя Петуния уже поднялась, и именно её пронзительный голос разбудил Гарри в то утро.

— Подъём! Вставай! Сейчас же!

Гарри, вздрогнув, проснулся. Тётя снова забарабанила в дверь.

— Вставай! — визгливо крикнула она. Слышно было, как она прошла в кухню и поставила на плиту сковородку. Гарри перевернулся на спину и попытался вспомнить, что же ему только что снилось. Это был хороший сон — кажется, летящий по небу мотоцикл. Гарри не покидало странное ощущение, будто он уже видел этот сон.

Тётя вернулась к двери.

— Ты уже встал? — требовательно поинтересовалась она.

— Почти, — отозвался Гарри.

— Да пошевеливайся же, мне надо, чтобы ты присмотрел за беконом. И, не дай бог, он пригорит, — в день рождения Дадди всё должно быть безупречно.

Гарри застонал.

— Что ты сказал? — рявкнула тётя из-за двери.

— Ничего, ничего…

День рождения Дадли, — как он мог забыть? Гарри не спеша вылез из постели и начал искать

носки. Они обнаружились под кроватью; Гарри стряхнул с них паука и надел. Он привык к паукам, ведь в чулане под лестницей, где он спал, их было полно.

Одевшись, Гарри прошёл на кухню. Стол был практически погребён под подарками Дадли. Похоже, тот получил новый компьютер, о котором и мечтал, не говоря уж о втором телевизоре и гоночном велосипеде. Зачем Дадли велосипед, для Гарри оставалось загадкой, ведь Дадли был ужасно жирным и ненавидел спорт, — если только не считать за спорт привычку кому-нибудь вмазать. Любимой боксёрской грушей он избрал Гарри, — правда, того нечасто удавалось поймать. Ни за что не скажешь по внешнему виду, но Гарри очень быстро бегал.

Гарри всегда был чересчур маленьким и тощим для своего возраста, — возможно, сказывалась жизнь в тёмном чулане. А ещё меньше и тоньше он казался оттого, что всю свою одежду донашивал за Дадли, а кузен был крупнее него раза в четыре. У Гарри было худое лицо, угловатые колени, чёрные волосы и ярко-зелёные глаза. Он носил круглые очки, перемотанные посередине толстым слоем клейкой ленты, потому что Дадли периодически бил его по носу. Единственное, что

нравилось ему в собственной внешности — тонкий шрам на лбу, похожий на молнию. Он был у Гарри, насколько тот помнил, с самого раннего детства, и первый вопрос, который он задал тёте Петунии — откуда взялся шрам.

— Это из-за той аварии, в которой погибли твои родители, — недовольно ответила она. — И не задавай вопросов.

«*Не задавай вопросов*» — главное условие мирных отношений с дядей и тётей.

Дядя Вернон вошёл в кухню, когда Гарри переворачивал на сковороде бекон.

— Причешись! — гаркнул он в качестве утреннего приветствия.

Примерно раз в неделю дядя Вернон, осуждающе глядя на Гарри поверх газеты, заявлял, что племянника нужно подстричь. Гарри, должно быть, стригли чаще, чем всех его одноклассников, вместе взятых, но смысла в этом не было никакого, — его волосы очень быстро росли и, к тому же, торчали в разные стороны.

Когда появились Дадли с матерью, Гарри уже жарил яичницу. Кузен был очень похож на своего отца: круглое розовое лицо, короткая шея, маленькие водянистые голубые глазки и густые светлые волосы, аккуратно лежавшие на

большой жирной голове. Тётя Петуния всегда твердила, что Дадли похож на ангелочка, — Гарри же про себя звал его «хрюнь-манюнь».

Гарри расставил на столе тарелки с яичницей и беконом, — что оказалось очень непросто, ведь там почти не осталось места. Дадли между тем пересчитал свои подарки. Лицо его разочарованно вытянулось.

— Тридцать шесть, — буркнул он, исподлобья глядя на родителей. — Это на два меньше, чем в прошлом году.

— Дорогой, ты пропустил подарок тётушки Мардж, смотри, вот он, под большой коробочкой от мамочки и папочки.

— Ладно, но тогда получается всего тридцать семь, — процедил Дадли с побагровевшим лицом.

Гарри, распознав симптомы приближающейся истерики, начал торопливо, как волк, заглатывать бекон, — мало ли, кузен перевернёт стол.

Тётя Петуния, очевидно, тоже заметила надвигающуюся опасность и затараторила:

— И мы купим тебе ещё *два* подарка, пока будем гулять. Как тебе это, пупсик? Ещё *два* подарочка. Хорошо?

Дадли задумался. Тяжело задумался. Наконец

Дадли медленно проговорил:

— Значит, у меня будет тридцать… тридцать…

— Тридцать девять, мой сладенький, — подсказала тётя Петуния.

— А-а, — Дадли тяжело плюхнулся на стул и схватил ближайший свёрток. — Тогда ладно.

Дядя Вернон хохотнул.

— Наш малец знает себе цену, — прямо как отец. Молодчина, Дадли! — он взъерошил сыну волосы.

В это время зазвонил телефон, и тётя Петуния поторопилась к трубке; Гарри и дядя Вернон между тем наблюдали, как Дадли распаковывает гоночный велосипед, видеокамеру, самолёт с дистанционным управлением, шестнадцать новых компьютерных игр и видеомагнитофон. Он уже срывал обёртку с золотых наручных часов, когда вернулась тётя Петуния, рассерженная и обеспокоенная.

— Плохо дело, Вернон, — обратилась она к мужу. — Миссис Фигг сломала ногу. Она не сможет забрать его, — она дёрнула головой в сторону Гарри.

От ужаса у Дадли отвисла челюсть, а сердце Гарри радостно подпрыгнуло. Каждый год, в дадлин день рождения, Дёрсли вместе с сыном и

кем-нибудь из его друзей отправлялись в парки аттракционов, в кафе, в кино. Гарри же они оставляли на попечении миссис Фигг, сумасшедшей старухи, жившей за две улицы от них. Весь её дом насквозь пропах капустой, а сама хозяйка вдобавок заставляла мальчика рассматривать снимки всех кошек, живших у неё в разное время.

— Ну, что теперь? — вопросила тётя Петуния, злобно зыркнув на Гарри, словно это он всё подстроил. Тот понимал, что миссис Фигг следует посочувствовать, но это было нелегко, — ведь теперь целый год отделял Гарри от того момента, когда ему снова придётся созерцать фотографии Тибби, Снежка, мистера Лапки и Хохолка.

— Мы можем позвонить Мардж, — предложил дядя Вернон.

— Не глупи, Вернон, она терпеть не может мальчишку.

Дёрсли всегда обсуждали Гарри в таком тоне, словно его не было рядом, — или же словно он был чем-то безмозглым и к тому же не способным их понять, вроде слизняка.

— А как насчёт твоей подруги — как же её — Ивонны?

— В отпуске на Майорке, — отрезала тётя Петуния.

— Вы можете просто оставить меня здесь, — с надеждой вмешался Гарри (тогда бы он в кои-то веки посмотрел по телевизору, что захочет, а, может быть, даже поиграл на компьютере Дадли).

Вид у тёти Петунии был такой, точно она проглотила лимон.

— Чтобы потом вернуться, а дом лежит в руинах? — прорычала она.

— Да не взорву я дом, — запротестовал Гарри, но его уже никто не слушал.

— Может, мы возьмём его с собой в зоопарк, — неуверенно начала тётя Петуния, — и оставим в машине…

— Машина вообще-то новая, его одного я в ней не оставлю…

Дадли разрыдался. То есть, вообще-то он вовсе не плакал, — в последний раз с ним это случилось несколько лет назад, но он знал: стоит ему скривить лицо и завыть, как мамочка исполнит любую его прихоть.

— Лапочка мой, Дадлюшка, не плачь, мамуля не позволит ему испортить твой праздник!

— Я… не хоч-чу… чтобы он… ехал с нами! — голосил Дадли в промежутках между фальшивыми всхлипываниями. — Он всегда всё п-портит!

Он состроил Гарри мерзкую рожу, высунув-

шись из-за спины матери.

Внезапно в дверь позвонили.

— О Господи, это они! — с отчаянием воскликнула тётя Петуния, и вскоре в кухню вошёл лучший друг Дадли, Пьерс Полкисс, со своей матерью. Пьерс был костлявым мальчишкой, сильно напоминавшим крысу. Именно он скручивал руки за спину жертвам Дадли, чтобы тому было удобнее их бить. Дадли моментально прекратил свой притворный плач.

Полчаса спустя Гарри, не смея поверить в своё счастье, уже сидел на заднем сиденье машины дяди Вернона, рядом с Пьерсом и Дадли, — впервые в жизни он ехал в зоопарк. Дядя с тётей так и не придумали, куда бы его сбагрить, но, прежде чем Гарри залез в автомобиль, дядя Вернон отвёл его в сторону.

— Предупреждаю тебя, — прошипел он, приблизив побагровевшую физиономию к самому лицу Гарри, — предупреждаю, хоть один фокус — и ты просидишь в чулане до Рождества.

— Да я и не собирался, — пообещал Гарри, — правда…

Но дядя Вернон ему не поверил. Ему вообще никто не верил.

Всё дело в том, что с Гарри часто происходили

странные вещи, и бесполезно было объяснять дяде с тётей, что он тут ни при чём.

Например, однажды тёте Петунии надоело, что Гарри приходит из парикмахерской в таком виде, будто там и не был; вооружившись кухонными ножницами, она остригла его почти налысо, оставив лишь небольшую чёлку, дабы «прикрыть этот ужасный шрам». Дадли чуть не лопнул со смеху при виде Гарри, а тот провёл бессонную ночь, представляя, что с ним завтра будет в школе, где уже и так смеялись над его мешковатой одеждой и сломанными очками. Однако следующим утром он обнаружил, что волосы выглядят точно так же, как и до того, как тётя Петуния его обкорнала. За это Гарри неделю просидел в чулане, хоть и пытался объяснить, что *понятия не имеет*, почему волосы отросли так быстро.

В другой раз тётя пыталась заставить Гарри надеть кошмарный старый джемпер Дадли (коричневый с оранжевыми помпонами). Казалось, чем усерднее она натягивала на него джемпер, тем меньше он становился, пока, наконец, не съёжился до того, что был бы впору кукле, но уж никак не Гарри. К счастью, тётя Петуния решила, что джемпер сел после стирки, и обошлось без наказаний.

Но был и случай, когда он влип в серьёзные неприятности, — его заметили на крыше школьной столовой. Банда Дадли, как обычно, гналась за ним, и вдруг, к удивлению Гарри — а также всех остальных — он оказался на трубе. Директриса послала Дёрсли гневное письмо, сообщив в нём, что Гарри лазает по школьной крыше. Но всё, что тот хотел сделать (как он кричал дяде Вернону через запертую дверь чулана) — это перепрыгнуть через мусорные баки за дверью столовой. Сам Гарри решил, что, когда он прыгал, его подхватил порыв ветра.

Но сегодня всё должно было пройти гладко. Даже общество Дадли и Пьерса стоило того, чтобы провести день не в школе, не в чулане и не в пропахшей капустой гостиной миссис Фигг.

По дороге дядя Вернон жаловался тёте Петунии. Он вообще любил пожаловаться: на подчинённых, на Гарри, на совет директоров, на Гарри, на банк, на Гарри, — и это была лишь часть его излюбленных тем. Сегодня главным объектом его претензий стали мотоциклы.

— …носятся как ненормальные, хулиганы чёртовы, — проворчал дядя Вернон, когда их обогнал байкер.

— А мне сегодня приснился мотоцикл, — сооб-

щил Гарри, вдруг вспомнив свой сон. — Он летел по небу.

Дядя Вернон чуть не въехал в идущую впереди машину. Он резко развернулся к Гарри (лицо его походило на гигантскую свёклу с усами) и заорал:

— МОТОЦИКЛЫ НЕ ЛЕТАЮТ!

Дадли и Пьерс захихикали.

— Да-да, я знаю, — быстро согласился Гарри. — Это был просто сон.

Он уже жалел, что раскрыл рот. Если и было в его поведении что-то более ненавистное родственникам, чем когда он задавал вопросы, — так это когда он говорил о чём-то необычном, неважно, видел ли он это во сне или даже в мультфильме — им, похоже, казалось, что у него могли появиться какие-то нездоровые идеи.

Суббота выдалась солнечной, и в зоопарке было полно людей с детьми. На входе Дёрсли купили Дадли и Пьерсу по большому шоколадному мороженому, а Гарри достался дешёвый фруктовый лёд с лимонным вкусом, — и то лишь потому, что они не успели увести его от прилавка прежде, чем улыбчивая продавщица спросила, чего он хочет. Тоже неплохо, думал Гарри и лизал фруктовый лёд, наблюдая за чешущей голову гориллой, — та

ужасно напоминала Дадли, разве что волосы были тёмные.

У Гарри давно не было такого прекрасного утра. Он, правда, старался держаться в стороне от остальных, так как ближе к обеду Дадли и Пьерсу уже начали надоедать животные, а значит, они могли заняться своим любимым делом — избить его. Они перекусили в ресторанчике прямо в зоопарке, а когда Дадли учинил скандал по поводу отсутствия мороженого на верхушке десерта «Восторг сорванца», дядя Вернон заказал ему другой, а Гарри разрешили доесть остатки.

Впоследствии Гарри понял: всё шло слишком хорошо, чтобы продолжаться в том же духе.

После обеда они отправились в террариум. Там было прохладно и темно, и вдоль стен тянулись освещённые витрины. За стеклом ползали и скользили по камням и кускам дерева всевозможные ящерицы и змеи. Дадли и Пьерсу захотелось посмотреть на ядовитых кобр и гигантских, мощных питонов, и Дадли быстро нашёл самую крупную змею в террариуме. Она с лёгкостью могла дважды обвиться вокруг машины дяди Вернона и расплющить её в лепёшку, — но данный момент, похоже, была не в настроении. Она, вообще-то, крепко спала.

Дадли, прижав нос к стеклу, таращился на блестящие бронзовые кольца.

— Расшевели её, — захныкал он.

Дядя Вернон забарабанил костяшками пальцев по стеклу, но змея даже не шелохнулась.

— Ещё раз, — скомандовал Дадли. Дядя Вернон постучал энергичнее, но безрезультатно.

— Ску-у-учно, — проныл кузен и пошёл прочь, волоча ноги.

Гарри подошёл к витрине и пристально посмотрел на змею. Он бы не удивился, если та умерла от скуки, — никакой компании, за исключением глупых людей, целый день барабанящих по стеклу, мешая спать. Это даже хуже, чем спать в чулане, где единственный гость — тётя Петуния, колотящая в дверь, чтобы разбудить; он, по крайней мере, мог передвигаться по дому.

Внезапно змея открыла глаза — крошечные, блестящие, похожие на бусинки. Медленно, очень медленно она поднимала голову, пока её глаза не оказались вровень с глазами Гарри.

Она подмигнула.

Гарри вытаращился на змею. Затем быстро оглянулся проверить, не смотрит ли на них кто-нибудь. Убедившись, что нет, Гарри снова повернулся к змее и подмигнул в ответ.

Она указала головой на Дадли и дядю Вернона и затем возвела глаза к потолку, очевидно, имея в виду: «*И вот так всё время*».

— Я понимаю, — прошептал Гарри, хотя вряд ли змея слышала его через толстое стекло. — Наверное, ужасно раздражает.

Змея согласно кивнула.

— Откуда ты? — спросил Гарри.

Она ткнула хвостом в сторону небольшой таблички возле витрины. Гарри вгляделся в неё:

«**Удав, Бразилия**».

— Хорошо там, в Бразилии?

Змея снова указала на табличку, и Гарри прочёл дальше:

«**Экземпляр был выведен в зоопарке**».

— А-а, я понял… Так ты там никогда не бывала?

Змея отрицательно мотнула головой, и тут за спиной у Гарри раздался оглушительный вопль, так что они оба вздрогнули от неожиданности:

— ДАДЛИ! МИСТЕР ДЁРСЛИ! СКОРЕЕ, СМОТРИТЕ НА ЭТУ ЗМЕЮ! ВЫ НЕ *ПОВЕРИТЕ*, ЧТО ОНА ВЫТВОРЯЕТ!

Дадли вразвалочку поспешил к ним.

— Пошёл с дороги, ты, — фыркнул он, толкнув Гарри в грудь. Застигнутый врасплох, Гарри упал и сильно ударился о бетонный пол. Пьерс и Дадли прильнули к стеклу и тут же отскочили с воплями ужаса, — всё произошло в мгновение ока.

Гарри кое-как сел и охнул: стекло витрины исчезло. Гигантская змея поспешно разворачивала кольца, выползая на пол. Люди по всему террариуму с криками помчались к выходу.

Гарри мог бы поклясться, — когда змея торопливо скользила мимо, до него донеслось тихое шипение:

— В Бразилию… с-с-спасибо, амиго.

Служащий террариума был в шоке.

— Но стекло, — повторял он. — Куда делось стекло?

Директор зоопарка лично приготовил тёте Петунии чашку крепкого, сладкого чая, непрестанно извиняясь. Пьерс и Дадли могли лишь бубнить что-то невразумительное. Насколько Гарри видел, змея ничего им не сделала, разве что играючи куснула за пятки, скользя мимо. Но, когда они уже сидели в машине, Дадли божился, что она чуть не откусила ему ногу, а Пьерс уверял, что его едва не задушили. Но, что хуже всего, — по крайней мере, для Гарри, — придя в себя, Пьерс

наябедничал:

— А Гарри разговаривал с ней, — правда, Гарри?

Дядя Вернон дождался, пока Пьерса уведут домой, и затем набросился на Гарри. Он был так зол, что едва мог говорить. Выдавив: «Иди… в чулан… сиди там… без еды», он рухнул в кресло, и тёте Петунии пришлось налить ему большой стакан бренди.

* * *

Позже Гарри, лежа в тёмном чулане, жалел, что у него нет часов. Он не знал, сколько времени, и не был уверен, что Дёрсли уже улеглись в постель. А пока они не уснули, он не смел прокрасться на кухню и стащить хоть что-нибудь поесть.

Он жил здесь уже почти десять лет, десять несчастливых лет, сколько он себя помнил, с тех пор, как его родители погибли в автокатастрофе. Гарри не помнил, что тоже был в той машине. Иногда, подолгу напрягая память в своём чулане, он видел странную картину: вспышка зелёного света и адская боль в голове. Это, как он думал, и была автокатастрофа, хотя не мог понять, откуда взялся зелёный свет. Он совсем не помнил родителей. Дядя и тётя никогда не говорили о них, и,

конечно же, запрещали ему задавать вопросы. Фотографий родителей в доме не было.

Раньше Гарри мечтал, что однажды за ним явится какой-нибудь неизвестный родственник, но этого так и не случилось; Дёрсли оставались его единственной семьей. Хотя иногда ему казалось (или он просто на это надеялся), что некоторые прохожие узнают его. Странные это были прохожие. Как-то раз, когда он был в магазине с тётей Петунией и Дадли, ему поклонился старичок в фиолетовом цилиндре. Тётя Петуния, злобно спросив у Гарри, откуда он знает этого человека, вылетела с ними из магазина, так ничего и не купив. В другой раз диковатого вида пожилая женщина весело помахала ему в автобусе. Лысый мужчина в длинном пурпурном плаще пожал ему руку и ушёл, не сказав ни слова. Самое интересное во всех этих людях было то, что, когда Гарри пытался повнимательнее их рассмотреть, они исчезали.

В школе с Гарри никто не водился. Все знали, что банда Дадли ненавидела этого странного Гарри Поттера в мешковатой одежде и сломанных очках; а конфликтовать с бандой Дадли не хотелось никому.

Глава третья
ПИСЬМА НИ ОТ КОГО

Побег бразильского удава обернулся для Гарри самым суровым наказанием в жизни. К тому времени, как его выпустили из чулана, уже начались летние каникулы; Дадли же успел разбить видеокамеру, расколотить самолёт с дистанционным управлением и, впервые сев на гоночный велосипед, сбил с ног миссис Фигг, переходившую улицу на костылях.

Гарри был рад, что школьные занятия кончились, но теперь некуда было деться от дружков Дадли, навещавших его каждый день. Пьерс, Деннис, Малькольм и Гордон, — все они были здоровенными и безмозглыми, но, так как Дадли был самым здоровенным и безмозглым, он считался лидером. Остальные были только рады присоединиться к Дадли в его любимом развлечении — гонке за Гарри.

Именно поэтому тот старался как можно больше времени проводить на улице; он бродил где-то неподалёку и думал о начале нового учебного года, откуда ему светил крошечный лучик надеж-

ды. В сентябре Гарри перейдёт в среднюю школу и, наконец, избавится от Дадли. Того приняли в элитную школу «Смелтингс», где когда-то учился и сам дядя Вернон. Туда же определили и Пьерса Полкисса. Гарри же записали в «Каменные стены», местную общеобразовательную школу. Дадли это показалось чрезвычайно забавным.

— В «Каменных стенах» новичков в первый же день засовывают башкой в унитаз, — издевался он. — Хочешь, поднимемся наверх и потренируемся?

— Нет, спасибо, — отказался Гарри. — В нашем бедном унитазе ещё не бывало ничего ужаснее твоей головы, — его стошнит.

Гарри убежал раньше, чем до Дадли дошло.

Как-то в июле тётя Петуния увезла Дадли в Лондон — купить школьную униформу, а Гарри оставила у миссис Фигг. Теперь здесь стало намного приятнее. Выяснилось, что миссис Фигг сломала ногу, споткнувшись об одну из своих кошек, и, похоже, уже не обожала их так, как прежде. Она даже разрешила Гарри посмотреть телевизор и угостила его шоколадным тортом, — последний, судя по вкусу, пролежал у неё в буфете несколько лет.

Этим вечером Дадли гордо расхаживал по го-

стиной в новой униформе. Ученики «Смелтингса» носили тёмно-бордовые фраки, оранжевые бриджи и соломенные шляпы канотье. Также им полагалось иметь при себе трости с набалдашником, которыми они колотили друг друга за спинами учителей. Это считалось хорошей подготовкой к взрослой жизни.

Глядя на Дадли, вышагивающего в новых бриджах, дядя Вернон ворчливым тоном объявил, что это самый торжественный момент в его жизни. Тётя Петуния разрыдалась и воскликнула, что не может поверить: неужели этот взрослый красавец — её масенький Дадличек. А Гарри не осмеливался ничего говорить. Ему казалось, что от еле сдерживаемого хохота у него уже и так треснули два ребра.

* * *

Следующим утром, когда Гарри пришёл завтракать, в кухне стояла невыносимая вонь. Похоже, она исходила из большого металлического таза в раковине. Гарри подошёл посмотреть, — таз был полон каких-то грязных тряпок, плавающих в серой воде.

— Что это? — спросил он у тёти. Та поджала губы, как и всегда, когда он осмеливался задать

вопрос.

— Твоя новая школьная форма, — пояснила она.

Гарри снова заглянул в таз.

— А-а, — протянул он. — Просто я не знал, что она должна быть такой мокрой.

— Не идиотничай, — огрызнулась тётя. — Я крашу кое-какие старые вещи Дадли в серый цвет. Когда закончу, твоя форма будет такой же, как у остальных.

Гарри в этом сильно сомневался, но решил, что лучше не спорить. Он сел за стол, пытаясь не думать о том, в каком виде появится в «Каменных стенах», — видимо, будто напялил обрывки старой слоновьей шкуры.

Дядя Вернон и Дадли вошли в кухню и брезгливо сморщили носы, учуяв запах новой формы Гарри. Дядя, как обычно, развернул газету, а Дадли принялся дубасить по столу своей тростью, — теперь он всюду таскал её с собой.

Из прихожей донёсся щелчок, — открылась щель для писем, и на дверной коврик упала почта.

— Сходи за почтой, Дадли, — велел дядя Вернон из-за газеты.

— Пошли за ней Гарри.

— Гарри, сходи за почтой.

— Пошлите за ней Дадли.

— Ткни его тростью, Дадли.

Гарри увернулся от трости и поплёлся за почтой. На коврике лежала открытка от Мардж, сестры дяди Вернона, отдыхавшей на острове Уайт; коричневый конверт — должно быть, счёт; и… *письмо для Гарри*.

Он поднял его и принялся рассматривать; внутри у него всё дрожало, словно натянутая тетива лука. Он ещё никогда не получал писем. Да и кто стал бы ему писать? У него не было ни друзей, ни других родственников; он не был записан в библиотеку, поэтому ему не приходили даже уведомления с требованием вернуть книги. И всё же, вот оно — письмо, и адрес написан так точно, что ошибки быть не может:

Графство Суррей
Литтл-Уинджинг
Бирючинный проезд, дом 4
Чулан под лестницей
М-ру Гарри Поттеру

Конверт был толстый и тяжёлый, из желтоватого пергамента, а адрес был написан изумрудно-зелёными чернилами. Марки не было.

Дрожащими руками Гарри перевернул конверт, — на оборотной стороне оказалась пурпурная восковая печать с гербом — лев, орёл, барсук и змея вокруг большой буквы «*Х*».

— Ну, где ты там? — крикнул из кухни дядя Вернон. — Проверяешь письма на наличие взрывчатки?

Он рассмеялся над своей шуткой.

Гарри вернулся на кухню, не отрывая взгляда от письма. Он протянул дяде Вернону открытку и счёт, сел за стол и начал неспешно вскрывать свой конверт.

Дядя Вернон разорвал конверт со счетами, с отвращением фыркнул и бегло просмотрел открытку.

— Мардж заболела, — сообщил он тёте Петунии. — Отравилась какими-то улитками.

— Пап! — внезапно завопил Дадли. — Пап, Гарри тоже что-то получил!

Гарри уже собирался развернуть сложенный вчетверо лист пергамента, но тут дядя Вернон выдернул письмо у него из рук.

— Это *моё*! — возмутился Гарри, пытаясь выхватить пергамент.

— И кто же тебе напишет? — с издёвкой усмехнулся дядя Вернон, встряхивая письмо одной

рукой, чтобы развернуть, и вглядываясь в него. Внезапно его красное лицо позеленело, — быстрее, чем меняются цвета светофора. Но этим дело не ограничилось. Через пару секунд оно приняло серовато-белый оттенок засохшей овсянки.

— П-п-петуния! — выдохнул он.

Дадли попытался схватить письмо, но не дотянулся. Тётя Петуния с любопытством взяла у дяди пергамент и прочла первую строчку. На долю секунды показалось, что она сейчас упадёт в обморок. Она схватилась за горло и, задыхаясь, выдавила:

— Вернон! Боже мой, Вернон!

Они уставились друг на друга, забыв, похоже, что Гарри и Дадли всё ещё рядом. Дадли к такому не привык. Он треснул отца тростью по голове.

— Я хочу прочитать это письмо! — громко заявил он.

— Это я хочу прочитать письмо, — рассвирепел Гарри, — потому что оно *моё*!

— Убирайтесь, оба, — хрипло прокаркал дядя Вернон, засовывая пергамент обратно в конверт.

Гарри не сдвинулся с места.

— ВЕРНИТЕ МОЁ ПИСЬМО! — заорал он.

— Дайте *мне* посмотреть! — потребовал Дадли.

— ВОН! — взревел дядя Вернон, схватил их

обоих за шиворот, вытолкал в прихожую и захлопнул дверь. Гарри и Дадли тут же устроили яростную, но безмолвную драку за место у замочной скважины; победил Дадли, поэтому Гарри, в очках, болтающихся на одном ухе, лёг на пол и стал подслушивать через щель между полом и дверью.

— Вернон, — дрожащим голосом говорила тётя Петуния, — взгляни на адрес — откуда им знать, где он спит? Они, что, следят за нами?

— Следят… шпионят… возможно, даже преследуют… — невменяемым голосом бормотал дядя Вернон.

— Но что же нам делать, Вернон? Написать им? Сказать, что мы не желаем…

Гарри наблюдал, как блестящие чёрные дядины ботинки расхаживают по кухне.

— Нет, — наконец решил он. — Нет, мы просто проигнорируем это письмо. Если они не получат ответа… да, это самый разумный выход… мы не станем ничего предпринимать.

— Но…

— Петуния, я не потерплю этого в своём доме! Разве мы не поклялись, оставив его у себя, бороться с этой чушью?

* * *

Тем же вечером, вернувшись с работы, дядя Вернон совершил поистине беспрецедентный поступок, — а именно, заглянул к Гарри в чулан.

— Где моё письмо? — выпалил Гарри, едва дядя протиснулся в дверь. — Кто мне его прислал?

— Никто. Оно попало к тебе по ошибке, — коротко пояснил дядя Вернон. — Я его сжёг.

— *Ничего* не по ошибке, — сердито буркнул Гарри. — Там был написан мой чулан.

— ТИХО! — заорал дядя Вернон, отчего с потолка свалилась пара пауков. Он несколько раз глубоко вздохнул и заставил себя улыбнуться, вышло у него довольно неудачно. — Э-э… Кстати, Гарри, насчёт этого чулана. Мы с твоей тётей подумали… ты уже вырос, тебе тут неудобно… мы решили, что будет лучше, если ты переберёшься во вторую спальню Дадли.

— Зачем? — не понял Гарри.

— Не задавай вопросов! — рявкнул дядя. — Собирай своё барахло и тащи наверх, живо!

В доме Дёрсли было четыре спальни: одна принадлежала дяде Вернону и тёте Петунии, другая предназначалась для гостей (чаще всего в ней оставалась Мардж, сестра дяди Вернона); в тре-

тьей спал Дадли, а в четвёртой кузен хранил все свои вещи и игрушки, которые не помещались в его первую комнату. Гарри же понадобилось всего одно путешествие на второй этаж, чтобы перенести туда всё своё имущество. Он присел на кровать и осмотрелся. Практически всё в комнате было поломано. Видеокамера, купленная всего месяц назад, валялась на игрушечном танке, которым Дадли однажды переехал соседскую собаку; в углу стоял первый телевизор кузена, который тот разбил ногой из-за того, что отменили его любимую передачу; здесь же была и большая клетка, в которой когда-то жил попугай, — Дадли обменял его в школе на пневматическое ружье, лежавшее на полке с погнутым дулом, — кузен как-то раз на нём посидел. На других полках было полно книг, — только они выглядели новыми и нетронутыми.

Снизу доносились рыдания Дадли:

— Я *не хочу*, чтобы он там жил… мне *нужна* эта комната… выгоните его…

Гарри со вздохом растянулся на кровати. Вчера он отдал бы всё за эту комнату. Сегодня он скорее согласился бы снова оказаться в чулане, но с письмом, чем сидеть здесь без письма.

* * *

Следующим утром за завтраком все вели себя неестественно тихо. Все, кроме Дадли. Он успел пореветь, поколотить тростью отца, пнуть мать, притвориться, что болен, разбить черепахой крышу теплицы, — но обратно комнату так и не получил. Гарри в это время вспоминал вчерашний день и горько жалел, что не прочёл письмо ещё в прихожей. Дядя и тётя то и дело мрачно косились друг на друга.

Когда принесли почту, дядя Вернон, внезапно проникшийся добрыми чувствами к Гарри, отправил за ней Дадли. Было слышно, как по дороге кузен молотит тростью по чему попало. Затем Дадли крикнул:

— Ещё одно! «*Бирючинный проезд, дом 4, самая маленькая спальня, м-ру Гарри Поттеру*»…

Издав полузадушенный вопль, дядя Вернон вскочил на ноги и бросился в прихожую; Гарри следовал за ним по пятам. Дяде пришлось повалить Дадли на землю, чтобы вырвать у него письмо, а это оказалось непросто, потому что Гарри в это время тянул его сзади за шею. Через минуту беспорядочной драки, в которой каждый получил множество ударов тростью Дадли, дядя

Вернон выпрямился, тяжело дыша, но зато сжимая в руке письмо Гарри.

— Иди в свой чулан… то есть в спальню, — прохрипел он, обращаясь к Гарри. — Дадли… уйди, просто уйди.

Гарри долго ходил кругами по своей новой комнате. Кто-то знал, что он больше не живёт в чулане, и что не получил первое письмо. Скорее всего, этот «кто-то» попробует передать ему ещё одно. И теперь уж Гарри это обеспечит. У него созрел план.

* * *

Старый, неоднократно бывавший в ремонте будильник зазвонил ровно в шесть утра. Гарри быстро выключил его и тихо оделся. Не хватало ещё разбудить Дёрсли. Он проскользнул вниз, не включая свет.

Он собирался дождаться почтальона на углу Бирючинного проезда, чтобы первым забрать почту. Сердце его неистово колотилось в груди, пока он крался по тёмной прихожей ко входной двери…

— АААААААА!

Гарри буквально взлетел в воздух; он наступил на что-то большое и мягкое — что-то *живое*!

Наверху зажёгся свет, и Гарри с ужасом понял, что «чем-то большим и мягким» было лицо его дяди. Тот лежал у двери в спальном мешке, — несомненно, чтобы племяннику не удалось осуществить задуманное. Он орал на Гарри около получаса и затем велел приготовить ему чашку чая. Гарри обречённо поплёлся на кухню, — когда он вернулся, почта уже лежала у дяди Вернона на коленях. Он разглядел три письма, подписанные зелёными чернилами.

— Можно мне… — начал было он, но дядя Вернон у него на глазах изорвал письма в клочки.

* * *

В тот день дядя не пошёл на работу. Он остался дома и намертво заколотил щель для почты.

— Понимаешь, — объяснял он тёте Петунии с полным гвоздей ртом, — если лишить их возможности *доставлять* эти письма, они просто сдадутся.

— Не уверена, что это поможет, Вернон.

— О, у этих людей странная логика, Петуния. Они не такие, как мы с тобой, — заверил дядя Вернон, пытаясь забить гвоздь только что принесённым тётей куском фруктового кекса.

* * *

В пятницу Гарри пришло не меньше дюжины писем. Так как в заколоченное отверстие для почты они не пролезали, их просунули под дверь, в щель между дверью и косяком, — и даже пропихнули несколько штук в окошко ванной комнаты на первом этаже.

Дядя Вернон вновь остался дома. Он сжёг все письма, затем вооружился гвоздями и молотком и заколотил все щели вокруг входной и задней дверей, — теперь никто не мог выйти на улицу. Работая, он напевал *«Tiptoethroughthetulips»* и вздрагивал от малейшего шума.

* * *

В субботу всё начало выходить из-под контроля. Двадцать четыре письма для Гарри попали в дом, свёрнутые и спрятанные в двух дюжинах яиц, которые крайне удивлённый молочник передал тёте Петунии в окно гостиной. Пока дядя Вернон, вне себя от ярости, названивал на почту и в молочный магазин, стараясь найти кому пожаловаться, тётя Петуния искрошила письма в кухонном комбайне.

— Кому это так охота пообщаться с тобой? — потрясённо спросил Дадли у Гарри.

* * *

В воскресное утро дядя Вернон уселся завтракать, выглядя усталым и даже больным, но счастливым.

— По воскресеньям почту не носят, — радостно сообщил он, размазывая джем по газете. — Сегодня — никаких писем, будь они…

Не успел он договорить, как что-то просвистело в трубе и ударило его по затылку. В следующий миг из камина пулей вылетело тридцать или сорок писем. Дёрсли пригнулись, а Гарри подпрыгнул, пытаясь схватить хоть одно…

— Вон! ВОН! — дядя Вернон обхватил Гарри поперёк туловища и вышвырнул в прихожую. Тётя Петуния и Дадли выбежали из кухни, прикрывая головы руками, и дядя захлопнул дверь. Слышно было, как письма всё ещё сыпались в комнату, отскакивая от пола и стен.

— Ну, хватит, — подытожил дядя Вернон, пытаясь говорить спокойно и в то же время выщипывая целые пучки волос из усов. — Чтобы через пять минут все были готовы. Мы уезжаем. Просто упакуйте немного одежды. И без разговоров!

Он выглядел так устрашающе с наполовину выдранными усами, что никто не посмел спорить. Через десять минут они, взломав заколоченные двери, уже ехали к магистрали. Дадли всхлипывал на заднем сидении, — отец отвесил ему затрещину, потому что он всех задержал, пытаясь запихнуть в спортивную сумку телевизор, видеомагнитофон и компьютер.

Они ехали. И ехали. Даже тётя Петуния не осмеливалась спросить — куда. Дядя Вернон то и дело резко разворачивался и какое-то время ехал в противоположном направлении.

— Сбить их со следа… сбить их со следа… — бормотал он в таких случаях.

Они ни разу за весь день не остановились поесть. К вечеру Дадли уже выл. Это был самый ужасный день в его жизни. Он проголодался, пропустил пять телепередач, которые надеялся посмотреть, и никогда ещё не делал таких длинных перерывов в сражениях с виртуальными пришельцами.

Наконец дядя Вернон притормозил возле унылого вида гостиницы на окраине большого города. Дадли и Гарри достался номер с двумя односпальными кроватями и влажными, пахнущими плесенью простынями. Дадли сразу же

захрапел, а Гарри сидел на подоконнике, завороженно следя за фарами проезжающих внизу машин и размышляя…

* * *

Завтракать пришлось чёрствыми хлопьями и тостами с холодными консервированными помидорами. Едва они поели, к ним подошла хозяйка отеля:

— ‘Звиняюсь, среди вас нет мистера Г. Поттера? У меня на конторке около сотни таких писем.

Она протянула им конверт, и Гарри различил написанный зелёными чернилами адрес:

Кокворт,
гостиница «У железной дороги»,
комната 17,
м-ру Гарри Поттеру

Гарри попытался схватить письмо, но дядя Вернон ударил его по руке. Женщина удивлённо взглянула на него.

— Я их заберу, — проговорил дядя Вернон, быстро поднимаясь на ноги и следуя за хозяйкой отеля к выходу из столовой.

* * *

— Может быть, нам лучше вернуться, дорогой? — робко спросила тётя Петуния через несколько часов, но дядя Вернон, похоже, не услышал. Никто не понимал, чего он вообще ищет. Он привёз их в лесную чащу, вылез из машины, осмотрелся, покачал головой, сел обратно, и они продолжили путь. То же самое повторилось на вспаханном поле, на подъёмном мосту и на верхнем уровне многоярусной стоянки.

— Папа сошёл с ума, да, мам? — апатичным тоном спросил Дадли позже в тот же день. Дядя Вернон припарковался на побережье, запер их в машине и исчез.

Начался дождь. Крупные капли стучали по крыше машины. Дадли захныкал.

— Сегодня понедельник, — объявил он, обращаясь к матери. — Вечером будут показывать «Великого Умберто». Я хочу, чтобы мы остановились там, где есть *телевизор*.

Понедельник. Это напомнило Гарри кое о чём. Если сегодня действительно понедельник, — что-что, а дни недели Дадли знал, благодаря телевизору, — значит, завтра, во вторник, Гарри исполнится одиннадцать лет. Конечно, его дни

рождения нельзя было назвать особенно весёлыми, — в прошлом году Дёрсли подарили ему вешалку и пару старых носков дяди Вернона. Но всё же не каждый день тебе исполняется одиннадцать.

Дядя Вернон вернулся с широкой улыбкой. В руках у него был узкий, длинный свёрток, — и он промолчал, когда тётя Петуния спросила, что он такое купил.

— Я нашёл отличное место! — доложил он. — Пошли! Все выходите из машины!

На улице оказалось очень холодно. Дядя Вернон указывал на огромный утёс, возвышавшийся посреди моря. Там ютилась самая убогая избушка, какую только можно было вообразить. Можно было с уверенностью утверждать лишь одно: телевизора там точно нет.

— Сегодня обещают шторм, — довольно объявил дядя Вернон, хлопнув в ладоши. — А этот джентльмен любезно согласился одолжить нам свою лодку.

К ним неторопливо подошёл беззубый старик, с довольно-таки мерзкой ухмылкой указывая на старую рыбацкую лодку, покачивающуюся внизу на свинцово-серых волнах.

— Я раздобыл немного провизии, — заявил дядя

Вернон, — так что — все на борт!

В лодке было смертельно холодно. Ледяные морские брызги и капли дождя затекали за воротник; промозглый ветер хлестал в лицо. Какое-то время спустя, показавшееся вечностью, они добрались до утёса, и дядя Вернон, оскальзываясь, начал пробираться к покосившейся хижине.

Внутри оказалось просто ужасно; сильно пахло водорослями; ветер свистел сквозь щели в деревянных стенах; пустой камин давно отсырел. И к тому же — всего две комнаты.

Провизия дяди Вернона ограничилась четырьмя пакетиками чипсов и столькими же бананами. Он попытался разжечь огонь, но пустые пакетики из-под чипсов лишь дымились и съёживались.

— Вот бы сейчас письма пригодились! — бодро отметил он.

Дядя пребывал в отличном настроении. Очевидно, он думал, что из-за шторма никто не сможет добраться до них, а значит, и писем не будет. Гарри в душе был с ним согласен, хотя его самого эта мысль совсем не радовала.

Едва наступила ночь, разразился обещанный шторм. Брызги от гигантских волн разбивались о стены хижины, а от свирепого ветра дребезжали грязные окна. Тётя Петуния отыскала в другой

комнате несколько заплесневелых одеял и устроила Дадли постель на изъеденном молью диване. Они с дядей Верноном расположились на проваленной кровати в соседней спальне, а Гарри осталось лишь найти наименее жёсткое место на полу и свернуться там клубком, укрывшись самым тонким и истрёпанным одеялом.

Шторм становился всё яростнее. Гарри не мог уснуть. Он дрожал и переворачивался с боку на бок, пытаясь улечься поудобнее. От голода желудок сводили судороги. Храп Дадли заглушали раскаты грома, впервые раздавшиеся около полуночи. Часы с подсветкой на толстой руке Дадли, свисавшей с дивана, показывали без десяти двенадцать. Он лежал и наблюдал, как с движением стрелок приближается его день рождения, думал, вспомнят ли об этом Дёрсли, и гадал, где сейчас тот, кто отправлял ему письма.

Осталось пять минут. Раздался треск. Гарри надеялся, что крыша не провалится, хотя возможно, так стало бы теплее. Четыре минуты. Может быть, когда они вернутся на Бирючинный проезд, в доме будет столько писем, что ему удастся стащить хоть одно.

Три минуты. Интересно, это волны так разбиваются о камни? И (две минуты) что это за

странный хруст? Может, скала осыпается?

Через минуту ему исполнится одиннадцать. Тридцать секунд… двадцать… десять… девять… разбудить, что ли, Дадли, пусть позлится… три секунды… две… одна…

БУМ!

Хижина затряслась, и Гарри резко выпрямился, уставившись на дверь. Кто-то стучал, требуя впустить его.

Глава четвёртая
ПРИВРАТНИК

БУМ! — громыхнуло ещё раз. Дадли так и подскочил на диване.

— Где стреляют? — тупо спросил он.

Позади раздался шум, и дядя Вернон, пошатываясь, влетел в комнату. В руках он сжимал ружьё, — теперь стало ясно, что скрывалось в том свёртке.

— Кто там? — крикнул он. — Предупреждаю — я вооружён!

Последовало затишье. А затем…

БАБАХ!

В дверь ударили с такой силой, что она слетела с петель и с оглушительным грохотом рухнула на пол.

На пороге стоял великан. Лицо его скрывалось за косматой гривой длинных волос и спутанной бородой, но всё же можно было различить глаза, блестящие, словно два чёрных жука.

Гигант протиснулся в хижину, пригнувшись, но всё равно задевая головой потолок.

Он наклонился, поднял дверь и без особых

усилий установил её на место. Завывания ветра стали чуть тише. Великан повернулся и окинул остальных взглядом.

— Нельзя ль чайку, а? — попросил он. — Не просто до сель добраться…

Он направился к дивану, где, застыв от страха, съёжился Дадли.

— Подвинься, пузан, — велел незнакомец.

Дадли пискнул и побежал прятаться за спину матери, которая, в свою очередь, в ужасе сжалась позади дяди Вернона.

— А вот и Гарри! — воскликнул великан.

Гарри заглянул в свирепое, дикое, мрачное лицо и заметил, что глаза-жуки сузились в улыбке.

— Када я тя видел в последний раз, ты был совсем малюткой, — сообщил исполин. — Ну вылитый отец, а глаза мамины.

Дядя Вернон издал странный скрежещущий звук.

— Я требую, чтобы вы немедленно покинули дом, сэр! — заявил он. — Это незаконное вторжение!

— Да заткнись ты, Дёрсли, дубина эдакая, — отмахнулся великан; он перегнулся через диван, вырвал ружьё из рук дяди Вернона, с лёгкостью завязал его в узел, словно резиновое, и швырнул

в угол.

Дядя Вернон пискнул, точно раздавленная мышь.

— В общем, Гарри, — продолжил гигант, поворачиваясь спиной к Дёрсли, — с днём рожденья. Вот, принес те кой-что, — я, правда, случайно сел на него по дороге, но вкус-то от этва хуже не стал.

Он извлёк из внутреннего кармана чёрного пальто немного помятую коробку. Гарри дрожащими пальцами открыл её. Внутри оказался большой, липкий шоколадный торт; на нём было выведено зелёным кремом: «*С днём рождения, Гарри!*».

Гарри взглянул на великана. Он хотел поблагодарить его, но слова застряли в горле, и вместо этого он спросил:

— Вы кто?

Великан хохотнул.

— А ведь точно, забыл представиться. Рубеус Хагрид, привратник и лесник в Хогвартсе.

Протянув огромную ладонь, он целиком обхватил руку Гарри и энергично потряс.

— Ну, так чего там с чайком? — напомнил он, потирая руки. — Ежели есть что покрепше, тож не откажусь.

Взгляд великана упал на пустой камин, где всё ещё валялись сморщенные пакетики из-под чипсов. Он фыркнул и склонился над очагом; никто не видел, что он там делал, но в следующий миг великан выпрямился, — за каминной решёткой полыхал огонь. Отсыревшую хижину залило мерцающим светом, и Гарри сразу ощутил расслабляющее тепло, словно попал в горячую ванну.

Великан уселся на диван, прогнувшийся под тяжестью его веса, и принялся опорожнять карманы пальто: он вытащил медный и заварочный чайники, мятую упаковку сосисок, шампур, несколько кружек с обколотыми краями и бутылку какой-то янтарной жидкости, к которой основательно приложился, прежде чем заварить чай. Вскоре хижина наполнилась запахом потрескивавших на огне сосисок. Никто не произнёс ни слова, пока великан готовил, но едва он снял с шампура первые шесть аппетитных, сочных, поджаренных сосисок, Дадли нервно заёрзал. Дядя Вернон резко осадил его:

— Я запрещаю тебе у него что-то брать, Дадли.

Великан мрачно усмехнулся.

— Твоему пузырю, Дёрсли, дальше жиреть некуда, так что не волнуйся.

Он протянул сосиски Гарри. Тот так проголодался, что подумал, будто в жизни не пробовал ничего вкуснее; но он по-прежнему не мог оторвать глаз от великана. Поскольку никто не собирался ничего объяснять, Гарри заговорил:

— Извините, я так и не понял, кто вы такой.

Великан отхлебнул чая и утёр губы тыльной стороной ладони.

— Зови меня Хагрид, — ответил он, — как все. И я ж те сказал, я привратник в Хогвартсе. О нём-то ты, яс'дело, всё знаешь.

— Э-э… нет, — признался Гарри.

Хагрид, судя по выражению лица, был в шоке.

— Извините, — быстро добавил Гарри.

— *Извините*? — гаркнул Хагрид, поворачиваясь к Дёрсли, тут же отпрянувшим в тень. — Эт вот им надо извиняться! Одно дело письма, но чтоб ты, да не знал про Хогвартс! А сам-то, что, никогда не задумывался, где родители всему обучились?

— Обучились чему? — недоумевал Гарри.

— ЧЕМУ? — прогремел Хагрид. — Так, погодь минутку!

Он вскочил на ноги. В гневе великан, казалось, заполнил собой всю хижину. Дёрсли вжались в стену.

— Я так понимаю, — прорычал он, обращаясь к

Дёрсли, — что этот мальчик — этот мальчик! — ничего не знает о… ничего не знает ВООБЩЕ?

Гарри показалось, что Хагрид перегнул палку. В конце концов, он ходил в школу и очень даже неплохо учился.

— Кое-что я знаю, — вмешался он. — Я умею считать и всё такое.

Но Хагрид только отмахнулся и пояснил:

— Я ж не про это, а про наш мир. Твой. Мой. *Твоих родителей*.

— Какой мир?

Хагрид, казалось, вот-вот взорвётся.

— ДЁРСЛИ! — взревел он.

Дядя Вернон, белый как мел, прошептал «я бы да как бы». Хагрид неверяще уставился на Гарри.

— Но ты должен знать про маму с папой, — покачал головой он. — Они ить *знамениты*. И ты *тоже*.

— Что? Мои мама и папа… они были знамениты?

— Не знаешь… ничегошеньки не знаешь… — Хагрид запустил пальцы в волосы и потрясённо смотрел на Гарри.

— И даж не знаешь, *кто* ты такой есть? — наконец вопросил он.

К дяде Вернону неожиданно вернулся дар ре-

чи.

— Прекратите! — велел он. — Прекратите сейчас же, сэр! Я запрещаю вам что-либо рассказывать мальчику!

И более храбрый человек, чем дядя Вернон, дрогнул бы под свирепым взглядом, которым наградил его Хагрид; когда великан заговорил, каждое его слово буквально дрожало от гнева:

— Ты никогда не говорил ему? Не говорил о письме Дамблдора? Я был там! Я видел, как Дамблдор его оставил, Дёрсли! И ты столько времени это скрывал?

— Скрывал *что*? — нетерпеливо спросил Гарри.

— МОЛЧАТЬ! Я ВАМ ЗАПРЕЩАЮ! — в панике проверещал дядя Вернон.

Тётя Петуния в ужасе глотнула ртом воздух.

— Сходили б вы проветриться, оба, — посоветовал Хагрид. — Ты — колдун, Гарри.

Наступила тишина, нарушаемая лишь шумом моря и завываниями ветра.

— Я — *чего*? — ахнул Гарри.

— Колдун конечно, — повторил Хагрид, снова усаживаясь на диван, со скрипом просевший ещё ниже, — а по мне, так колдун отменный, — ишо б подучиться. С такими-то родителями, кем те ишо

быть? И, по-мойму, пора те прочитать наконец своё письмо.

Гарри протянул руку за вожделённым желтоватым конвертом, адресованным: «*Море, хижина на скале, пол, м-ру Гарри Поттеру*». Он вытащил письмо и прочёл:

ШКОЛА КОЛДОВСКИХ и ВЕДЬМОВСКИХ ИСКУССТВ

«ХОГВАРТС»

Директор: Альбус Дамблдор
(Орден Мерлина 1-ой степени; Великий Волш.; Глав. Маг; Верх. Магистр Международной конфед. колдунов)

Уважаемый мистер Поттер!

С радостью информируем Вас о том, что Вы приняты в Школу Колдовских и Ведьмовских Искусств «Хогвартс». Пожалуйста, ознакомьтесь со списком необходимой литературы и оборудования (прилагается к письму).

Семестр начинается 1 сентября. Ждем Вашу сову не позже 31 июля.

С уважением,

Минерва Макгонаголл,
Заместитель директора.

Вопросы вспыхнули в голове Гарри, словно фейерверк, и он не мог решить, который задать первым. Поразмыслив немного, запинаясь, он спросил:

— Что значит: они ждут мою сову?

— Разорви мя горгулья, чуть не забыл, — Хагрид хлопнул себя по лбу с силой, достаточной, чтобы сбить с ног ломовую лошадь; он вынул из кармана сову, — настоящую, живую, взъерошенную сову, длинное перо и свиток пергамента. Высунув от усердия язык, он нацарапал записку, которую Гарри прочёл кверху ногами:

Дорогой мистер Дамблдор!
Вручил Гарри письмо.
Завтра едем за покупками.
Погода ужасная.
Надеюсь, у Вас все хорошо.

Хагрид

Хагрид свернул послание в свиток и отдал сове.

Та зажала записку в клюве, после чего Хагрид подошёл к двери и вышвырнул птицу на улицу, где бушевал ураган. Затем он вернулся и уселся на диван с таким видом, будто совершил нечто самое обыденное, — скажем, поговорил по телефону.

Гарри вдруг понял, что стоит с открытым ртом, и живо захлопнул его.

— Так о чём бишь я? — начал Хагрид, но тут дядя Вернон, всё ещё пепельно-серый, но явно разозлённый, выступил вперёд, к камину.

— Он не поедет, — объявил он.

Хагрид фыркнул.

— Хотел б я поглядеть, как маггл вроде тя попробует ему помешать, — проворчал он.

— Кто? — с любопытством переспросил Гарри.

— Маггл, — пояснил Хагрид, — так мы называем неволшебный народ, вроде них. И те жутко не повезло вырасти в такой семье, — хуже магглов, чем вот эти, я в жизни не видал.

— Мы поклялись, приютив его в своём доме, что положим конец всем этим глупостям, — прорычал дядя Вернон, — что вытравим из него эту ерунду! Колдун, понимаете ли!

— Вы *знали*? — воскликнул Гарри. — Знали, что я колдун?

— Знали? — внезапно завизжала тётя Петуния. — *Знали*?! Конечно, знали! Кем тебе ещё быть, при такой матери, как моя проклятая сестрица! О, она в своё время получила точно такое же письмо и отправилась в эту — эту *школу*, и возвращалась только на каникулы, с карманами, полными лягушачьей икры, превращала чашки в крыс! Одна я видела, кем она была на самом деле — *уродкой*! Но не для наших родителей, ну что вы, они-то с ней сюсюкались, Лили то, Лили это! Они гордились, что в семье есть ведьма!

Она судорожно перевела дух и продолжила тираду. Видно, ей годами хотелось высказаться:

— Потом она встретила в школе этого Поттера, они сбежали и поженились; а затем появился ты. Я знала, что ты окажешься таким же, таким же странным и… и *ненормальным*, а потом её, видите ли, разнесло на кусочки, а тебя всучили нам!

Гарри побледнел. С трудом взяв себя в руки, он переспросил:

— Разнесло на кусочки? Вы говорили, что мои родители погибли в автокатастрофе!

— В автокатастрофе? — взревел Хагрид, вскочив на ноги, отчего семейство Дёрсли в страхе забилось в угол. — Да как Джеймс и Лили Поттеры могли погибнуть в какой-то автокатастрофе?!

Это возмутительно! Позор! Гарри Поттер не знает своей истории, при том, что у нас каждый ребенок её наизусть расскажет!

— Но почему? Что случилось? — настойчиво спросил Гарри.

Ярость на лице Хагрида вдруг сменилась беспокойством.

— Не ждал я такого, — сказал он тихим, озадаченным голосом. — Дамблдор предупреждал, что буит нелегко, но я б в жизни не подумал, что ты совсем ничего не знаешь. Ох, не знаю, правильно ли, что те я всё расскажу, но кто-то же должен… Не отправлять же тебя в Хогвартс вот так.

Он бросил на Дёрсли недобрый взгляд.

— Ну, расскажу всё, что могу — я ведь и сам многого не знаю, странностей там много, но, в общем…

Он посидел немного, уставившись на огонь.

— Начну, я, наверн, с человека одного — звали его… даж не верится, что ты о нём не слышал, в нашем мире его все знают…

— А кто он?

— Ну… не люблю я его имя произносить. Да и никто из наших не любит.

— Почему?

— Растопчи мя кентавр, Гарри, люди до сих пор

напуганы. А, чёрт, нелегко все это. Понимаешь, один колдун, он стал… Хуже некуда, хуже, чем ты себе можешь представить. Звали его… — Хагрид запнулся, слова не шли с языка.

— Может, напишете? — предложил Гарри.

— Не, не знаю я, как оно пишется. Ну хорошо… э-э… *Волдеморт*, — Хагрида передёрнуло. — И не заставляй мя повторять. Ну вот, этот самый… колдун лет двадцать тому назад начал искать себе приспешников. И ведь нашёл, — кто-то боялся, кто-то надеялся, что ему часть его власти перепадёт, а власть у него была, эт точно. Смутное было время. Не знали, кому можно довериться, не решались с незнакомцами дружбу водить… жуткие дела творились. Он побеждал, понимаешь. Тех, кто пытался бороться, он убивал. Страшно убивал. Мест безопасных почти не оставалось — разве что Хогвартс. Сдаётся мне, Сам-Знаешь-Кто боялся одного только Дамблдора. Не решался на школу напасть — тада, по крайней мере. Твои мама и папа были достойнейшими колдунами, каких я знал. В Хогвартсе старостами были, пока учились! Странно, что Сам-Знаешь-Кто не пытался переманить их на свою сторону… знал, видать, что они близки с Дамблдором, не захотят с ним дела иметь. Мож, тада он решил, что ему удастся

их уговорить… а мож, просто хотел убрать их с дороги. Кто знает… В общем, десять лет назад, в ночь на Хеллоуин, он заявился в деревню, где вы все жили. Те был всего годик. Он пришёл в ваш дом и… и…

Хагрид внезапно осёкся, вытащил из кармана грязный, покрытый пятнами носовой платок и трубно высморкался.

— Извини, — пробормотал он. — Просто эт' всё так грустно — я ить знал твоих родителей, лучше людей было просто не найти… а он… В общем, Сам-Знаешь-Кто… убил их. А потом, что самое странное, он попытался прикончить и тя. Хотел, чтоб следов не осталось, а мож, ему просто нравилось убивать. Но у него ничего не вышло. Никада не спрашивал, откуда у тя этот шрам на лбу? Эт не просто царапина. Такое случается, када на тя могущественный тёмный колдун проклятие насылает — а то проклятие такой силы было, что и родителей твоих убило, и даж дом разрушило — а на те не сработало. Вот почему ты знаменит, Гарри. Если Сам-Знаешь-Кто решал кого-нить убить — никому не удавалось спастись, кроме тя. Ведь он тада уничтожил лучших ведьм и колдунов поколения: МакКиннонов, Боунзов, Прюиттов, — а ты ребёнком был, а выжил.

В памяти у Гарри промелькнуло какое-то очень болезненное воспоминание. Когда история Хагрида подошла к концу, перед его глазами снова возникла ослепительная вспышка зелёного света, только гораздо отчётливее, чем раньше, — и он вспомнил ещё кое-что, впервые в жизни, — пронзительный, холодный, безжалостный смех.

Хагрид с грустью наблюдал за ним.

— Я тя лично из развалин вынес, Дамблдор меня туда послал. Привез тя вот этим…

— Полнейшая чушь, — вдруг перебил его дядя Вернон.

Гарри подскочил; он чуть не забыл о Дёрсли. К дяде Вернону, похоже, вернулась смелость, — он свирепо глядел на Хагрида, сжимая кулаки.

— А теперь послушай-ка меня, мальчик, — раздражённо велел дядя Вернон. — Я допускаю, что ты немного необычен, хотя, возможно, хорошая порка вылечила бы тебя раз и навсегда. Что же касается твоих родителей, они были ненормальными, это точно, и я считаю, что без них в мире стало куда спокойнее, — они получили по заслугам, только что и якшались со всеми этими колдунами, именно этого я и ждал, я знал, что они плохо кончат…

Не успел он договорить, как Хагрид вскочил

на ноги и выхватил из-под пальто потрёпанный розовый зонт. Наставив его, словно шпагу, на дядю Вернона, он отчеканил:

— Я тя предупреждаю, Дёрсли, я тя в последний раз предупреждаю: ишо раз рот откроешь…

Ввиду опасности быть нанизанным на зонт бородатого великана, дядя Вернон вновь растерял всё своё мужество; он распластался по стене и умолк.

— То-то же, — Хагрид, тяжело дыша, уселся обратно на диван, на этот раз прогнувшийся до самого пола.

У Гарри тем временем появлялись сотни новых вопросов.

— А что случилось с Вол… простите, Вы-Знаете-Кем?

— Хороший вопрос, Гарри. Исчез он. Испарился. В ту самую ночь, когда пытался тебя убить. Оттого ты стал ещё известней. В этом-то вся загадка — он ить тада всё сильней и сильней становился, — с чего б ему вдруг исчезнуть? Кто-то г'рит, умер он. Ерунда всё это, я скажу. В нём-то и человеческого ничего не осталось, чтоб умереть. Другие г'рят, что где-то рядом он, время выжидает, но я так не думаю. Люди, которые на его стороне были, к нам перешли. Г'рили, мол, он их околдовал.

Вряд ли они отважились б на это, если б он мог вернуться. Многие думают, что жив он, тока силу свою потерял. Слишком слаб стал, чтоб дальше бороться. Те как-то удалось одолеть его, Гарри. Чего-то он не учёл той ночью, — *не знаю*, никто не знает чего именно, тока что-то в тебе добило его той ночью, эт точно.

Хагрид взглянул на Гарри с теплотой и уважением, но тот вовсе не почувствовал себя польщённым, а вместо этого окончательно осознал, что произошла ужасная ошибка. Колдун? Он? Да как может такое быть? Всю жизнь его шпынял Дадли, тиранили дядя Вернон с тётей Петунией; если он действительно колдун, почему они не превращались в бородавчатых жаб всякий раз, запирая его в чулане? Если когда-то ему удалось победить величайшего в мире чёрного мага, почему Дадли постоянно пинал его, как футбольный мяч?

— Хагрид, — тихо позвал он, — мне кажется, вы ошибаетесь. Боюсь, я не колдун.

К его удивлению, Хагрид рассмеялся.

— Значит, не колдун? И с тобой никогда не случались необычные вещи, к примеру, када ты был напуган или разозлён?

Гарри уставился в огонь. Если подумать… все

те странности, неизменно приводившие в ярость дядю с тётей, происходили с ним, когда он был расстроен или зол… за ним гналась банда Дадли, а он смог ускользнуть от них, непонятно как… с ужасом думая о том, как появится в школе со своей идиотской стрижкой, ему удалось заставить волосы отрасти за ночь… а совсем недавно, когда Дадли ударил его, разве он не отомстил ему, причём не подозревая об этом?

Гарри поднял взгляд на Хагрида и улыбнулся; великан просиял.

— Ну что, понял? Это ж надо, не колдун он, — да ты погоди, ишо весь Хогвартс за пояс заткнёшь.

Но дядя Вернон не собирался сдаваться без боя.

— Разве я не сказал, что он никуда не поедет? — прошипел он. — Он пойдёт в «Каменные стены» и будет благодарен за это. Я читал ваши письма, — ему, видите ли, нужен весь этот хлам, — книги заклинаний, волшебная палочка и…

— Ежели он захочет, даж такой храбрый маггл, как ты, ему не помеха, — рыкнул Хагрид. — Не пустить в Хогвартс сына Лили и Джеймса Поттеров! Да ты рехнулся. Он туда с самого рождения записан. Он поедет в лучшую школу чародейства в мире. Семь лет, и он сам ся не узнает. Буит учиться с такими же, как он сам, — а эт уж куда

лучше, чем здесь с вами, и у него буит величайший директор, которого знал Хогвартс — сам Альбус Дам…

— Я НЕ СОБИРАЮСЬ ПЛАТИТЬ ЗА ТО, ЧТОБЫ КАКОЙ-ТО ПОЛОУМНЫЙ СТАРИК ОБУЧАЛ ЕГО ВСЯКИМ ФОКУСАМ! — завопил дядя Вернон.

Тут он зашёл слишком далеко. Хагрид схватил свой зонт и завертел им над головой:

— НЕ СМЕТЬ, — прогремел он, — ОСКОРБЛЯТЬ… АЛЬБУСА ДАМБЛДОРА… В МОЁМ ПРИСУТСТВИИ!

Он рассёк зонтом воздух, указывая его остриём на Дадли; вспышка фиолетового света, звук, напоминающий взрыв петарды, пронзительный визг, — и в следующее мгновение Дадли затанцевал на месте, прижимая руки к жирному заду и завывая от боли. Тут он повернулся к ним спиной, — сквозь дырку в штанах торчал поросячий хвостик.

Дядя Вернон взвыл. Втолкнув тётю Петунию и Дадли в соседнюю комнату, он бросил на Хагрида полный ужаса взгляд и захлопнул за собой дверь.

Хагрид поглядел на зонт и погладил бороду.

— Нельзя выходить из ся, — сокрушённо пробормотал он, — всё равно ничего не вышло. Хотел его в свинью превратить, да, видать, он и так уж

почти свинья… так что и делать-то ничего не пришлось.

Он покосился на Гарри из-под кустистых бровей.

— Ты уж пжалста, не рассказывай об этом в Хогвартсе, — попросил он. — Мне, строго г'ря… э-э… нельзя колдовать. Немного тока позволили, чтоб за тобой съездить и письмо передать. Мне ишо и поэтому эта работа по душе пришлась…

— А почему вам нельзя колдовать? — удивился Гарри.

— А-а, ну… я сам учился в Хогвартсе, но мя… э-э… исключили, ежели честно. На третьем курсе. Сломали палочку пополам, ну и так далее. Но Дамблдор разрешил мне остаться и работать лесником. Великий человек, Дамблдор.

— А почему вас исключили?

— Поздно уж, а у нас завтра дел куча, — громко ответил Хагрид. — Поедем в город, купим те учебники и всё такое прочее.

Он стащил с себя чёрное пальто и бросил Гарри.

— Спи под ним. А ежели оно шевелиться начнёт, не обращай внимания, — у мя там в кармане сони сидят.

Глава пятая
ДИАГОН-АЛЛЕЯ

Гарри проснулся очень рано. Он понимал, что уже рассвело, но не торопился открывать глаза.

«Это был сон», — твёрдо сказал он себе. «Мне приснился великан по имени Хагрид, который сообщил, что я принят в школу колдовства. Сейчас я открою глаза и окажусь дома, в своём чулане».

Внезапно раздался громкий стук.

«*А вот и тётя Петуния*», — с упавшим сердцем подумал Гарри. Он по-прежнему лежал с закрытыми глазами. Слишком уж хорош был сон.

Тук. Тук. Тук.

— Ладно, — пробормотал Гарри. — Встаю.

Он сел, и тяжёлое пальто Хагрида свалилось на пол. Буря кончилась, и хижину заливал солнечный свет; сам Хагрид спал на проваленном диване, а на подоконнике сидела сова, стуча когтём в окно, — в клюве у неё была зажата газета.

Гарри поднялся на ноги. Счастье распирало его изнутри, словно он проглотил воздушный шар. Он подошёл к окну и распахнул его. Сова влетела в комнату и сбросила газету прямо на Хагрида,

но тот не проснулся. Тогда птица спикировала на пол и набросилась на пальто.

— Прекрати!

Гарри попытался отогнать сову, но та лишь яростно щёлкнула клювом и продолжила терзать пальто.

— Хагрид! — громко позвал Гарри. — Тут сова…

— Заплати ей, — пробормотал Хагрид, уткнувшись лицом в диван.

— Что?

— Она хочет, чтоб мы ей денег за доставку дали. Глянь в карманах.

Казалось, пальто Хагрида состояло из *одних* карманов: связки ключей, комочки какого-то средства от слизней мотки верёвки, мятные леденцы, чайные пакетики… Наконец, Гарри вытащил горсть причудливого вида монет.

— Дай ей пять ворехов, — сонно пробубнил Хагрид.

— Ворехов?

— Маленькие бронзовые монетки.

Гарри отсчитал пять бронзовых монет, и сова протянула лапу, к которой был привязан кожаный мешочек. Гарри положил туда деньги, и сова вылетела в раскрытое окно.

Хагрид громко зевнул, сел и потянулся.

— Пора нам, Гарри, у нас с тобой дел сегодня — пропасть, в Лондон надо, купить те всякие школьные принадлежности.

Гарри вертел в руках монеты и рассматривал. Он только что подумал кое о чём, и шар счастья внутри него словно прокололи.

— Ммм… Хагрид?

— А? — отозвался тот, натягивая исполинские ботинки.

— У меня нет денег, а вы же слышали, что сказал дядя Вернон, — он не будет платить за обучение магии.

— Да не волнуйся, — отмахнулся Хагрид, поднимаясь на ноги и почёсывая голову. — Думаешь, родители те ничего не оставили?

— Но если дом обрушился…

— Дык что ж, они, по-твойму, золото в доме хранили? Не, сперва мы с тобой отправимся в «Гринготтс». Колдовской банк. Ты съешь сосиску, они и холодные вполне се ничего… Да и я б не отказался от кусочка твоего именинного тортика.

— У колдунов есть свои *банки*?

— Тока один, «Гринготтс». Им гоблины управляют.

Гарри уронил кусок сосиски.

— *Гоблины*?

— Ага — и надо быть психом, чтоб попытаться ограбить этот банк, я те скажу. С гоблинами шутки плохи, Гарри. «Гринготтс» — самое надёжное место в мире, ежли хошь чего спрятать — ну, мож, ишо Хогвартс. Вообще-то мне и так надо было в «Гринготтс». Дамблдор попросил. Хогвартские дела, — Хагрид приосанился. — Он мне часто всякие важные вещи поручает. Тя вот, например, забрать, из «Гринготтса» кой-чего взять — доверяет мне, по'имаешь? Ну как, собрался? Тады потопали.

Гарри вслед за Хагридом вышел на вершину утёса. Небо было теперь совершенно безоблачным, и море поблёскивало в лучах солнца. Лодка, которую дядя Вернон взял напрокат, по-прежнему была здесь, но во время шторма её залило водой.

— А как вы сюда попали? — удивился Гарри, оглядываясь в поисках другой лодки.

— Прилетел, — отозвался Хагрид.

— *Прилетели*?

— Да, но обратно поплывём в лодке. Терь, када ты со мной, мне низзя колдовать.

Пока они усаживались в лодку, Гарри всё ещё таращился на Хагрида, пытаясь представить себе, как тот летает.

— А всё ж-таки глупо было бы грести самому, — нерешительно протянул Хагрид, покосившись на Гарри. — Если я… э-э… чуть ускорю процесс, ты ить не расскажешь об этом в Хогвартсе?

— Конечно, нет! — выпалил Гарри, которому не терпелось увидеть ещё какое-нибудь колдовство. Хагрид снова вытащил свой розовый зонт, дважды стукнул им о борт лодки, и та сама собой поплыла к берегу.

— А почему только псих может попытаться ограбить «Гринготтс»? — поинтересовался Гарри.

— Заклинания, чары, — коротко пояснил Хагрид, разворачивая газету. — Г'рят, у них там сейфы повышенной секретности драконы охраняют. Да и потом, попробуй там найти дорогу, — «Гринготтс» под землю уходит на сотни миль, по'имаешь? Гораздо глубже метро. Ежели и утащишь что-нить, так всё равно с голоду помрёшь, покуда выбираться буишь.

Гарри постарался осмыслить услышанное; Хагрид между тем углубился в свою газету — «*Ежедневный пророк*». От дяди Вернона Гарри твёрдо усвоил: люди предпочитают, чтобы за этим занятием их не трогали, но сейчас это было трудно — у него в жизни не было такого количе-

ства вопросов.

— Опять в Мин'стерстве Магии дров наломали, ну как обычно, — пробормотал Хагрид, переворачивая страницу.

— А что, есть такое Министерство? — не удержался Гарри.

— А как же ж, — хмыкнул Хагрид. — Яс'дело, сперва пост Министра Дамблдору предложили, но он Хогвартс никогда не оставит, так что должность эту получил старый Корнелиус Фадж. Бракодел, я так скажу. Он терь каждое утро бомбит Дамблдора совами, — совета просит.

— А чем *занимается* Министерство Магии?

— Ну, главная их задача — следить, чтоб магглы не прознали, что в стране до сих пор полным-полно ведьм и колдунов.

— Зачем?

— *Зачем*? Да ты чего, Гарри, все ж сразу захотят свои проблемы магией решить. Нет уж, пусть оставят нас в покое.

В это время лодка мягко ткнулась носом в стену причала. Хагрид сложил газету, и они вдвоём поднялись на улицу по каменным ступеням.

Пока они шли по небольшому городку к станции, прохожие во все глаза таращились на Хагрида. И Гарри не мог их осуждать. Мало того,

что Хагрид был вдвое выше обычного человека, так он ещё и всю дорогу тыкал пальцем в самые обыкновенные предметы, вроде парковочных счётчиков, громко восклицая при этом:

— Ты глянь, Гарри! И чего только эти магглы не напридумывают!

— Хагрид, — выдохнул Гарри, немного запыхавшись, поскольку поспевать за великаном было нелегко, — вы говорили, в «Гринготтсе» есть *драконы*?

— Ну, г'рят, что есть, — подтвердил Хагрид. — Эх, чёрт, хотел бы я дракона.

— Вы бы хотели *завести* дракона?

— Всегда хотел, с детства… ну, вот мы и на месте.

Они добрались до станции. Поезд в Лондон отправлялся через пять минут. Хагрид, заявив, что ничего не понимает в маггловых деньгах, сунул Гарри несколько купюр, чтобы тот купил билеты.

В поезде на них глазели ещё больше, чем на улице. Заняв два места сразу, Хагрид вытащил вязание, напоминавшее гигантский канареечно-жёлтый цирковой шатёр.

— А письмо-то у тя с собой, Гарри? — вдруг спросил он, считая петли. Гарри вытащил из кармана

пергаментный конверт.

— Отлично, — кивнул Хагрид. — Там список всего, что нужно купить.

Гарри развернул другой лист бумаги, который сперва не заметил, и прочёл:

ШКОЛА КОЛДОВСКИХ и ВЕДЬМОВСКИХ ИСКУССТВ

«ХОГВАРТС»

униформа

Студентам-первокурсникам требуются:

1. Три простых рабочих мантии (чёрных)
2. Одна простая островерхая шляпа на каждый день (чёрная)
3. Одна пара защитных перчаток (из драконьей кожи или схожего по свойствам материала)
4. Один зимний плащ (чёрный, с серебряными застёжками)

Пожалуйста, не забывайте, что на одежду должны быть нашиты бирки с именем учащегося.

учебники

Всем студентам полагается иметь следующие книги:

Миранда Госхок*«Стандартная книга заклинаний» (Первый год)*

Батильда Бэгшот*«История магии»*

Адальберт Уоффлинг*«Теория магии»*

Эмерик Свитч*«Пособие по преображению для начинающих»*

Филлида Спора*«Тысяча магических растений и грибов»*

Арсениус Джиггер*«Колдовские отвары и зелья»*

Ньют Скамандер *«Фантастические звери и где их найти»*

Квентин Трембл*«Темные искусства: пособие по самозащите»*

оборудование

1 волшебная палочка

1 котёл (оловянный, стандартный размер № 2)

1 набор стеклянных или хрустальных флаконов

1 телескоп

1 латунные весы

Студент также может привезти с

собой сову ИЛИ кошку ИЛИ жабу.

НАПОМИНАЕМ РОДИТЕЛЯМ, ЧТО ПЕРВОКУРСНИКАМ НЕ ПОЛОЖЕНО ИМЕТЬ СОБСТВЕННЫЕ МЁТЛЫ.

— И всё это можно купить в Лондоне? — поразился Гарри.

— Ежели знаешь, где искать, — подтвердил Хагрид.

* * *

Гарри никогда раньше не бывал в Лондоне. А Хагрид, хотя и знал, куда им надо, явно не привык добираться туда обычным способом. Сначала он застрял в турникете метро, а после громко жаловался, что сиденья слишком тесные, а поезда — медленные.

— Не представляю, как магглы обходятся без магии, — ворчал он, пока они поднимались по ступеням сломанного эскалатора к выходу на оживлённую улицу, забитую магазинами.

Хагрид был так огромен, что легко прокладывал себе дорогу через толпу; от Гарри требовалось лишь не отставать. Они миновали книжные и музыкальные магазины, ресторанчики быстрого питания, кинотеатры, но нигде не было видно

заведения, где могли бы продать волшебную палочку. Это была всего лишь обычная улица, переполненная обычными людьми. Неужели правда, что в милях под ними зарыты тонны волшебного золота? Разве могли здесь быть магазины, торгующие книгами заклинаний и мётлами? Может, всё это — глупый розыгрыш, подстроенный родственниками? Не знай Гарри, что у Дёрсли напрочь отсутствует чувство юмора, он бы, наверное, так и подумал; но почему-то Гарри доверял Хагриду, хотя всё, что тот говорил, было немыслимо.

— Ну вот, — объявил Хагрид, останавливаясь. — «Дырявый котёл». Известное местечко.

Это был маленький, неряшливый бар. Если бы Хагрид не указал на него, Гарри бы и не обратил внимания. Люди спешили мимо, не замечая его. Взгляд их скользил мимо, с большого книжного магазина по одну сторону бара на магазин пластинок по другую, словно вовсе не замечая трактир. Вообще-то, у Гарри было странное ощущение, будто видеть бар могли лишь они с Хагридом. Но прежде чем он успел спросить об этом, великан завёл его внутрь.

Для «известного местечка» здесь было чересчур темно и убого. В углу сидели несколько пожи-

лых женщин, потягивая шерри из стаканчиков. Одна из них курила длинную трубку. Приземистый мужчина в цилиндре беседовал со старым барменом, совершенно лысым и беззубым, со сморщенным лицом, напоминавшим грецкий орех. Когда вошли Гарри и Хагрид, негромкий гул множества голосов сразу же прекратился. Похоже, Хагрида здесь знали все; ему махали и дружески улыбались, а бармен потянулся за стаканом со словами:

— Тебе как обычно, Хагрид?

— Не могу, Том, я здесь по хогвартским делам, — отказался Хагрид, хлопнув Гарри по плечу громадной ладонью, отчего у того подкосились колени.

— Боже мой, — произнес бармен, вглядываясь в Гарри. — Это же… неужели?

В «Дырявом котле» воцарилась полная тишина.

— Господи, помилуй, — прошептал старый бармен, — Гарри Поттер… какая честь…

Он выскочил из-за барной стойки, бросился к Гарри и со слезами на глазах схватил его за руку.

— С возвращением, мистер Поттер, с возвращением.

Гарри не знал, что и сказать. Все без исклю-

чения уставились на него. Пожилая женщина с трубкой старательно затягивалась, не замечая, что табак кончился. Хагрид сиял.

Затем раздался скрип отодвигаемых стульев, и в следующий миг каждый посетитель «Дырявого котла» уже норовил пожать Гарри руку.

— Дорис Крокфорд, мистер Поттер, не могу поверить, что наконец-то встретилась с вами…

— Я так польщён, мистер Поттер, так польщён…

— Всегда мечтала пожать вам руку, — я просто потрясена.

— Я так рад, мистер Поттер, просто не могу передать словами, меня зовут Дедалус, Дедалус Диггл.

— А ведь я вас уже видел! — вспомнил Гарри, отчего Дедалус Диггл пришёл в такой восторг, что его цилиндр свалился на пол. — Вы тогда поклонились мне в магазине!

— Он помнит! — воскликнул Дедалус Диггл, окинув остальных торжествующим взглядом. — Вы слышали! Он помнит меня!

Гарри пожимал руки снова и снова; Дорис Крокфорд подходила к нему несколько раз.

Вперёд выступил бледный молодой человек нервного вида. Одно его веко дёргалось.

— Профессор Квиррелл! — поприветствовал

его Хагрид. — Гарри, профессор Квиррелл буит одним из твоих учителей в Хогвартсе.

— П-п-поттер, — заикаясь, произнёс профессор Квиррелл, схватив Гарри за руку, — н-не могу п-передать, как мне п-приятно вас видеть.

— А какой предмет вы преподаёте, профессор Квиррелл?

— З-защиту от Т-т-тёмных искусств, — пробормотал профессор Квиррелл с таким видом, словно ему было неприятно думать об этом. — К-кому, к-кому, а в-вам она не особенно н-нужна, верно, П-п-поттер? — он истерически рассмеялся. — П-покупаете школьные п-принадлежности, верно? Мне и с-самому н-нужно п-поискать новую к-книгу о вампирах, — похоже, его ужасала сама мысль об этом.

Но остальные не позволили профессору Квиррелу безраздельно завладеть вниманием Гарри. Чтобы отделаться от них, понадобилось почти десять минут. Наконец, Хагриду удалось перекричать общий гвалт:

— Нам нужно идти — ещё дел куча. Пошли, Гарри.

Дорис Крокфорд напоследок ещё раз пожала Гарри руку, и Хагрид вывел его из бара во внутренний дворик, огороженный сплошной стеной,

где было совершенно пусто, не считая мусорного бака и нескольких сорняков.

Хагрид усмехнулся, глядя на Гарри.

— Ну, что я те г'рил? Я ж сказал, что ты знаменитость. Профессор Квиррелл аж задрожал, када тя увидел, — хотя, ежели по правде, он и так всё время дрожит.

— Он всегда такой нервный?

— Ага. Бедный парень. Такой ведь талантливый. Был в порядке, пока учился по книгам, но потом уехал на год — практиковаться… Г'рят, он встретил вампиров в Шварцвальде, и ещё произошла какая-то неприятная история с одной каргой, — после этва он так и не стал прежним. Боится учеников, теперь вот собссного предмета, — так, где мой зонт?

Вампиры? Ведьма? У Гарри голова шла кругом. Хагрид тем временем считал кирпичи в стене, возле которой стоял мусорный бак.

— Три вверх… два в сторону, — бормотал он. — Так, отойди-ка в сторонку, Гарри.

Он трижды коснулся стены остриём зонта.

Кирпич, по которому он стучал, задрожал, изогнулся; в центре его появилось небольшое отверстие; оно становилось всё шире, и в следующий миг перед ними образовалась арка достаточного

размера даже для Хагрида, проход на мощёную улицу, которая, петляя, уходила вдаль.

— Добро пожаловать, — пригласил Хагрид, — на Диагон-аллею.

Он добродушно усмехнулся в ответ на изумление мальчика. Они прошли сквозь арку. Гарри быстро оглянулся через плечо и успел увидеть, как арка мгновенно превратилась в сплошную стену.

Котлы, выставленные возле ближайшего магазина, сверкали в лучах солнца. «*Котлы. Все размеры. Медные, латунные, оловянные, серебряные. Самопомешивающиеся. Складные*», — гласила вывеска.

— Ага, те такой тож нужен, — отметил Хагрид, — но сперва возьмём деньжат.

Гарри жалел, что у него нет запасных восьми глаз. Пока они шли по улице, он вертел головой во все стороны, стараясь рассмотреть всё сразу: магазины, товары в витринах, покупателей. Проходя мимо аптеки, он заметил, как дородная дама покачивает головой, говоря:

— Печень дракона по шестнадцать серпиев за унцию — да они с ума сошли…

Из тёмного магазина с вывеской: «*Совиное Царство Циклопуса. Неясыти, сипухи, ушастые,*

полярные совы», доносилось приглушенное уханье. Несколько мальчишек примерно того же возраста, что и Гарри, стояли, прижавшись носами к витрине с мётлами.

— Смотрите, — взволнованно тараторил один из них, — это «Нимбус-2000», самая скоростная модель в мире…

Здесь были магазины, торгующие мантиями; телескопами и странными серебряными приборами, каких Гарри никогда не видел; витрины были забиты бочками с селезёнками летучих мышей и глазами угрей, шатающимися стопками книг заклинаний, перьями и свитками пергамента, флаконами с зельями, глобусами Луны…

— «*Гринготтс*», — провозгласил Хагрид.

Они добрались до ослепительно-белого здания, возвышавшегося над невысокими магазинами. Возле полированных бронзовых дверей, в алой с золотом униформе стоял…

— Угу, эт гоблин, — тихо пояснил Хагрид, пока они поднимались по высеченным из белого мрамора ступеням. Гоблин был примерно на голову ниже Гарри. У него было смуглое, умное лицо, заострённая бородка и, как заметил Гарри, очень длинные пальцы и ступни. Когда они подошли к дверям, гоблин поклонился. Гарри и Хагрид

оказались перед другими дверьми, на этот раз серебряными, — на них были выгравированы строчки:

«Входи, незнакомец, но не забудь:
К жадным возмездье всегда найдёт путь;
Кто, не заслуженно, берёт,
Того сполна расплата ждёт.
И, если пришёл ты сюда за чужим,
Сокровищем, что в подземельях лежит —
Тогда, вор, учти перед тем, как войти —
Не только сокровище можешь найти.»

— Я ж г'рю, тока сумасшедший додумается ограбить этот банк, — прокомментировал Хагрид.

Двое гоблинов с поклонами встретили их у серебряных дверей, и посетители оказались в огромном зале, отделанном мрамором. За длинной стойкой, на высоких табуретах сидели около сотни гоблинов: они записывали что-то в гроссбухах, взвешивали монеты на латунных весах, изучали драгоценные камни с помощью луп. Из холла вело куда-то бесчисленное количество

дверей, — другие гоблины провожали туда клиентов. Гарри и Хагрид зашагали к стойке.

— Здрасьте, — поздоровался Хагрид со свободным гоблином. — Мы за деньгами из сейфа мистера Поттера.

— У вас есть ключ, сэр?

— Где-т был, — чуть нахмурился Хагрид, вываливая содержимое своих карманов на стойку. На гроссбух высыпалась пригоршня заплесневелых собачьих бисквитов. Гоблин брезгливо сморщил нос. Гарри между тем наблюдал, как гоблин справа от него взвешивает груду рубинов, огромных, напоминающих пылающие угли.

— Нашёл, — наконец объявил Хагрид, демонстрируя крошечный золотой ключик.

Гоблин тщательно осмотрел его.

— Кажется, всё в порядке.

— У меня тут ишо письмо от профессора Дамблдора, — с важным видом заявил Хагрид, выпятив грудь. — Насчёт Вы-Знаете-Чего в сейфе номер семьсот тринадцать.

Гоблин внимательно прочёл письмо.

— Очень хорошо, — кивнул он, возвращая письмо Хагриду. — Сейчас вас проводят вниз, к вашим сейфам. Грипхук!

Грипхук тоже был гоблином. Когда Хагрид

распихал все собачьи бисквиты по карманам, они с Гарри последовали за Грипхуком к одной из дверей.

— А что это такое, «Вы-Знаете-Что» в сейфе семьсот тринадцать? — живо спросил Гарри.

— Не могу сказать, — загадочно ответил Хагрид. — Страшная тайна. Хогвартские дела. Дамблдор мне доверяет. А я своей работой слишком дорожу, чтоб секреты те раскрывать.

Грипхук придержал для них дверь. Гарри, ожидавший увидеть очередной мраморный зал, был удивлён. Они попали в тесный каменный коридор, освещаемый горящими факелами. Он круто уходил вниз; по полу были проложены узкие рельсы. Грипхук свистнул, и к ним с лязганьем подъехала небольшая тележка. Они забрались внутрь — Хагриду это удалось с трудом — и поехали.

Сначала они неслись по лабиринту петляющих коридоров. Гарри пытался запоминать дорогу: налево, направо, направо, налево, на развилке прямо, направо, налево, — но вскоре бросил это бесполезное занятие. Дребезжащая тележка, видимо, сама знала, куда ехать — Грипхук ею не управлял.

Глаза щипало от ледяного воздуха, но Гарри всё

равно держал их широко открытыми. В какой-то момент он заметил огненную вспышку в конце коридора и обернулся посмотреть, не дракон ли это, но было уже поздно, — тележка резко ушла вниз, и вскоре они миновали подземное озеро, возле которого повсюду росли сталактиты и сталагмиты.

— Никогда не знал, — крикнул Гарри Хагриду, пытаясь заглушить грохот тележки, — в чем разница между сталактитом и сталагмитом?

— В слове «сталагмит» есть буква «м», — выдавил Хагрид. — И не спрашивай пока больше ни о чём, а то мя наизнанку вывернет.

Он и впрямь совершенно позеленел. Когда тележка наконец остановилась возле небольшой двери, Хагриду пришлось прислониться к стене, чтобы колени перестали дрожать.

Грипхук отпер дверь. Из сейфа вырвались клубы зелёного дыма; когда он рассеялся, Гарри ахнул. Внутри были кучи золотых монет. Колонны серебряных. Груды бронзовых.

— Всё твоё, — улыбнулся Хагрид.

«Всё твоё» — это было невероятно. Дёрсли наверняка не знали об этих деньгах, иначе отняли бы их, не успей он и глазом моргнуть. Сколько раз они жаловались, что Гарри им дорого обходится?

А в это время глубоко под Лондоном хранилось принадлежавшее ему состояние.

Хагрид помогал Гарри складывать деньги в сумку.

— Золотые — эт галеоны, — объяснял он. — Один галеон — семнадцать серебряных серпиев, а один серпий — двадцать девять ворехов, усё просто. Так, отлично, этва тебе на пару семестров хватит, а остальное пущай здесь лежит.

Он повернулся к Грипхуку.

— А терь нам нужен сейф семьсот тринадцать, — и, пжалста, нельзя ль помедленней?

— У тележки только одна скорость, — отрезал гоблин.

Теперь они, набирая скорость, спускались ещё ниже. Воздух становился всё холоднее, на крутых поворотах тележку швыряло из стороны в сторону. Когда они проезжали над подземным ущельем, Гарри перегнулся через борт тележки, чтобы разглядеть, что там, внизу, но Хагрид со стоном схватил его за шиворот и втащил обратно.

В двери сейфа номер семьсот тринадцать не было замочной скважины.

— Отойдите, — важно велел Грипхук. Он провёл по двери длинным пальцем, и та попросту растаяла в воздухе.

— Если это попробует сделать кто-то, кроме работающих в банке гоблинов, его затянет внутрь, и он окажется в ловушке, — пояснил Грипхук.

— А как часто вы проверяете, нет ли там кого внутри? — осведомился Гарри.

— Примерно раз в десять лет, — с неприятной ухмылкой ответил Грипхук.

Гарри был уверен, что в этом сверхсекретном сейфе хранится что-то особенное, как минимум, гигантские драгоценные камни; он поспешно вытянул шею, чтобы разглядеть содержимое. Сначала ему показалось, что в сейфе вообще пусто. Затем он заметил на полу маленький невзрачный свёрток из коричневой бумаги. Хагрид подобрал его и засунул поглубже в карман. Гарри очень хотелось узнать, что там внутри, но он понимал, что спрашивать бесполезно.

— Пошли обратно к этой адовой тележке, и не разговаривай со мной по дороге. Лучше мне держать рот закрытым, — сказал ему Хагрид.

* * *

Ещё одна бешеная гонка на тележке, и вот они уже стоят на улице перед банком, щурясь от яркого солнечного света. Теперь, с полной денег сумкой, Гарри не знал, куда и кинуться. Он и без

курса галеона по отношению к фунту понимал: сейчас у него больше денег, чем за всю его жизнь; больше, чем когда-либо было у Дадли.

— Мож пока купить школьную форму, — предложил Хагрид, кивнув на магазин с вывеской «*Мадам Малкин. Мантии на все случаи жизни*». — Слушай, Гарри, ты не против, ежели я пропущу стаканчик в «Дырявом котле»? Не переношу я эти гринготтские тележки.

Он всё ещё выглядел неважно, поэтому Гарри, волнуясь, в одиночестве зашёл в магазин.

Мадам Малкин оказалась приземистой, улыбчивой, одетой в розовато-лиловое колдуньей.

— Для Хогвартса, дорогой? — перебила она, когда Гарри начал бубнить что-то невразумительное. — У меня всё в наличии, — вот, кстати, молодой человек там тоже форму примеряет.

В глубине магазина на скамейке стоял бледный мальчик с заострённым подбородком; другая колдунья подгоняла ему по размеру длинную чёрную мантию. Мадам Малкин поставила Гарри рядом на табурет, через голову натянула на него мантию и начала подгибать её на нужную длину.

— Привет, — поздоровался мальчик. — Тоже в Хогвартс?

— Да, — кивнул Гарри.

— Мой отец в соседнем магазине покупает учебники, а мать присматривает волшебную палочку, — сообщил мальчик. Говорил он скучающим тоном, растягивая слова. — А потом поведу их смотреть гоночные мётлы. Не понимаю, почему первокурсникам не разрешается иметь собственные мётлы. Всё-таки заставлю отца купить мне такую… а уж потом как-нибудь протащу её в школу.

Мальчик сильно напоминал Дадли.

— А у *тебя* своя метла есть? — продолжал он.

— Нет, — Гарри отрицательно мотнул головой.

— Ты в квиддич-то вообще играешь?

— Нет, — снова покрутил головой Гарри, гадая, что же такое квиддич.

— А *я* играю. Отец говорит, будет преступлением, если меня не примут в сборную дома, — и должен сказать, я с ним согласен. Ты уже знаешь, в каком будешь доме?

— Нет, — в третий раз ответил Гарри, с каждой минутой чувствуя себя всё глупее.

— Ну, вообще-то этого никто заранее не знает, но я уверен, что попаду в Слизерин, вся наша семья там училась, а представь, если определят в Хуфльпуф, — я бы сразу из школы ушёл, а ты?

— Ммм… — промычал Гарри, жалея, что не мо-

жет сказать чего-нибудь более содержательного.

— Ну и ну, ты только взгляни на этого! — внезапно воскликнул мальчик, кивая в сторону витрины. За окном стоял Хагрид, — он улыбался Гарри и показывал на два больших рожка мороженого, объясняя, почему не может войти.

— Это Хагрид, — пояснил Гарри, довольный, что ему известно хоть что-то, чего не знает этот мальчик. — Он работает в Хогвартсе.

— А-а, — протянул тот. — Я о нём слышал. Он там вроде прислуги, верно?

— Он лесник, — поправил Гарри. Его неприязнь к этому мальчишке росла с каждой секундой.

— Да, точно. Говорят, он настоящий *дикарь*, — живёт в хижине на территории школы, периодически напивается и пытается колдовать, а в итоге поджигает свою собственную постель.

— А по-моему, он замечательный, — холодно возразил Гарри.

— *Вот* как? — мальчишка пренебрежительно усмехнулся. — Но почему он с тобой? Где твои родители?

— Умерли, — коротко ответил Гарри. Он не собирался обсуждать с мальчиком эту тему.

— О, мне очень жаль, — проговорил тот без особых эмоций. — Но они были из *наших*, верно?

— Они были колдунами, если ты об этом.

— Если честно, я считаю, что в Хогвартс не следует принимать других детей, из семей магглов. Они ведь совершенно по-другому воспитаны. Представь себе, некоторые даже не слышали о Хогвартсе, пока не получили письмо. Считаю, в Хогвартсе должны учиться только дети из древних колдовских родов. Кстати, а как твоя фамилия?

Но прежде чем Гарри успел ответить, в разговор вмешалась мадам Малкин.

— Все готово, милый, — сообщила она, и Гарри, не особо расстроенный поводом прекратить разговор, соскочил с табуретки.

— Что ж, увидимся в Хогвартсе, — протянул мальчик ему вслед.

Гарри вёл себя неестественно тихо, поедая купленное Хагридом мороженое (шоколадно-малиновое с колотыми орешками).

— Чой-то случилось? — встревожился Хагрид.

— Всё нормально, — соврал Гарри. По дороге они купили пергамент и перья. Гарри слегка повеселел, обнаружив флакончик чернил, меняющих цвет в процессе письма.

— Хагрид, а что такое квиддич? — поинтересовался он, выйдя из магазина.

— Чёрт побери, Гарри, вечно я забываю, какой ты у нас недотёпа, — даж о квиддиче не знаешь!

— Не надо, я и так ужасно себя чувствую, — попросил Гарри. И рассказал Хагриду о встрече с тем мальчишкой в магазине мадам Малкин.

— … а потом он сказал, что детей из маггловых семей вообще нельзя принимать в школу.

— Но ты ж не *из* маггловой семьи. Да если б он знал, кто ты *такой* — он же с пелёнок про тя слыхал, раз у самого семья колдовская. Забыл, что ль, как тя в «Дырявом котле» встречали? Да и вообще, что он в этом понимает, — я стока первоклассных колдунов знавал, и у многих родители — магглы! Да взять хоть твою маму — сравни-ка с сестрицей!

— Так что *такое* квиддич?

— Это наш спорт. Колдовской. Что-то вроде… футбола у маггловв, — играют в воздухе на мётлах, с четырьмя мячами… в общем, так сразу правила не вспомнишь.

— А что за Слизерин и Хуфльпуф?

— Дома Хогвартса. Всего их четыре. Г'рят, в Хуфльпуфе одни тупицы учатся, но…

— Спорим, я окажусь в Хуфльпуфе, — мрачно заметил Гарри.

— Лучше уж Хуфльпуф, чем Слизерин, — тя-

жело вздохнул Хагрид. — Все чёрные ведьмы и колдуны учились в Слизерине. Сам-Знаешь-Кто тож оттуда.

— Вол… то есть… Сам-Знаешь-Кто учился в Хогвартсе?

— Давным-давно, — подтвердил Хагрид.

После этого они зашли за учебниками в магазин «*Флориш и Блоттс*», где полки до самого потолка были уставлены книгами: огромными, как булыжники и обтянутыми кожей; книгами размером с почтовую марку, в шёлковых обложках; испещрёнными непонятными символами; попадались даже тома с пустыми страницами. Эти книги не оставили бы равнодушным даже Дадли, который в жизни ничего не читал. Хагриду пришлось буквально силой оттаскивать Гарри от учебника профессора Мституса Мозольана «*Сглазы и контр-сглазы*» (*Очаруйте своих друзей и одурманьте врагов. Современные способы взять реванш: выпадение волос, ватные ноги, прилипание языка и многое-многое другое*).

— Я хотел узнать, как наслать проклятие на Дадли.

— Не скажу, что идея плоха, но в маггловом мире нельзя пользоваться магией, разве что в самом крайнем случае, — объяснил Хагрид. — И

потом, те до этва ещё учиться и учиться.

Хагрид также не позволил Гарри купить котёл из чистого золота («Сказано же, оловянный»), зато они приобрели отличные весы для ингредиентов зелий и складной медный телескоп. Затем они зашли в «*Аптеку*», где было достаточно интересно, чтобы смириться с кошмарным запахом — смесь тухлых яиц и гнилой капусты. На полу стояли бочки с какой-то слизью; полки были уставлены банками с травами, сушёными кореньями и яркими порошками. С потолка свисали пучки перьев, связки зубов и когтей. Пока Хагрид заказывал аптекарю базовый набор ингредиентов для зелий, Гарри изучал серебряные рога единорога стоимостью в двадцать один галеон и крошечные, блестящие чёрные жучиные глаза (пять ворехов за ковшик).

Выйдя из «*Аптеки*», Хагрид ещё раз проверил список.

— Ну что, осталась тока палочка… ах да, и подарок на день рожденья.

Гарри почувствовал, что краснеет.

— Да это совсем не обязательно…

— Да знаю я. Слушай, куплю-ка я те какую-нить животину. Тока не жабу, они уж сто лет как из моды вышли, тя на смех подымут… А кошек я не

люблю, мне от них чихать охота. Во — подарю те сову. О них все дети мечтают, да и полезные это птицы — почту носят и всё такое.

Через двадцать минут они вышли из «*Совиного Царства Циклопуса*», где царила кромешная тьма, шелестели крылья, и повсюду сверкали яркие, как драгоценные камни, глаза. Гарри бережно нёс клетку с красивой полярной совой, — она спала, засунув голову под крыло. Гарри рассыпался в благодарностях, начиная заикаться, как профессор Квиррелл.

— Да полно те, — резковато отмахнулся Хагрид. — Я так понял, Дёрсли тя подарками не баловали. Так, осталось зайти к Олливандеру, — тока там палочки продают, а те самая лучшая нужна.

Волшебная палочка… вот о чём Гарри мечтал сильнее всего.

Последний магазин с виду был крошечным и каким-то захудалым. С вывески над дверью: «*Олливандеры — лучшие производители волшебных палочек с 382-го года до нашей эры*» — осыпалась позолота. В пыльной витрине, на выцветшей фиолетовой подушке лежала одна-единственная палочка.

Едва они открыли дверь, где-то в глубине ма-

газина звякнул колокольчик. Помещение было крошечным и совершенно пустым, не считая одинокого, тонконогого стула, на который в ожидании хозяина магазина уселся Хагрид. Гарри чувствовал себя так, словно попал в библиотеку со строгими правилами; у него возникло множество новых вопросов, но задавать их здесь он не решался, — вместо этого Гарри начал разглядывать тысячи узких коробочек, уложенные вдоль стен аккуратными штабелями. Почему-то по спине у него побежали мурашки. Казалось, даже пыль и загадочная тишина в этом магазине дышали какой-то особой магией.

— Добрый день, — послышался мягкий голос.

Гарри подскочил; Хагрид, должно быть, тоже, — раздался громкий треск, и великан быстро отошёл от покосившегося стула.

Перед ними стоял пожилой человек; его огромные, тусклые глаза излучали лунно-серебристое сияние, рассеивавшее полумрак в помещении.

— Здравствуйте, — неловко поздоровался Гарри.

— А-а, ну, конечно же, — произнёс старик. — Разумеется. Я так и думал, что вскоре увижу вас. Гарри Поттер, — это был не вопрос, а утверждение. — У вас глаза вашей матери. А ведь, кажется,

только вчера она сама была здесь, — покупала свою первую волшебную палочку. Десять дюймов с четвертью, хлёсткая, сделанная из ивы. Неплохая палочка для наведения чар.

Мистер Олливандер подошёл поближе к Гарри. Тому вдруг захотелось, чтобы продавец моргнул, — от взгляда его серебристых глаз становилось не по себе.

— А ваш отец предпочёл палочку из красного дерева. Одиннадцать дюймов. Пластичная, чуть более мощная. Идеально подходит для преображения. Да, я сказал, что ваш отец предпочёл эту палочку, — но на самом деле, разумеется, палочка сама выбирает колдуна.

Мистер Олливандер приблизился к Гарри почти вплотную, так что их носы едва не соприкасались. Гарри видел собственное отражение в затуманенных глазах старика.

— А-а, так, значит, сюда…

Мистер Олливандер коснулся длинным пальцем шрама-молнии на лбу Гарри.

— Мне жаль, но именно я продал палочку, которая это сделала, — тихо промолвил он. — Тринадцать с половиной дюймов. Тис. Мощная, очень мощная, и в плохих руках. Знай я, что натворит эта палочка…

Он покачал головой, и тут, к облегчению Гарри, заметил Хагрида.

— Рубеус! Рубеус Хагрид! Как приятно снова вас видеть… Дуб, шестнадцать дюймов, довольно гибкая, не так ли?

— Да, сэр, так и было, — ответил Хагрид.

— Хорошая была палочка. Но, как я понимаю, её переломили надвое, когда вас отчислили? — уточнил мистер Олливандер, внезапно посуровев.

— Э-э… да, сэр, — признал Хагрид, ковыряя пол носком ботинка. — Но зато у меня остались обломки, — вдруг просиял он.

— Надеюсь, вы ими не*пользуетес*ь? — осведомился мистер Олливандер.

— О, конечно нет, сэр, — поспешно заверил его Хагрид.

Гарри заметил, что при этих словах великан крепко сжал свой зонтик.

— Хмм… — протянул мистер Олливандер, буравя Хагрида подозрительным взглядом. — Ну что ж, а теперь — мистер Поттер. Дайте взглянуть.

Он извлёк из кармана длинный швейный сантиметр с серебряными насечками.

— Какой рукой предпочитаете колдовать?

— Ну… я правша, — растерялся Гарри.

— Будьте добры, вытяните руку. Отлично, —

мистер Олливандер принялся измерять руку Гарри: от плеча до пальцев, от запястья до локтя, от плеча до пола, от подмышки до колена, — а также измерил окружность головы. В это время он рассказывал:

— Каждая палочка, сделанная Олливандерами, содержит мощную магическую субстанцию, мистер Поттер. Мы используем единорожьи волосы, перья феникса либо сердечные жилы дракона. Каждая олливандерская палочка уникальна, так как не существует двух одинаковых единорогов, фениксов или драконов. И конечно, вы не добьётесь тех же результатов, пользуясь чужой палочкой.

Гарри вдруг осознал, что сантиметр измеряет его сам, — сейчас он определял расстояние между ноздрями. Мистер Олливандер крутился возле полок, снимая с них коробки.

— Достаточно, — произнёс он, и сантиметр упал на пол, свернувшись в клубок. — Итак, мистер Поттер. Попробуйте эту палочку. Бук и сердечная жила дракона. Девять дюймов. Хорошая, пластичная. Просто взмахните ею.

Гарри взял палочку и, чувствуя себя довольно глупо, потряс ею перед носом, но мистер Олливандер почти сразу же буквально вырвал её у

него из рук.

— Клён и перо феникса. Семь дюймов, довольно хлёсткая. Попробуйте…

Но не успел Гарри взмахнуть ею, как мистер Олливандер выхватил у него и эту палочку.

— Нет, не та… Вот, эбеновое дерево и единорожий волос, восемь с половиной дюймов, упругая. Ну же, пробуйте.

Гарри пробовал. И пробовал. Он никак не мог взять в толк, чего добивается мистер Олливандер. Гора уже испробованных палочек на тонконогом стуле всё росла и росла, но, чем меньше коробок оставалось на полках, тем счастливее становился продавец.

— А вы необычный покупатель, не так ли? Не волнуйтесь, где-то здесь у меня лежит то, что вам нужно… а действительно, почему бы и нет? Довольно необычное сочетание: остролист и перо феникса, одиннадцать дюймов, прекрасная, гибкая палочка.

Гарри взял палочку и внезапно ощутил, как по кончикам пальцев побежало тепло. Он поднял палочку над головой и со свистом рассёк ею пыльный воздух; из палочки фейерверком посыпались красные и золотые искры, и их отсветы заплясали на стенах. Хагрид издал радостный

возглас и зааплодировал, а мистер Олливандер воскликнул:

— О, браво! Да, это то, что нужно, — отлично, отлично. Так-так-так… Любопытно… очень любопытно…

Он уложил палочку Гарри обратно в коробку и принялся заворачивать её в коричневую бумагу, все ещё бормоча: «Любопытно… любопытно…».

— Извините, — прервал его Гарри, — но *что именно* любопытно?

Мистер Олливандер задержал на Гарри свой тусклый взгляд.

— Я помню каждую свою проданную палочку, мистер Поттер. Каждую. Так уж сложилось, что феникс, перо из чьего хвоста содержит ваша палочка, дал ещё одно перо, — всего одно. И удивительно, что именно вам была предназначена эта палочка, в то время как её родная сестра наградила вас этим шрамом.

Гарри сглотнул.

— Да, тринадцать с половиной дюймов. Тис. В самом деле, удивительно, как иногда складывается судьба. Я ведь говорил вам, что это палочка выбирает колдуна? Думаю, мы вправе ожидать от вас серьёзных свершений, мистер Поттер… В конце концов, Тот-Кого-Нельзя-Называть творил

великие вещи — ужасные… но всё же великие.

Гарри вздрогнул. Он не был уверен, что ему нравится мистер Олливандер. Он заплатил за палочку семь галеонов, и продавец с поклонами проводил их с Хагридом до двери.

* * *

День близился к вечеру, и солнце опускалось всё ниже; они с Хагридом шли обратно, по Диагон-аллее, через арку, в «Дырявый котёл», где к тому времени не осталось ни одного посетителя. Гарри брёл молча; он даже не обратил внимания на то, как люди в метро таращились на них, нагруженных причудливой формы свёртками и вдобавок со спящей полярной совой в клетке. Они поднялись по эскалатору и оказались на вокзале Паддингтон; Гарри осознал, где находится, лишь когда Хагрид потрепал его по плечу.

— Надо бы перекусить, как раз до твоего поезда успеем, — предложил он.

Хагрид купил себе и Гарри по гамбургеру, и они уселись на пластиковые стулья. Гарри огляделся по сторонам. Теперь всё вокруг почему-то казалось ему странным.

— Всё в порядке, Гарри? — встревожился Хагрид. — Ты какой-то слишком тихий.

Гарри не был уверен, что сможет объяснить своё состояние. Сегодня у него был лучший день рождения в жизни — и всё же… он жевал гамбургер, пытаясь подобрать нужные слова.

— Все думают, что я какой-то особенный, — наконец начал он. — Те люди в «Дырявом котле», профессор Квиррелл, мистер Олливандер… но я же ничего не знаю о магии. Как можно ждать от меня чего-то великого? Я знаменит, но не помню, из-за чего таким стал. Я не знаю, что произошло в ту ночь, когда Вол… то есть, когда погибли мои родители.

Хагрид перегнулся через стол. За косматой бородой и кустистыми бровями скрывалась добродушная улыбка.

— Да ты не боись, Гарри. Ты быстро всему обучишься. В Хогвартсе все начинают с самого начала, и все у тя буит в порядке. Просто будь собой. Я понимаю, тя выделили, а эт всегда тяжело. Но поверь, в Хогвартсе те буит здорово — как и мне было когда-то — да и до сих пор, вообще-то.

Хагрид проводил Гарри на поезд, который должен был доставить его назад, к Дёрсли, и затем протянул ему конверт.

— Твой билет в Хогвартс, — пояснил он. — Первое сентября, вокзал Кингс-Кросс, — ну, там на

билете всё написано. Ежели будут проблемы с Дёрсли, пришли мне сову, — она знает, где меня найти… Ну, скоро свидимся, Гарри.

Поезд тронулся. Гарри пытался до последнего не выпускать Хагрида из виду; он привстал и прижался носом к стеклу, но стоило ему моргнуть — и Хагрид исчез.

Глава шестая
ПУТЕШЕСТВИЕ С ПЛАТФОРМЫ ДЕВЯТЬ И ТРИ ЧЕТВЕРТИ

Последний месяц, проведённый с Дёрсли, оказался не таким уж весёлым. Правда, теперь Дадли до того боялся Гарри, что избегал находиться с ним в одной комнате; а дядя Вернон с тётей Петунией и вовсе перестали запирать его в чулане, ни к чему не принуждали, даже не вопили на него, — да и, по правде говоря, вообще не разговаривали с ним. До смерти напуганные и разозлённые одновременно, они делали вид, что Гарри попросту не существует. Он, конечно, был рад таким переменам, — и всё же, со временем всё это начало угнетать.

Гарри проводил большую часть времени в своей комнате, в компании с совой. Он решил назвать её Хедвиг, — на это имя он наткнулся, читая «*Историю магии*». Учебники оказались ужасно интересными. По вечерам он допоздна читал в постели, а Хедвиг летала туда-сюда через раскрытое окно, когда ей вздумается. Хорошо ещё, что тётя Петуния перестала пылесосить его

комнату, — страшно было даже представить её реакцию на то, что Хедвиг приносила с охоты дохлых мышей. Каждый вечер перед сном Гарри, считая дни до первого сентября, вычёркивал очередной на самодельном календаре, прикреплённом к стене.

В последний день августа Гарри решил, что надо бы договориться с дядей и тётей о том, как ему завтра добраться до вокзала Кингс-Кросс; он спустился в гостиную, где в это время все смотрели шоу по телевизору. Гарри прокашлялся, чтобы дать о себе знать, — Дадли с воплем вылетел из комнаты.

— Э-э… дядя Вернон?

Тот невнятно пробурчал что-то, показывая, что слушает.

— М-м… завтра мне надо быть на вокзале Кингс-Кросс, я еду… в Хогвартс.

Дядя Вернон снова буркнул.

— Вы не могли бы отвезти меня туда?

«Бурк». Гарри подумал, что это значит «да».

— Спасибо.

Гарри начал было подниматься по лестнице, но тут дядя Вернон наконец заговорил:

— Путешествие на поезде — странный способ добираться до школы колдовства. А что, ковры-

самолёты все поистёрлись?

Гарри промолчал.

— А где, кстати, находится эта школа?

— Не знаю, — ответил Гарри, осознав это только сейчас. Он вытащил из кармана билет, который ему отдал Хагрид:

— Мне просто нужно попасть на платформу девять и три четверти и сесть на поезд в одиннадцать утра, — прочёл он.

Дядя с тётей уставились на него.

— *Какую* платформу?

— Девять и три четверти.

— Перестань нести чушь, — осадил его дядя Вернон. — Такой платформы не существует.

— Но так написано на моём билете.

— Бред какой-то, — покачал головой дядя, — да они все психи. Подожди, сам увидишь. А насчёт Кингс-Кросс — так и быть, подбросим тебя. Нам всё равно нужно в Лондон, а иначе бы я и пальцем не шевельнул.

— А зачем вам в Лондон? — поинтересовался Гарри, чтобы закончить разговор мирно.

— Везём Дадли в больницу, — проворчал дядя Вернон. — Надо удалить этот проклятый хвост прежде, чем пойти в школу.

* * *

Гарри проснулся в пять утра и так и не смог больше заснуть — слишком уж был взволнован. Он встал и натянул джинсы, — не хотелось ехать на вокзал в школьной мантии, переодеться можно и в поезде. Затем в очередной раз проверил, взял ли всё необходимое, убедился, что Хедвиг надёжно заперта в клетке и начал расхаживать по комнате, дожидаясь, когда встанут Дёрсли. Через два часа огромный, тяжёлый сундук Гарри, наконец, втиснули в багажник, тётя Петуния уговорила Дадли сесть рядом с Гарри, и они поехали.

Они добрались до вокзала Кингс-Кросс к половине одиннадцатого. Дядя Вернон взвалил сундук Гарри на тележку и покатил её вперед. Гарри подумал было, что это как-то чересчур любезно с его стороны, но тут дядя, ехидно усмехаясь, остановился перед выходом на платформы.

— Ну что, приятель, вот мы и на месте. Вот платформа девять, а вот — десять. Твоя должна быть где-то посередине, но, похоже, её ещё не построили, а?

Естественно, он был прав. Большая пластиковая табличка с номером «9» над одной платформой; с

номером «10» — над другой — и больше ничего.

— Успешной учёбы, — пожелал дядя Вернон с ещё более мерзкой ухмылкой и ушёл, не проронив больше ни слова. Гарри, оглянувшись, наблюдал, как Дёрсли отъезжают от вокзала; все трое веселились от души. У Гарри пересохло в горле. И что, интересно, ему теперь делать? На него уже начинали подозрительно коситься из-за Хедвиг. Придётся кого-нибудь спросить.

Он остановил проходившего мимо вокзального служащего, но так и не решился упомянуть платформу девять и три четверти. Выяснилось, что тот никогда не слышал о Хогвартсе, а поскольку Гарри не мог даже объяснить ему, в какой части страны находится эта школа, начал раздражаться, словно Гарри нарочно притворялся тупым. Почти отчаявшись, Гарри спросил, какой поезд отправляется в одиннадцать часов, и услышал в ответ, что такого не существует. Наконец служащий удалился, что-то недовольно бормоча насчёт «всяких бездельников». Гарри изо всех сил старался не паниковать. Если верить часам на табло, до отбытия поезда оставалось десять минут, а он по-прежнему не знал, что делать; он тупо стоял посреди вокзала, с сундуком, который едва мог поднять, карманами, полными волшебных денег,

и клеткой с большой совой.

Скорее всего, Хагрид забыл рассказать ему, что именно нужно сделать, — вроде того, как он стучал по третьему кирпичу слева, чтобы попасть на Диагон-аллею. Гарри уже подумывал о том, чтобы вытащить палочку и начать постукивать ею по билетной кассе между платформами девять и десять.

В это время позади него прошло несколько человек, и он уловил несколько слов из их разговора:

— …целая толпа магглов, я так и знала…

Гарри резко обернулся. Оказалось, это говорила полная женщина, обращаясь к четверым мальчишкам с огненно-рыжими волосами. Каждый толкал перед собой такой же, как у Гарри, сундук, — и у них была *сова*.

С лихорадочно колотящимся сердцем Гарри покатил свою тележку вслед за ними. Они замедлили шаг, и он остановился, оказавшись достаточно близко, чтобы слышать их.

— Так, какая платформа? — спросила мать у детей.

— Девять и три четверти, — пропищала маленькая девочка, державшая её за руку, — тоже рыжеволосая. — Мам, ну можно, я тоже поеду…

— Ты ещё слишком мала, Джинни, пожалуйста, тише. Давай, Перси, ты первый.

Старший, судя по всему, из её сыновей бодро зашагал к платформам. Гарри следил за ним, стараясь не моргать, чтобы ничего не упустить, — но, едва мальчик приблизился к барьеру, разделяющему две платформы, толпа туристов, проходя мимо, заслонила его; когда последний рюкзак исчез из поля зрения, мальчика уже не было видно.

— Фред, ты следующий, — распорядилась дама.

— Я не Фред, я Джордж, — возмутился тот. — И эта женщина ещё называет себя нашей матерью? Ты разве *не видишь*, что я Джордж?

— Джордж, сынок, прости.

— Шутка — я Фред, — весело сообщил мальчишка и направился к барьеру. Его брат-близнец крикнул вслед, чтобы он поторопился, и в следующий миг Фред исчез — но как?

Теперь уже третий шагал к барьеру, вот он приблизился к нему почти вплотную, — и, внезапно, тоже растаял в воздухе.

Выбора не было.

— Простите, — робко обратился Гарри к полной женщине.

— Здравствуй, дорогой, — улыбнулась та. — По-

ступаешь в Хогвартс? Рон тоже.

— Она кивнула на своего младшего сына. Он был высокий, худощавый, нескладный и веснушчатый, с широкими ладонями и ступнями и длинным носом.

— Да, — подтвердил Гарри. — Но дело в том, что… я не знаю, как…

— Как попасть на платформу? — доброжелательно подсказала женщина, и Гарри кивнул.

— Не волнуйся, — успокоила его она. — Всё, что тебе нужно сделать — это пройти прямо сквозь барьер между платформами девять и десять. Только не останавливайся и не бойся, что врежешься в стену, это очень важно. Если нервничаешь, то лучше с разбега. Давай, иди сейчас, перед Роном.

— Э-э… хорошо, — согласился Гарри.

Он развернул тележку и взглянул на барьер; с виду тот был довольно прочным.

Гарри направился к барьеру. Люди, спеша на платформы девять и десять, задевали его на ходу; Гарри ускорил шаг. Сейчас он врежется, вот будет история, — он налёг на поручень тележки и тяжело побежал, — барьер всё ближе, — он уже не сможет остановиться, — тележкой стало невозможно управлять, — до барьера оставался какой-то фут, — он прикрыл глаза, готовясь к

удару…

Удара не произошло… Гарри, не замедляя бега, открыл глаза. Рядом с платформой, битком набитой людьми, стоял алый паровоз. Табличка над головой Гарри гласила: «*Хогвартс-Экспресс, 11–00*». Гарри оглянулся: вместо барьера появилась изящная чугунная арка с надписью сверху: «*Платформа Девять и Три четверти*». Получилось!

Над головами оживлённо беседующих людей клубился пар, а под ногами у них туда-сюда сновали разномастные кошки. Совы недовольно ухали, заглушая болтовню и стук колёс тяжёлых сундуков.

Первые вагоны были уже забиты школьниками, — кто-то, высунувшись из окна, болтал с родными, кто-то сражался за свободные места. Гарри покатил тележку вдоль платформы, высматривая, куда в поезде можно сесть. Он миновал круглолицего мальчика, — тот растерянно говорил:

— Баб, я снова потерял жабу.

— Ох, *Невилл*, — вздохнула пожилая дама.

Группа ребят окружила мальчишку с дредами:

— Ну покажи, Ли, ну давай…

Тот приподнял крышку коробки, и все вокруг

завопили: изнутри высунулась чья-то длинная, волосатая лапа.

Гарри пробирался сквозь толпу, пока не нашёл свободное купе. Сперва он занёс туда клетку с Хедвиг, а затем приволок к двери вагона сундук. Он попытался втащить его на подножку, — с большим трудом ему удалось его поднять, но в результате сундук упал, больно ударив Гарри по ноге.

— Помочь? — к нему подошёл один из рыжих близнецов, за которыми он последовал на платформу.

— Да, если не трудно, — тяжело дыша, попросил Гарри.

— Эй, Фред! Помоги мне!

С помощью близнецов Гарри, наконец, затолкал сундук в угол купе.

— Спасибо, — поблагодарил Гарри, откинув со лба мокрые от пота волосы.

— Что это? — вдруг спросил один из близнецов, показывая на зигзагообразный шрам Гарри.

— Ни фига себе! — воскликнул второй. — Значит, ты…

— Это он, — уверенно заявил первый близнец. — Так ведь? — прибавил он, обращаясь к Гарри.

— Кто я? — переспросил Гарри.

— *Гарри Поттер*, — хором выпалили близнецы.

— Ну… да, это он, — ответил Гарри. — То есть, да, это я.

Близнецы вытаращились на него, и он почувствовал, как к щекам прилила краска. И тут, к его облегчению, из-за открытой двери поезда донёсся голос:

— Фред? Джордж? Вы здесь?

— Мы идём, мам.

Ещё раз оглянувшись на Гарри, близнецы вышли из поезда.

Гарри сел возле окна, откуда, частично скрытый от посторонних глаз, мог наблюдать за рыжеволосым семейством и слышать их разговор. Мать вытащила носовой платок.

— Рон, у тебя что-то на носу.

Младший сын попытался ускользнуть, но она схватила его в охапку и принялась тереть платком кончик его носа.

— *Мам*… отстань… — он вырвался.

— Ай-ай, у Роннюшки что-то на носике? — пропел один из близнецов.

— Заткнись, — бросил Рон.

— А где Перси? — спросила мать.

— Сейчас придёт.

Старший мальчик стремительно приближался к ним. Он уже переоделся в чёрную хогвартскую мантию; Гарри заметил у него на груди блестящий алый с золотом значок, украшенный буквой «П».

— Мам, я ненадолго, — заявил он. — Мне нужно в поезд, там впереди для префектов выделили два купе…

— Так ты теперь *префект*, Перси? — с изумлённым выражением лица переспросил один из близнецов. — Что же ты не сказал, ведь мы ничего и не знали…

— Погоди, кажется, он упоминал об этом, — перебил его брат. — Как-то раз…

— Или два…

— В минуту…

— Всё лето…

— Ох, да замолчите вы, — отмахнулся Перси-префект.

— Кстати, почему это у Перси новая форма? — поинтересовался один из близнецов.

— Потому что он теперь *префект*, — с гордостью ответила мать. — Ну ладно, дорогой, успешной учёбы, — отправь мне сову, как доберётесь.

Она чмокнула Перси в щёку, и тот удалился.

Затем мать повернулась к близнецам.

— Так, теперь вы двое. В этом году вы будете вести себя прилично. Если мне пришлют ещё хоть одну сову из-за ваших выходок — что взорвали туалет или…

— Взорвали туалет? Мы ни разу не взрывали туалет.

— Но идея супер, спасибо, мам.

— *Не смешно*. И приглядите за Роном.

— Не волнуйся, заинька Ронни с нами не пропадёт.

— Да заткнись ты, — снова огрызнулся Рон. Он был чуть ли не одного роста с близнецами; кончик носа заметно покраснел после стараний матери оттереть с него грязь.

— Знаешь что, мам? Угадай, кого мы сейчас встретили в поезде?

Гарри быстро отклонился назад, чтобы его не заметили.

— Помнишь того черноволосого мальчишку, ну, который стоял рядом с нами на вокзале? Угадай, кто он?

— Кто?

— *Гарри Поттер*!

Гарри услышал голос девочки:

— Ой, мам, можно мне сбегать в купе и посмот-

реть на него, ну пожалуйста…

— Ты уже видела его, Джинни, и, в конце концов, бедный мальчик — не животное в зоопарке. Это точно он, Фред? Откуда ты знаешь?

— Спросил его. И шрам видел. Правда — похож на молнию.

— *Бедняжка* — неудивительно, что он был один. Он ещё так вежливо спросил, как попасть на платформу.

— Ну ладно, неважно, — как ты думаешь, он помнит, как выглядит Сама-Знаешь-Кто?

Мать мгновенно посуровела.

— Я запрещаю тебе спрашивать его, Фред. Даже и не думай. Неужели нужно напоминать ему об этом в первый же школьный день?

— Ладно, не кипятись.

Прозвучал свисток.

— Скорее! — поторопила мать, и трое мальчишек забрались в поезд. Они высунулись из окна, и мать поцеловала их на прощание; девочка заплакала.

— Перестань, Джинни, мы завалим тебя совами.

— Мы пришлём тебе сиденье от хогвартского унитаза.

— *Джордж!*

— Да шучу я, мам.

Поезд тронулся. Гарри видел, как мать машет вслед сыновьям, а их сестрёнка, смеясь сквозь слёзы, бежит за поездом, пытаясь не отставать; когда он набрал скорость, она остановилась и тоже начала махать.

Гарри следил, как девочка с матерью исчезают за поворотом. За окном купе мелькали дома. Гарри был ужасно взволнован. Он не знал, куда едет, но был уверен: это лучше, чем то, что он оставлял позади.

Дверь, скользнув вбок, открылась, и в купе вошёл младший рыжеволосый мальчик.

— Тут свободно? — спросил он, указывая на место напротив Гарри. — А то везде занято.

Гарри закивал, и мальчик сел. Он покосился на Гарри и быстро отвернулся к окну, делая вид, что не смотрел. Чёрное пятно у него на носу так и не стёрлось.

— Эй, Рон, — это вернулись близнецы. — Слушай, мы пойдём дальше, там у Ли Джордана гигантский тарантул.

— Ладно, — пробормотал Рон.

— Да, Гарри, — прибавил другой близнец, — мы ведь не представились. Фред и Джордж Уизли. А это — Рон, наш брат. Ну, увидимся позже.

— Пока, — хором ответили Гарри и Рон. Близнецы ушли, закрыв за собой дверь.

— Ты правда Гарри Поттер? — выпалил Рон.

Гарри кивнул.

— А-а, понятно, — я думал, это очередная шуточка Фреда с Джорджем, — пробормотал Рон. — А у тебя действительно… ну, ты понимаешь…

Он указал на лоб Гарри.

Гарри отвёл в сторону прядь волос, показывая шрам. Рон уставился на него.

— Так, значит, это сюда Сам-Знаешь-Кто…

— Да, — подтвердил Гарри, — но я ничего не помню.

— Совсем? — с надеждой спросил Рон.

— Ну… только вспышку зелёного света, а больше ничего.

— Ух ты, — выдохнул Рон. Некоторое время он пристально смотрел на Гарри, а потом, как будто опомнившись, живо заинтересовался пейзажем за окном.

— А у тебя колдовская семья? — спросил Гарри; Рон был интересен ему так же, как и он сам — Рону.

— Н-ну… думаю, да, — задумался Рон. — Кажется, у мамы есть какой-то троюродный брат-бухгалтер, но мы о нём никогда не говорим.

— Так ты, наверное, уже всё о магии знаешь?

Уизли явно были одной из древних семей, о которых говорил тот бледный мальчишка на Диагон-аллее.

— Я слышал, ты живёшь у магглов? — с любопытством продолжал Рон. — Какие они?

— Ужасные… то есть, не все, конечно. Но мои дядя, тётя и кузен — ужасные. Хорошо бы у меня тоже было трое братьев-колдунов.

— Пятеро, — поправил Рон. Он почему-то внезапно помрачнел. — Я — шестой в семье, кто поступает в Хогвартс. И мне уж точно есть, к чему стремиться. Билл и Чарли уже окончили школу, — Билл был старостой школы, а Чарли — капитаном команды по квиддичу. Теперь вот Перси стал префектом. Фред с Джорджем только прикалываются и занимаются всякой ерундой, но у них неплохие оценки, и все их любят. Все ждут, что я добьюсь таких же успехов, — но, даже если так, это будет не так уж удивительно, ведь мои братья уже достигли всего этого. И потом, когда у тебя пятеро братьев, тебе никогда не покупают новые вещи. Мне вот достались старые мантии Билла, старая палочка Чарли и старая крыса Перси.

Рон запустил руку в карман куртки и вытащил

толстую серую крысу; та спокойно дремала.

— Его зовут Корыстик, и он абсолютно бесполезен; сомневаюсь, что он вообще когда-нибудь просыпается. Когда Перси назначили префектом, папа подарил ему сову, — но они не могли себе позво… в смысле, вместо этого мне досталась крыса.

Уши у Рона покраснели. Похоже, он решил, что сболтнул лишнего, и вновь перевёл взгляд на окно.

Гарри же подумал: нет ничего предосудительного, если ты не можешь позволить себе купить сову. В конце концов, до начала прошлого месяца у него вообще не было денег; он так Рону и сказал, добавив, что донашивал одежду за Дадли и никогда не получал нормальных подарков на день рождения. Рон заметно приободрился.

— … и, пока Хагрид мне не рассказал, я ничего не знал про то, что я колдун, о своих родителях, о Волдеморте…

Рон охнул.

— Ты чего? — не понял Гарри.

— *Ты назвал по имени Сам-Знаешь-Кого*! — Рон был потрясён и впечатлён одновременно. — Я думал, кто-кто, но чтобы ты…

— Я не пытаюсь казаться *храбрее*, называя его

по имени, — попытался объяснить Гарри. — Не знал, что это не принято. Понимаешь? Я так многого ещё не знаю… и я уверен, — только сейчас он решился высказать вслух свои опасения, — уверен, что буду худшим в классе.

— Не будешь. В школе полно детей из маггловых семей, и они довольно быстро всему учатся.

Пока они разговаривали, поезд уже выехал из Лондона. За окном мелькали луга, где паслись коровы и овцы. Какое-то время они молчали, разглядывая проносящиеся мимо поля и просёлочные дороги.

Около половины первого из коридора донёсся стук колёс, и в купе заглянула улыбчивая женщина с ямочками на щеках:

— Хотите чего-нибудь, ребята?

Гарри, который сегодня не завтракал, мигом вскочил на ноги; уши у Рона снова покраснели, и он пробормотал, что взял с собой бутерброды. Гарри вышел в коридор.

Дёрсли никогда не давали ему денег на сладости, поэтому теперь, когда в его карманах звякали золотые и серебряные монеты, он был готов купить столько батончиков «Марс», сколько сможет унести, — но у продавщицы их не было. На тележке лежали мармеладки «Берти Ботт»

на любой вкус, взрывчатая жвачка «Дружбл», шоколадные лягушки, тыквенные пирожки, котелковые кексы, волшебные лакричные палочки, и многие другие необычные сладости, каких Гарри в жизни не видал. Дабы ничего не упустить, он набрал всего понемногу и отдал продавщице одиннадцать серебряных серпиев и семь бронзовых ворехов.

Рон удивлённо смотрел, как Гарри заносит всё это в купе и сгружает покупки на свободное сиденье.

— Такой голодный?

— Умираю, — признался Гарри, откусывая чуть ли не половину тыквенного пирожка.

Рон вытащил бугорчатый пакетик и развернул его. Внутри оказалось четыре бутерброда. Он отделил один от остальных и горестно пробормотал:

— Вечно она забывает, что я не люблю солонину.

— Меняю на своё, — мигом предложил Гарри, протянув Рону пирожок. — Давай…

— Да нет, тебе не понравится, мясо жёсткое, — покачал головой Рон. — Ну, у неё просто времени не было, — поспешно прибавил он, — ты же понимаешь, пятеро детей…

— Давай, ешь пирожки, — стоял на своём Гарри, которому раньше было попросту нечем, — и тем более, не с кем делиться. Так что сейчас, на пару с Роном уплетая пирожки, кексы и прочие вкусности (бутерброды были благополучно забыты), он испытывал очень приятное чувство.

— Что это? — спросил Гарри у Рона, взяв в руки упаковку шоколадных лягушек. — Это же не *настоящие* лягушки, да?

На самом деле, Гарри начинало казаться, что его уже ничем не удивишь.

— Нет, — усмехнулся Рон. — Посмотри, что там за вкладыш — у меня Агриппы не хватает…

— Что?

— А-а, точно, ты ж не знаешь, — там внутри коллекционные карточки, серия «*Знаменитые чародеи и колдуньи*». У меня их где-то пятьсот, только вот Агриппы и Птолемея никак не попадается.

Гарри развернул «лягушку» и вытащил карточку. На ней был изображён пожилой мужчина в полукруглых очках, с длинным крючковатым носом и волнистыми серебристыми волосами, бородой и усами. Подпись в низу карточки гласила: «*Альбус Дамблдор*».

— Так *вот* какой он, Дамблдор! — воскликнул

Гарри.

— Только не говори, что никогда не слышал о Дамблдоре! — запротестовал Рон. — Можно, я возьму «лягушку»? Вдруг Агриппа попадётся… спасибо…

На оборотной стороне карточки Гарри прочёл:

АЛЬБУС ДАМБЛДОР

в натоящее время — директор школы «Хогвартс»

Признанный величайшим чародеем нашего времени, Дамблдор знаменит, в частности, победой над тёмным колдуном Гриндельвальдом в 1945 году, открытием двенадцати способов применения крови дракона, а также совместными с Николасом Фламелем трудами в области алхимии. Профессор Дамблдор увлекается камерной музыкой и игрой в кегли.

Гарри повернул карточку лицевой стороной и, к своему изумлению, увидел, что Дамблдор исчез.

— Он куда-то делся!

— Ну, он же не может торчать здесь целый

день, — заметил Рон. — Он вернётся. Нет, мне снова попалась Моргана — у меня таких уже пять или шесть… может, возьмёшь и тоже начнёшь собирать коллекцию?

Взгляд Рона задержался на груде пока что нетронутых шоколадных лягушек.

— Угощайся, — радушно предложил Гарри. — Кстати, ты знаешь, у маггл ов люди с фотографий никогда не уходят.

— Серьёзно? Что, они вообще не двигаются? — поразился Рон. — *Да ладно*!

Гарри наблюдал, как Дамблдор бочком проскользнул обратно на карточку и еле заметно улыбнулся ему. Рона гораздо больше занимали шоколадные лягушки, чем карточки со знаменитыми чародеями и колдуньями, а вот Гарри не мог оторвать от последних глаз. Вскоре, помимо Дамблдора и Морганы, в его коллекции оказались Хенгист Вудкрафт, Альберик Граннион, Цирцея, Парацельс и Мерлин. Наконец он отложил в сторону карточку с друидой Клиодной, неспешно почёсывающей нос, и открыл пакетик с мармеладками «Берти Ботт» на любой вкус.

— Ты с этим поаккуратнее, — предупредил Рон. — Они действительно могут быть *любого* вкуса, — понимаешь, есть вполне нормальные,

ну там, шоколадные, мятные, лимонные или апельсиновые, — но иногда попадаются и орешки со вкусом шпината, печёнки, требухи… Джордж клянётся, что однажды наткнулся на орешек со вкусом соплей.

Рон взял зелёную конфетку, придирчиво осмотрел и осторожно откусил кусочек.

— Беее… вот видишь? Спаржа.

Они неплохо повеселились, поедая эти орешки. Гарри попался вкус жареных бобов и хлеба, кокоса, клубники, карри, травы, кофе, сардин, — под конец он бесстрашно откусил кусочек серой конфетки, которую Рон брать отказался, — выяснилось, что она была со вкусом перца.

Вид за окном всё меньше напоминал сельскую местность. Опрятные поля остались позади, сменившись лесами, извилистыми реками и тёмно-зелёными холмами.

В дверь постучали, и на пороге показался круглолицый мальчик, которого Гарри уже видел на платформе. Казалось, он вот-вот расплачется.

— Извините, — всхлипнул он, — вы тут, случайно, не видели жабу?

Гарри и Рон покачали головами.

— Я потерял его! — запричитал мальчик. — Он постоянно убегает!

— Он найдётся, — пообещал Гарри.

— Да, — несчастным голосом согласился мальчик. — Ну, если вы его увидите…

С этими словами он ушёл.

— Не пойму, чего он так распереживался, — удивился Рон. — Я бы на его месте жабу потерял как можно быстрее. Впрочем, я и сам везу Корыстика, так что кто бы говорил.

Крыса по-прежнему посапывала на коленях у Рона.

— Может, он спит, а может, умер, — разницы не чувствуется, — с отвращением бросил Рон. — Я вчера пытался перекрасить его в жёлтый цвет, чтобы он выглядел поинтереснее, но у меня ничего не вышло. Вот, смотри…

Он пошарил в сундуке и вытащил довольно потрёпанную палочку. Кое-где виднелись зазубрины, а на конце поблёскивало что-то белое.

— Единорожий волос почти весь вылез. Ну да ладно…

Он поднял палочку, но тут дверь купе снова открылась. На пороге стоял всё тот же мальчик, потерявший жабу, но теперь с какой-то девочкой. Та уже переоделась в хогвартскую мантию.

— Никто не видел жабу? А то Невилл потерял, — она говорила властным тоном, у неё были

густые каштановые волосы и чересчур крупные передние зубы.

— Мы ведь уже говорили, что не видели, — раздражённо ответил Рон, но девочка не слушала, — она смотрела на палочку в его руке.

— О, ты колдуешь? Ну, давайте посмотрим.

Она села. Рон был заметно обескуражен.

— Ну… хорошо.

Он прокашлялся.

> *— Маргаритки, одуванчик, солнца свет,*
>
> *Перекрасим эту крысу в жёлтый цвет!*

Он взмахнул палочкой, но ничего не произошло. Корыстик оставался серым и продолжал спать.

— Ты уверен, что это настоящее заклинание? — осведомилась девочка. — Что-то оно не сработало, да? Я попрактиковалась с кое-какими чарами попроще, и у меня всё получилось. У меня в семье нет никого со способностями к магии, я была крайне удивлена, когда получила письмо, то есть, конечно же, приятно удивлена, ведь, как мне рассказали, это — лучшая школа ведьмовских искусств; я уже выучила все учебники наизусть, надеюсь, этого будет достаточно, — кстати, меня

зовут Гермиона Грейнджер, а вас?

Всё это она выпалила на одном дыхании.

Гарри взглянул на Рона и с облегчением понял, — тот, судя по ошалелому выражению лица, тоже не учил школьных книг наизусть.

— Я Рон Уизли, — пробормотал Рон.

— Гарри Поттер, — представился Гарри.

— Правда? — ахнула Гермиона. — Я про тебя, разумеется, всё знаю, — купила несколько книг для дополнительного чтения, — о тебе упоминают и в «*Истории современной магии*», и во «*Взлёте и падении тёмных искусств*», и в «*Величайших событиях магомира двадцатого века*».

— Серьёзно? — поразился Гарри.

— Господи, неужели ты не знал, я бы на твоём месте разузнала всё, что только могла, — заявила Гермиона. — Вы уже знаете, в какой дом попадёте? Я расспросила кое-кого, и надеюсь, меня распределят в Гриффиндор, похоже, это — наилучший вариант, я слышала, там учился сам Дамблдор; впрочем, думаю, попасть в Рейвенкло тоже *было бы* неплохо… В любом случае, сейчас нужно поискать жабу Невилла, — а вам двоим не помешало бы переодеться, думаю, мы скоро будем на месте.

Она удалилась; потерявший-жабу-мальчик

поспешил за ней.

— Не знаю, в каком доме окажусь, но лишь бы не вместе с ней, — проворчал Рон, швырнув палочку обратно в сундук. — Идиотское заклинание, — меня ему Джордж учил; ведь он точно знал, что это просто тарабарщина.

— А в каком доме твои братья? — поинтересовался Гарри.

— Гриффиндор, — ответил Рон, опять помрачнев. — Мама с папой тоже там учились. Не знаю, что они скажут, если попаду в другой дом. Хотя, думаю, Рейвенкло не так уж плох; но вот если меня отправят в Слизерин…

— Это тот дом, где учился Вол… Сам-Знаешь-Кто?

— Ага, — вздохнул Рон, с расстроенным видом плюхнувшись на сиденье.

— Знаешь, а мне кажется, кончики усов у Корыстика чуть-чуть посветлели, — Гарри попытался отвлечь Рона от мыслей о домах. — Кстати, а кем сейчас работают твои старшие братья, которые уже закончили школу?

Гарри было жутко интересно, чем вообще занимаются чародеи, окончив Хогвартс.

— Чарли — в Румынии, изучает драконов, а Билл — в Африке, по каким-то делам «Гринготт-

са», — перечислил Рон. — Слышал о «Гринготтсе»? Это было в газете «*Ежедневный пророк*», но магглы явно её не выписывают… кто-то пытался ограбить сейф повышенной секретности.

Гарри вытаращился на него:

— Серьёзно? А что с ними произошло?

— Ничего, потому и вышла такая история. Их не удалось задержать. Папа говорит, что только могущественный тёмный колдун мог обвести гоблинов вокруг пальца, но грабители ничего не забрали, вот что странно. Естественно, все начинают паниковать, когда случается что-то такое, — вдруг за этим стоит Сам-Знаешь-Кто.

Гарри попытался переварить эту новость. Теперь ему становилось неуютно при любом упоминании о Волдеморте. Возможно, так и должно было быть при знакомстве с магомиром, но всё же куда проще было спокойно называть Волдеморта по имени.

— А в квиддиче за какую команду болеешь? — сменил тему Рон.

— Э-э… а я ни одной не знаю, — признался Гарри.

— Да ну! — Рон был просто ошарашен. — Ты погоди, это же лучшая игра на свете…

И он пустился в пространные объяснения о

четырёх мячах, позициях семерых игроков; рассказы о знаменитых матчах, на которых ему с братьями удалось побывать, и метле, которую он бы приобрёл, будь у него деньги. Он как раз расписывал Гарри наиболее интересные моменты одного из матчей, как дверь купе вновь открылась, но в этот раз на пороге стоял не потерявший-жабу-мальчик, и не Гермиона Грейнджер.

Вошли трое ребят; того, что стоял между двух других, Гарри узнал моментально: тот самый бледный мальчишка из магазина мадам Малкин. Сейчас он смотрел на Гарри с куда большим интересом, чем тогда, на Диагон-аллее.

— Это правда? — поинтересовался он. — Весь поезд без умолку трещит, что в этом купе едет Гарри Поттер. Так значит, это ты?

— Да, — ответил Гарри, окинув взглядом двух других мальчишек. Оба были коренастыми и вид имели крайне злобный. Стоя с обеих сторон от бледного мальчишки, они напоминали телохранителей.

— А-а, это Крэбб, а это — Гойл, — небрежно представил мальчишка своих приятелей. — А я Малфой, Драко Малфой.

Рон негромко кашлянул, явно пытаясь скрыть

таким образом смешок. Малфой перевёл взгляд на него.

— Моё имя тебе кажется смешным, не так ли? А мне нет необходимости спрашивать твоё. Отец говорил, что у Уизли рыжие волосы, веснушки и куда больше детей, чем они могут себе позволить.

Он повернулся к Гарри.

— Ты скоро поймёшь, что одни колдовские семьи куда приличнее других. Ты же не станешь водить дружбу с недостойными людьми. Я могу помочь тебе разобраться в этом.

Он протянул Гарри руку, но тот её не принял.

— Спасибо, но, я уж сам решу, которые люди недостойные, — холодно заметил Гарри.

Драко Малфой не покраснел, но на его щеках всё же появился розоватый отсвет.

— На твоём месте я был бы осторожнее, Поттер, — медленно произнёс он. — Если не будешь вежливее, пойдёшь по тому же пути, что и родители. Они тоже не понимали, что для них лучше. То, что ты якшаешься со всяким отребьем вроде Уизли и этого Хагрида, ничем хорошим для тебя не обернётся.

Гарри и Рон дружно поднялись на ноги.

— А ну, повтори, — потребовал Рон, — лицо его

приняло тот же оттенок, что и волосы.

— О, вы собираетесь нас побить, не так ли? — издевательски усмехнулся Малфой.

— Если не уберётесь отсюда, — уверенно сказал Гарри, хотя на самом деле чувствовал себя далеко не так храбро, — и Крэбб, и Гойл были куда крупнее их с Роном.

— А нам как-то не хочется уходить, правда, ребята? К тому же, мы проголодались, а у вас тут, похоже, ещё осталась еда.

Гойл потянулся к шоколадной лягушке; Рон рванулся навстречу, но, прежде чем он успел что-нибудь сделать, Гойл издал ужасающий вопль.

Корыстик висел у него на пальце, глубоко впившись острыми зубками в сустав; Крэбб и Малфой отпрянули, а Гойл, завывая, размахивал пальцем, пытаясь стряхнуть крысу; наконец Корыстик отлетел в сторону и ударился об оконное стекло; все трое моментально испарились. Может быть, подумали, что среди конфет прячутся и другие крысы, а может, услышали шаги, — буквально секундой позже в купе вошла Гермиона Грейнджер.

— Что здесь *произошло*? — вопросила она, переводя взгляд с рассыпанных по полу сладостей на Рона, державшего крысу за хвост.

— Кажется, он потерял сознание, — констатировал Рон, обращаясь к Гарри. — Нет… не могу поверить… он снова уснул.

Так и было.

— Ты раньше встречался с Малфоем? — спросил Рон.

Гарри рассказал ему об их разговоре на Диагон-аллее.

— Я слышал об их семье, — помрачнел Рон. — Они чуть ли не первыми вернулись на нашу сторону после падения Сам-Знаешь-Кого. Твердили, что их околдовали. Но папа в это не верит. Он считает, что отцу Малфоя не нужно было и повода, чтобы переметнуться на Тёмную сторону.

Он повернулся к Гермионе.

— Тебе что-нибудь нужно?

— На вашем месте я бы поскорее переоделась, я только что говорила с машинистом, — по его словам, мы уже совсем близко. Вы здесь, случайно, не дрались? А то попадёте в историю ещё до прибытия в школу.

— Это Корыстик, а не мы, — Рон бросил на Гермиону сердитый взгляд. — Может, ты всё-таки выйдешь и дашь нам переодеться?

— Сейчас, вообще-то я сюда заглянула только потому, что ребята в коридоре ведут себя, как ма-

ленькие дети, — носятся туда-сюда, — обиженно пояснила Гермиона. — Кстати, у тебя грязь на носу, ты в курсе?

Рон проводил её свирепым взглядом. Гарри выглянул в окно. Сгущались сумерки. Вдали, под тёмно-лиловым небом, показались горы и леса. Поезд начал замедлять ход.

Они с Роном скинули куртки и натянули длинные чёрные мантии. Рону мантия была явно коротковата: из-под неё виднелись кроссовки.

По поезду гулко прокатилось объявление:

— Мы прибудем в Хогвартс через пять минут. Пожалуйста, оставьте свой багаж здесь, его доставят в школу позже.

От волнения у Гарри желудок свело судорогой; Рон тоже побледнел, хотя из-за веснушек это было не так заметно. Они распихали остатки сладостей по карманам и присоединились к остальным ребятам, столпившимся в коридоре.

Поезд неуклонно замедлял ход и, наконец, остановился. Ребята протискивались к двери и один за другим выходили на крошечную, тёмную платформу. Гарри весь дрожал от ночного холода. Затем он увидел в воздухе фонарь, приближавшийся к ним, раскачиваясь из стороны в сторону; послышался знакомый голос:

— Пер'курсники! Пер'курсники, сюда! Как жизнь, Гарри?

Над морем голов возвышался сияющий Хагрид.

— Давайте, все за мной. Ещё пер'курсники остались? Тада потопали.

Оскальзываясь и спотыкаясь, ребята следовали за Хагридом по узкой, круто уходящей вниз тропинке. По обеим сторонам тропинки царила кромешная тьма, — Гарри подумал, что там, должно быть, сразу начинается глухой лес. Они практически не разговаривали. Невилл, так и не нашедший жабу, пару раз шмыгнул носом.

— С'час увидите Хогвартс, — возвестил Хагрид, оглянувшись через плечо, — прям за поворотом.

Раздалось громкое «О-о-о!»

Узкая тропинка неожиданно вывела их к берегу огромного чёрного озера. На другом его берегу на скале возвышался громадный замок со множеством башен всевозможных размеров, — ярко освещённые окна сверкали на фоне звёздного неба.

— Не больше четверых в лодку! — объявил Хагрид, указывая на флотилию небольших лодчонок, выстроившихся около берега. Гарри и Рон забрались в одну лодку с Гермионой и Не-

виллом.

— Все сели? — прокричал Хагрид, единолично заняв одну из лодок. — Тада — ВПЕРЁД!

Флотилия заскользила по зеркальной глади озера. Все молчали, не сводя восхищённых взглядов с замка. По мере того, как они приближались к нему, он казался всё огромнее.

— Пригнитесь! — проорал Хагрид, когда первые лодки подплыли к утёсу; они пригнули головы, и лодки пронесли их сквозь завесу плюща, за которой скрывалась широкая расщелина в утёсе. Они плыли по тёмному тоннелю, пролегавшему, похоже, прямо под замком, и, достигнув подземного причала, выбрались на каменистый берег, усыпанный галькой.

— Эй, мальчик! — окликнул Невилла Хагрид, проверявший пустые лодки. — Твоя жаба?

— Тревор! — радостно завопил Невилл, подставляя ладони.

Затем они, поднявшись наверх по тоннелю, освещаемому фонарём Хагрида, наконец, вышли на влажный, ровный газон прямо перед замком.

Они преодолели пролёт каменных ступеней и остановились перед высокими дубовыми дверьми.

— Все здесь? Жаба на месте?

Хагрид поднял огромный кулак и трижды ударил в дверь.

Глава седьмая
СОРТИРОВОЧНАЯ ШЛЯПА

Дверь мгновенно распахнулась. На пороге стояла высокая темноволосая волшебница, облачённая в изумрудно-зелёную мантию. При одном взгляде на её суровое лицо Гарри решил: с ней лучше не пререкаться.

— Пер'курсники, профессор Макгонаголл, — отчитался Хагрид.

— Спасибо, Хагрид. Я их провожу.

Она открыла дверь пошире. Вестибюль был таким просторным, что в нём с лёгкостью уместился бы весь дом Дёрсли. На каменных стенах плясали отсветы от горящих факелов, таких же, как в «Гринготтсе»; стены были так высоки, что едва можно было различить потолок; наверх вела величественная мраморная лестница.

Следуя за профессором Макгонаголл, они пересекли холл, вымощенный каменными плитами. Слышен был гул сотен голосов, доносящийся из-за дверей справа, — похоже, все остальные уже собрались там, — но профессор Макгонаголл вывела первокурсников из Вестибюля в небольшую

пустую комнату. Они столпились там, держась друг к другу намного ближе, чем сделали бы в привычной обстановке, и нервно озирались по сторонам.

— Добро пожаловать в Хогвартс, — поприветствовала их профессор Макгонаголл. — Скоро начнётся банкет в честь начала нового учебного года, но, прежде чем занять свои места в Большом Зале, вы будете рассортированы по разным домам. Сортировочная церемония очень важна: пока вы находитесь в стенах школы, Дом, по сути, является для вас второй семьёй. Вам предстоит заниматься вместе со своими однокурсниками, спать и проводить свободное время в общих спальнях и гостиных ваших домов.

В Хогвартсе четыре дома: Гриффиндор, Хуфльпуф, Рейвенкло и Слизерин. У каждого из них крайне богатая история, и в каждом в своё время учились выдающиеся чародеи и колдуньи. В Хогвартсе за ваши достижения дом будет поощряться баллами; любое нарушение правил карается снятием баллов. В конце учебного года дом, набравший наибольшее количество баллов, награждается почётным Кубком Школы. Искренне надеюсь, что каждый из вас станет надёжным подспорьем своего будущего дома.

Сортировочная церемония начнётся через несколько минут, в присутствии всех остальных учеников и преподавателей. Рекомендую вам пока что привести себя в порядок.

Её взгляд на мгновение задержался на плаще Невилла, застёгнутом под левым ухом, и на грязном носу Рона. Гарри судорожно попытался пригладить волосы.

— Я вернусь, когда все будут готовы встретить вас, — сообщила профессор Макгонаголл. — Убедительная просьба не шуметь.

Она вышла из комнаты. Гарри сглотнул.

— А как именно нас будут сортировать по домам? — обратился он к Рону.

— Наверное, придётся пройти какое-то испытание. Фред говорил, это ужасно больно, но, думаю, он просто пытался пошутить.

У Гарри душа ушла в пятки. Испытание? На виду у всей школы? Но он же не имел ни малейшего понятия о магии, — и что же ему теперь делать? Он никак не ждал, что их станут проверять, едва они приедут в школу. Он с тревогой огляделся, — остальные тоже были в ужасе. Практически все молчали, за исключением Гермионы Грейнджер, — та шёпотом тараторила, сколько заклинаний она уже выучила, и гадала, кото-

рое из них ей понадобится. Гарри изо всех сил старался её не слушать. Он ещё никогда так не нервничал, никогда, даже когда ему пришлось нести Дёрсли записку из школы, — а в ней говорилось, что он каким-то образом перекрасил парик учительницы в синий цвет. В любой момент профессор Макгонаголл могла вернуться и повести его на позор.

Внезапно произошло нечто, от чего он подскочил чуть ли не на целый фут, а ребята, стоявшие позади него, завопили.

— Что за…

Он, как и все остальные, чуть не задохнулся от потрясения. Десятка два привидений только что просочились в комнату сквозь заднюю стену. Жемчужно-белые, полупрозрачные, они плыли по комнате, беседуя и не обращая никакого внимания на первокурсников. Похоже, они о чём-то спорили. Приземистый, тучный монах говорил:

— Как говорится, забудем и простим, нам следует дать ему ещё один шанс…

— Мой дорогой Монах, разве мы не дали Брюзгу ровно столько шансов, сколько он заслужил? Он позорит всех нас, да он, по сути, вообще не является привидением… а вы что здесь делаете?

Призрак в камзоле с пышным воротником

неожиданно заметил ребят.

Никто не ответил.

— Да это же первокурсники! — улыбнулся им Толстый Монах. — Ждёте сортировки, верно?

Несколько человек молча кивнули.

— Надеюсь увидеть вас в Хуфльпуфе! — пожелал Монах. — Я и сам там когда-то учился.

— Не задерживайтесь, — произнёс резкий голос. — Церемония сортировки начнётся с минуты на минуту.

Профессор Макгонаголл вернулась. Призраки один за другим выплыли из комнаты сквозь противоположную стену.

— Так, теперь постройтесь, пожалуйста, в линию, — велела первокурсникам профессор Макгонаголл, — и следуйте за мной.

Чувствуя, как ноги наливаются свинцом, Гарри встал в линию перед Роном, за мальчиком с волосами песочного цвета; они поплелись прочь из комнаты, пересекли Вестибюль и через двойные двери прошли в Большой Зал.

Гарри и представить себе не мог такого удивительного и потрясающе красивого места. Зал освещали тысячи и тысячи свечей, парящих в воздухе над четырьмя длинными столами, за которыми уже сидели остальные ученики. Сто-

лы были уставлены сверкающими золотыми тарелками и кубками. Около дальней стены стоял такой же стол, за которым располагались учителя. Профессор Макгонаголл провела их туда, и они оказались лицом к другим ученикам, спиной к преподавательскому столу. К ним были обращены сотни лиц, в дрожащем свете свечей напоминающих бледные фонари. Среди учеников мелькали серебристые силуэты призраков. Гарри посмотрел вверх, — главным образом для того, чтобы избежать устремлённых на него взглядов; потолок был бархатисто-чёрным, усыпанным звёздами. Слышно было, как Гермиона шепчет:

— Он так заколдован, чтобы выглядеть в точности как настоящее небо. Я читала об этом в книге «*Хогвартс: История*».

Трудно было поверить, что здесь вообще есть потолок, и Большой Зал не располагается прямо под открытым небом.

Гарри быстро перевёл взгляд на профессора Макгонаголл, — та молча поставила перед новичками четырёхногий табурет. На табурет она водрузила колдовскую островерхую шляпу: залатанную, потрёпанную и ужасно грязную. Тётя Петуния в жизни не позволила бы держать такую в доме.

«Может, надо достать из неё кролика», подумал Гарри, уже на грани паники. Заметив, что все в зале пристально смотрят на шляпу, он тоже уставился на неё. На несколько секунд воцарилась полная тишина. Затем шляпа шевельнулась. У кромки появилось отверстие наподобие рта, и шляпа запела:

— Не спорю, некрасива я,
Но вид обманчив мой —
Умнее шляпы в мире нет,
Ручаюсь головой.
Пусть новомодны котелки,
Цилиндры — без заплат,
Но всё же не сравниться им
С разумнейшей из шляп.
Я по достоинствам твоим
И помыслам сужу,
Примерь меня; и в тот же миг
Я путь твой предскажу.
И если дом твой — Гриффиндор,
Ты мужествен и смел,
Коль благородным рыцарством
Снискать почёт сумел.

Раз прямодушен, верен ты,
То в Хуфльпуф тебе —
Как на подбор, там все честны,
Настойчивы в труде.
А древний мудрый Рейвенкло
Пытливый разум чтёт,
Там знаний алчущий всегда
Пристанище найдёт.
Иль станешь в Слизерине ты,
Быть может, «в доску свой» —
Там жаждут цели хитрецы
Достичь любой ценой.
Смелей же, надевай меня!
Бояться — ни к чему;
Безрука я, зато умна —
Тебя не подведу.

Шляпа умолкла, и зал взорвался аплодисментами. Она поклонилась каждому из четырёх столов и вновь замерла.

— Так нам нужно будет всего лишь примерить эту шляпу! — прошептал Рон Гарри. — Я убью Фреда, он-то мне заливал, что нам придётся бороться с троллем.

Гарри вяло улыбнулся. Да, примерять шляпу было куда проще, чем колдовать; но ему всё равно было неуютно оттого, что все будут на них смотреть. К тому же, ему казалось, что Шляпа требует слишком многого, — сейчас он не чувствовал себя ни храбрым, ни особенно сообразительным, ни что там ещё. Вот упомяни Шляпа дом для тех, кого от волнения мутило — это бы ему как раз подошло.

Профессор Макгонаголл выступила вперёд с длинным свитком пергамента.

— Я называю ваше имя, вы садитесь на табурет и надеваете Шляпу, — пояснила она. — Аббот, Ханна!

Розовощёкая девочка с белокурыми хвостиками опасливо вышла из шеренги, надела Шляпу, которая сразу же съехала ей на глаза, и села. Короткая пауза, и…

— ХУФЛЬПУФ! — возвестила Шляпа.

За крайним справа столом раздались одобрительные крики и аплодисменты; Ханна направилась туда. Гарри заметил, как Толстый Монах радостно машет ей.

— Боунз, Сьюзен!

— ХУФЛЬПУФ! — вновь провозгласила Шляпа; Сьюзен поспешила к своему столу и устроилась

рядом с Ханной.

— Бут, Терри!

— РЕЙВЕНКЛО!

Теперь зааплодировали за вторым столом слева; кое-кто поднялся с места, чтобы пожать Терри руку.

«Бруклхёрст, Мэнди» тоже отправилась за стол «Рейвенкло», но «Браун, Лаванда» первой оказалась в «Гриффиндоре», и крайний слева стол разразился приветственными криками; Гарри видел, как свистят братья-близнецы Рона.

«Булстроуд, Милисенту» определили в «Слизерин». Возможно, у Гарри разыгралось воображение после всего, что он услышал об этом доме, но слизеринцы казались ему неприятными людьми. Ему было уже по-настоящему плохо. Он вспомнил, как на уроках физкультуры в старой школе их распределяли по командам. Гарри всегда выбирали последним, — не потому, что плохо играл, — просто все хотели угодить ненавидевшему его Дадли.

— Финч-Флечли, Джастин!

— ХУФЛЬПУФ!

Гарри заметил, что иногда Шляпа сразу же выкрикивала название дома; но с некоторыми ребятами ей приходилось поразмышлять. Так,

Шеймас Финниган, мальчик с шевелюрой песочного цвета, стоявший в шеренге рядом с Гарри, просидел на табурете почти что целую минуту, прежде чем Шляпа наконец отправила его в Гриффиндор.

— Грейнджер, Гермиона!

Гермиона чуть ли не бегом ринулась к табурету и нетерпеливо нахлобучила Шляпу.

— ГРИФФИНДОР! — объявила Шляпа. Рон застонал.

Внезапно Гарри, словно током, ударило мыслью (как обычно и бывает, когда сильно нервничаешь): что, если его вообще не определят ни в один из домов? Что, если он целую вечность просидит на этом табурете со съехавшей на глаза Шляпой, пока профессор Макгонаголл не сорвёт её с его головы и не скажет, что, должно быть, здесь какая-то ошибка, и ему лучше вернуться в поезд?

Направляясь к табурету, Невилл Лонботтом, потерявший-жабу-мальчик, споткнулся и чуть не упал. Шляпе пришлось основательно поразмыслить. Когда же она наконец выкрикнула: «ГРИФФИНДОР!», Невилл, не сняв её, так и побежал к своему столу; под взрывы хохота ему пришлось вернуться и передать Шляпу «МакДугал, Морак».

Малфой с важным видом выступил вперёд, когда прозвучало его имя, и его желание моментально осуществилось: едва коснувшись головы Малфоя, Шляпа завопила:

— СЛИЗЕРИН!

Малфой, явно довольный собой, присоединился к своим приятелям — Крэббу и Гойлу.

Оставалось не так уж много ребят, ожидающих сортировки. «Мун»… «Нотт»… «Паркинсон»… потом пара девочек-близнецов — «Патил» и «Патил»… «Перкс, Салли-Энн»… и, наконец…

— Поттер, Гарри!

Гарри выступил вперед, и по всему залу внезапно зазвучал шёпот, словно тихое шипение пламени:

— Она сказала, Поттер?

— *Тот самый* Гарри Поттер?

Последним, что увидел Гарри, перед тем, как Шляпа сползла ему на глаза, было множество ребят, — они вытягивали шеи, пытаясь разглядеть его получше. В следующий миг его взгляд уже упирался в чёрную изнанку Шляпы. Он ждал.

— Хмм, — произнёс ему в ухо тихий голос. — Трудно. Очень трудно. Вижу, колоссальная отвага. К тому же, неплохой ум. Есть талант, ах, ну и конечно — жажда проявить себя… любопытно…

Так куда же мне тебя определить?

Гарри вцепился в края табурета и подумал: «Только не в Слизерин, не в Слизерин».

— Не в Слизерин, да? — переспросил голос. — Ты уверен? Знаешь, ты можешь стать великим, у тебя есть все задатки, а Слизерин поможет тебе в этом, без сомнения… нет? Ну, если ты уверен… тогда, пожалуй, ГРИФФИНДОР!

Последнее слово шляпа выкрикнула на весь зал. Гарри снял шляпу и на ватных ногах побрёл к столу Гриффиндора. Он испытывал такое облегчение оттого, что его всё же выбрали, и притом не отправили в Слизерин, что практически не замечал, что аплодировали ему громче всех. Перси-префект поднялся и энергично пожал ему руку, а близнецы Уизли вопили: «С нами Поттер! С нами Поттер!» Гарри сел напротив привидения в трико, которого видел совсем недавно. Призрак похлопал его по руке, — ощущение было странным, довольно неприятным, — как если бы кисть окунули в ведро с ледяной водой.

Теперь ему был хорошо виден Главный Стол. С краю, ближе к Гарри, сидел Хагрид, — он уловил его взгляд и поднял вверх большие пальцы. Гарри улыбнулся в ответ. А в самом центре Главного Стола, в большом золочёном кресле, сидел Аль-

бус Дамблдор. Гарри мигом узнал его, благодаря карточке из шоколадной лягушки. Серебристая шевелюра Дамблдора единственная во всём Зале сияла так же ярко, как и силуэты привидений. Гарри заметил и профессора Квиррелла, нервного молодого человека из «Дырявого котла». В фиолетовом тюрбане он выглядел довольно-таки экстравагантно.

Всего четверых ребят до сих пор не распределили. «Томас, Дин», темнокожий мальчик, ростом ещё выше Рона, присоединился к Гарри за гриффиндорским столом. «Тёрпин, Лиза» оказалась в Рейвенкло, и пришла очередь Рона. Лицо его было нежно-салатового оттенка. Гарри на удачу скрестил пальцы под столом, и в следующий миг шляпа провозгласила:

— ГРИФФИНДОР!

Гарри громко аплодировал вместе с остальными, пока Рон не плюхнулся рядом с ним.

— Отлично, Рон, превосходно, — изрёк Перси, глядя на Рона поверх головы Гарри; в это время «Забини, Блейз» направился к столу Слизерина. Профессор Макгонаголл свернула свиток и убрала Сортировочную Шляпу.

Гарри глянул в свою пока что пустую золотую тарелку. Только сейчас он понял, как сильно

проголодался. Тыквенные пирожки, казалось, остались в далёком прошлом.

Альбус Дамблдор поднялся на ноги. Он смотрел на учеников, сияя и приветственно раскрыв объятия, словно для него не было большей радости, чем видеть их всех здесь.

— Добро пожаловать, — промолвил он. — Добро пожаловать в Хогвартс! Прежде чем начнётся наш пир, я бы хотел сказать несколько слов. Олух! Плакса! Остаток! Уловка! Большое спасибо!

Он сел. Все зааплодировали и одобрительно закричали. А Гарри не знал, смеяться или нет.

— Он… он немного того? — неуверенно спросил он у Перси.

— Того? — беззаботно переспросил Перси. — Он гений! Величайший чародей в мире! Но чуточку чокнутый, ты прав. Картошки, Гарри?

У Гарри отвисла челюсть. Столы ломились от яств. Он никогда не видел столько своих любимых блюд сразу: ростбиф, жареные цыплята, свиные и бараньи отбивные, сосиски, бекон, стейк, жареная и вареная картошка, жаркое, йоркширский пудинг, горох, морковь, подлива, кетчуп и — непонятно почему — мятные леденцы.

Дёрсли никогда не морили Гарри голодом, но и не давали ему съесть столько, сколько ему хоте-

лось. А Дадли всегда забирал себе то, что любил Гарри, — даже если его самого от этого тошнило. Гарри наполнил тарелку, положив всего понемногу, не считая леденцов, и начал есть. Всё было ужасно вкусно.

— Неплохо выглядит, — с грустью заметил призрак в трико, наблюдая, как Гарри режет стейк.

— А почему вы…

— Я не ем вот уже примерно пятьсот лет, — сообщил призрак. — Разумеется, мне это и не нужно, но, признаться, еды мне не хватает. Кстати, я ведь не представился? Сэр Николас де Мимси-Порпингтон к вашим услугам. Привидение башни Гриффиндора.

— Я знаю, кто вы! — внезапно выпалил Рон. — Братья мне о вас рассказывали, — вы Почти Безголовый Ник!

— Я бы всё же предпочёл, чтобы вы называли меня сэр Николас де Мимси… — чопорно завёл призрак, но тут его перебил Шеймас Финниган:

— *Почти* Безголовый? Как можно быть *почти* безголовым?

Сэр Николас был заметно раздражён, словно их беседа зашла совсем не туда, куда бы ему хотелось.

— Например, так, — недовольно ответил он,

потянув себя за левое ухо. Голова соскочила с шеи и откинулась на плечо, как будто была прикреплена на шарнире. Очевидно, кто-то пытался обезглавить сэра Николаса, но проделал это довольно топорно. Довольно глядя на их потрясённые лица, Почти Безголовый Ник водрузил голову на место, прокашлялся и продолжил:

— Итак — новые гриффиндорцы! Надеюсь, вы поможете нам победить в междомовом соревновании в этом году? Гриффиндор никогда так долго не оставался в проигрыше. Слизеринцам вот уже шестой год подряд достаётся Кубок! Кровавый Барон становится невыносим, — это привидение Слизерина.

Гарри бросил взгляд на стол Слизерина и заметил там жутковатого вида привидение с пустым взглядом, мрачным лицом, в одеждах, покрытых пятнами серебристой крови. Он сидел справа от Малфоя, который, как не без удовольствия отметил Гарри, был не в восторге от такого соседства.

— Почему он весь в крови? — с неподдельным интересом спросил Шеймас.

— Я никогда не спрашивал, — деликатно ответил Почти Безголовый Ник.

Когда все вволю наелись, остатки угощения исчезли с тарелок, и посуда вновь засияла пер-

возданной чистотой. В следующий миг на них появился десерт. Мороженое всевозможных вкусов, яблочные пироги, торты с патокой, шоколадные эклеры и пончики с джемом, бисквиты со взбитыми сливками, клубника, желе, рисовый пудинг…

Пока Гарри расправлялся с тортом с патокой, разговор зашёл об их семьях.

— Лично я — полукровка, — признался Шеймас. — Мой папа — маггл. Мама не рассказывала ему, что она — колдунья, до самой свадьбы. Вот был ему сюрприз.

Все рассмеялись.

— А ты, Невилл? — поинтересовался Рон.

— Ну, меня вырастила бабушка, а она колдунья, — начал Невилл, — но все мои родные сначала думали, что я самый настоящий маггл. Мой двоюродный дедушка Элджи пытался застать меня врасплох, чтобы заставить колдовать, — однажды он столкнул меня с причала в Блэкпуле, я чуть не утонул, — но ничего не получалось, пока мне не исполнилось восемь. Дедушка Элджи пришёл к нам в гости, взял меня за ноги и вывесил из окна наверху. А тут моя двоюродная бабушка Энид предложила ему меренгу, — и он меня случайно отпустил. Но я

отскочил от земли и прыгнул из сада прямо на дорогу. Все были ужасно рады, бабушка даже расплакалась от счастья. Вы бы видели их лица, когда меня приняли в Хогвартс, — они-то думали, что во мне недостаточно магии. Дедушка Элджи на радостях подарил мне жабу.

Сидевшие по другую руку от Гарри Гермиона и Перси Уизли обсуждали учёбу:

— Я надеюсь, мы начнем заниматься как можно скорее, мы столькому должны научиться, особенно меня интересует преображение, ну, знаешь, превращение предметов во что-нибудь другое, — но это, конечно, очень сложно…

— Вы начнёте с основ, будете превращать спички в иголки и тому подобное…

Согревшийся и сонный Гарри вновь взглянул на Главный Стол. Хагрид основательно отхлебнул из кубка. Профессор Макгонаголл беседовала с профессором Дамблдором. Профессор Квиррелл, в своём дурацком тюрбане, говорил с преподавателем с сальными чёрными волосами, крючковатым носом и землистым цветом лица.

Все произошло в мгновение ока. Крючконосый преподаватель взглянул поверх тюрбана Квиррелла прямо в глаза Гарри, — и шрам на лбу пронзило острой, горячей болью.

— Уй! — Гарри прижал ладонь ко лбу.

— Что случилось? — встревожился Перси.

— Н-ничего.

Боль прошла так же неожиданно, как и началась. Сложнее было избавиться от ощущения, возникшего после взгляда учителя, — чувствовалось, что Гарри ему был глубоко неприятен.

— А что за учитель разговаривает с профессором Квирреллом? — спросил он у Перси.

— А, так ты уже знаешь Квиррелла? Неудивительно, что он так нервничает, — это же профессор Снейп. Преподаёт зелья, но всем известно, что он мечтает о должности Квиррелла. Знает чуть ли не всё о Тёмных Искусствах.

Гарри какое-то время наблюдал за Снейпом, но тот больше не смотрел в его сторону.

Наконец десерты тоже исчезли с тарелок, и профессор Дамблдор вновь поднялся на ноги. Зал умолк.

— Гм — ещё несколько слов, поскольку теперь мы все наелись и напились. Перед началом учебного года я хочу сделать пару объявлений.

Первокурсникам не следует забывать, что лес на территории школы является запретной зоной для всех учащихся. Некоторым старшим ученикам тоже не мешало бы это запомнить.

Лучистые глаза Дамблдора сверкнули в направлении близнецов Уизли.

— Также наш смотритель, мистер Филч, просил напомнить вам, что в коридорах, в перерывах между занятиями, запрещается использовать магию.

Отбор в команды по квиддичу состоится на второй неделе семестра. Все желающие играть за свой дом могут обратиться к мадам Фьюч.

И наконец, я должен предупредить, что в этом году вход в правый коридор на третьем этаже нежелателен для всех, кто не хочет умереть крайне мучительной смертью.

Гарри рассмеялся, но число таких же весельчаков оказалось в меньшинстве.

— Он ведь шутит? — пробормотал он, обращаясь к Перси.

— Да похоже, что нет, — ответил Перси, сдвинув брови и пристально глядя на Дамблдора. Странно вообще-то, обычно он объясняет, почему нам запрещено куда-то ходить, — в лесу, например, полно опасных тварей, это всем известно. Уж нам, префектам, мог бы и сказать.

— А сейчас, прежде чем отправиться в постель, давайте споём школьный гимн! — воскликнул Дамблдор. Гарри заметил, что на лицах учителей

застыли какие-то странные улыбки.

Дамблдор легонько тряхнул палочкой, словно прогонял с неё муху, и из палочки вылетела длинная золотая лента; она повисла высоко в воздухе над столами и, извиваясь, словно змея, сложилась в слова.

— Каждый поёт на свой любимый мотив, — объявил Дамблдор. — И — поехали!

И вся школа затянула:

— Хогвартс, Хогвартс, Хогги-Варти-Хогвартс,
Знаний дай ты нам,
Юным сорванцам, а также
Дряхлым старикам,
Нам бы головы в порядок
Привести уже пора;
Пусто в них день сотый кряду,
Только мусора гора.
Обучай нас тем наукам,
Что полезны нам в житье,
И зубрить, не зная скуки,
Обещаем мы тебе.

Все закончили петь в разное время. В конце

концов, остались лишь близнецы Уизли, растягивающие слова на манер очень медленного похоронного марша. Дамблдор до последнего дирижировал им волшебной палочкой, а когда они умолкли, аплодировал громче всех.

— Ах, музыка, — негромко произнёс он, утирая глаза. — Магия, затмевающая всё, что мы здесь делаем! Ну что ж, а теперь пора спать. Бегом — марш!

Гриффиндорцы-первокурсники последовали за Перси; протиснувшись мимо оживлённо болтающих студентов, они вышли из Большого Зала и поднялись по мраморной лестнице. Ноги у Гарри просто отваливались, но теперь уже потому, что он наелся до отвала и сильно устал. Он до того хотел спать, что почти не удивлялся тому, что люди на портретах, висящих в коридорах, перешёптывались и показывали на них пальцами; или тому, что Перси дважды провёл их через двери, скрытые отодвигающимися панелями и гобеленом. Они преодолели ещё несколько лестниц, зевая и еле волоча ноги; Гарри как раз начал гадать, долго ли им ещё идти, когда остальные внезапно остановились.

В воздухе висели костыли, и, стоило Перси шагнуть вперёд, они начали кидаться на него.

— Брюзг, — шёпотом объяснил Перси. — Полтергейст. Брюзг, покажись! — повысил он голос.

В ответ послышался оглушительный звук, в лучшем случае похожий то, как из воздушного шара выходит воздух.

— Мне пойти к Кровавому Барону?

Раздался хлопок, и перед ними появился человечек со злобными тёмными глазами и широким ртом; он висел в воздухе, сложив ноги по-турецки и держа в охапке костыли.

— О-о-о! — ехидно захихикал он. — Первогодниськи! Вот потеха!

Он внезапно спикировал на них; все пригнулись.

— Уйди, Брюзг, иначе Барон об этом узнает, я не шучу! — рявкнул Перси.

Брюзг высунул язык и исчез, уронив костыли на голову Невиллу. Было слышно, как полтергейст несётся прочь, на лету барабаня по рыцарским доспехам, стоявшим в коридоре.

— Вам лучше остерегаться Брюзга, — предупредил Перси, когда они отправились дальше. — Единственный, кто может его контролировать — это Кровавый Барон, а так Брюзгу наплевать даже на нас, префектов. Ну, вот мы и пришли.

В самом конце коридора висел портрет очень

полной дамы в шёлковом розовом платье.

— Пароль? — потребовала она.

— Капут Драконис, — ответил Перси; портрет повернулся вбок, открывая круглое отверстие в стене. Они протиснулись внутрь — Невиллу понадобилась помощь — и оказались в общей гостиной Гриффиндора — уютной, круглой комнате, уставленной мягкими креслами.

Перси указал девочкам на дверь, ведущую в их спальню; мальчики вошли в другую дверь. Взобравшись по винтовой лестнице, — похоже, здесь была одна из башен, — они наконец-то обнаружили свои постели: пять кроватей на четырёх столбиках, занавешенные бордовыми бархатными шторами. Их сундуки уже принесли сюда. Слишком уставшие, чтобы разговаривать, они натянули пижамы и рухнули в кровати.

— Классно поели, да? — услышал Гарри приглушённое пологом бормотание Рона. — *Уйди*, Корыстик! Он жуёт мои простыни.

Гарри хотел спросить Рона, попробовал ли тот торт с патокой, но почти мгновенно уснул.

Гарри, должно быть, слегка переел, потому что в ту ночь ему приснился весьма странный сон. На нём был тюрбан профессора Квиррелла, говоривший с ним и твердивший, что Гарри должен

немедленно перевестись в Слизерин, поскольку так ему предначертано судьбой. Гарри заявил тюрбану, что ни за что не перейдёт в Слизерин; тюрбан становился всё тяжелее; Гарри попытался снять его, но он больно сдавил голову; появился Малфой, насмехавшийся над безуспешными попытками Гарри снять тюрбан; потом Малфой превратился в крючконосого преподавателя, Снейпа, чей смех стал высоким и холодным; вспышка зелёного света, — и Гарри проснулся в холодном поту; его колотила дрожь.

Он перевернулся на другой бок и снова крепко уснул, — следующим утром он уже не вспомнил об этом сне.

Глава восьмая
ЗЕЛЬЕДЕЛ

— Вон он, смотри.

— Где?

— Да вон, рядом с высоким рыжим мальчишкой.

— Который в очках?

— Ты его видел в лицо?

— Как тебе шрам?

Шушуканье преследовало Гарри ещё с того момента, когда наутро он спустился в гостиную. Ребята, толпящиеся перед классами, приподнимались на мыски, чтобы получше разглядеть его; другие нарочно разворачивались и направлялись в обратную сторону, чтобы ещё раз пройти мимо него. Гарри это ужасно смущало и, к тому же, отвлекало от попыток найти нужный класс.

В Хогвартсе было сто сорок две лестницы: широкие и просторные; узкие и шаткие; попадались лестницы, которые в пятницу вели совершенно не туда, куда раньше; были и такие, где на полпути исчезала ступенька, и приходилось прыгать. Ещё обнаружились двери, которые не открыва-

лись, пока их вежливо об этом не попросишь или не пощекочешь в каком-то определённом месте; или такие, сразу за которыми оказывалась сплошная стена. К тому же, очень трудно было запомнить, что где находится, — казалось, что всё в замке постоянно перемещается с места на место. Люди, изображённые на портретах, то и дело навещали друг друга, и Гарри был уверен, что рыцарские доспехи способны передвигаться.

Призраки тоже осложняли жизнь. Неприятно всё же, когда один из них внезапно выплывает из двери, которую ты пытаешься открыть. Почти Безголовый Ник был только рад помочь заблудившимся гриффиндорцам-первокурсникам, но полтергейст Брюзг был хуже двух запертых дверей и лестницы-ловушки, вместе взятых, — не дай бог встретить его, опаздывая на урок. Он мог уронить тебе на голову корзину для бумаг, выдернуть ковёр из-под ног, забросать кусками мела или, незаметно подкравшись сзади, схватить за нос и завопить: «ПОПАЛСЯ!»

Ещё хуже Брюзга (если такое вообще возможно) был смотритель, Аргус Филч. Гарри и Рон умудрились довести его до белого каления в первое же утро. Филч застал их, когда они пытались открыть очередную дверь, — как выяснилось,

она вела в запретный коридор на третьем этаже. Смотритель упорно не желал верить, что они заблудились, и грозился запереть их в подземелье; но тут мальчишек спас проходивший мимо профессор Квиррелл.

У Филча была кошка, Миссис Норрис: тощая, с серовато-коричневой шерстью и выпученными, напоминающими фонари глазами, в точности как у Филча. Она в одиночку патрулировала коридоры. Малейшее нарушение правил, — и она мгновенно удалялась за Филчем, который, тяжело дыша, объявлялся через пару секунд. Филч знал все потайные ходы замка лучше, чем кто-либо (за вычетом разве что близнецов Уизли) и не хуже призрака мог внезапно оказаться перед тобой. Студенты как один ненавидели его, и заветным желанием многих было дать Миссис Норрис хорошего пинка.

И, когда наконец-то удавалось отыскать нужный класс, — тут-то и начинались сами занятия. Как быстро уяснил Гарри, магия состояла далеко не только в помахивании палочкой и выкрикивании странных фраз.

Каждую среду, в полночь, они изучали небо с помощью телескопов, заучивая названия звёзд и траектории движения планет. Трижды в неделю

они посещали расположенные за замком теплицы, где проходили уроки травоведения, — его преподавала приземистая полноватая профессор Саженс. Там им рассказывали, как используются различные чудные растения и грибы, и как правильно за ними ухаживать.

Самым скучным уроком, как выяснилось, была история магии — единственный предмет, который вёл призрак. Профессор Биннс был уже очень стар, когда однажды уснул перед камином в учительской; проснувшись следующим утром, он отправился на урок, а тело осталось в кресле. Биннс непрерывно бубнил, а они едва успевали записывать имена и даты, второпях путая Эмерика Злобного и Урика Странного.

Профессор Флитвик, колдун, преподававший чары, был так мал ростом, что ему приходилось вставать на стопку книг, дабы видеть учеников из-за письменного стола. В начале первого урока он решил провести перекличку и, добравшись до имени Гарри, взволнованно пискнул и свалился под стол, пропав из виду.

Профессор Макгонаголл, как и прочие учителя, обладала своеобразным характером. Гарри оказался прав, думая, что ей лучше не перечить. Строгая и мудрая, она на первом же уроке про-

изнесла довольно суровое напутствие, едва они сели:

— Преображение — одна из самых сложных и опасных отраслей магии, которые вам предстоит изучать в Хогвартсе, — говорила она. — Любой, кто попытается бездельничать на моём уроке, выйдет из класса и больше сюда не вернётся. Я вас предупредила.

После этого она превратила свой письменный стол в свинью и обратно. Все были поражены и с нетерпением ждали начала практических занятий, но вскоре поняли — до превращения мебели в животных им ещё очень далеко. Сперва им пришлось записать длинный, замысловатый конспект, а после каждому выдали по спичке и предложили превратить её в швейную иглу. К концу урока только Гермиона Грейнджер добилась каких-то результатов: профессор Макгонаголл продемонстрировала всему классу серебряную, заострённую с одного конца спичку и одарила Гермиону улыбкой — что случалось не часто.

Весь класс с волнением предвкушал начало занятий по защите от тёмных искусств, но урок Квиррелла оказался какой-то комедией. Его кабинет насквозь пропах чесноком, — это считали

предосторожностью против вампира, которого Квиррелл повстречал в Румынии, — якобы учитель до сих пор опасался его возвращения. Тюрбан, по словам профессора, ему подарил африканский принц в знак признательности за избавление от зомби, причинявшего массу неудобств; однако мало кто поверил в эту историю. Например, когда Шеймас Финниган поинтересовался, как именно Квиррелл одолел зомби, тот пошёл красными пятнами и заговорил о погоде; к тому же, от тюрбана шёл какой-то странный запах, — близнецы Уизли уверяли, что в нём учитель тоже прятал чеснок, — мол, так Квиррелл мог обезопасить себя, куда бы он ни пошёл.

Гарри с облегчением обнаружил, что не так уж сильно отстаёт от других. Многие, как и он, жили в маггловых семьях и не имели ни малейшего понятия, что были чародеями и колдуньями. К тому же, надо было столько всего зубрить, что даже у ребят вроде Рона не было большого преимущества.

Пятница стала знаменательным днём для Гарри и Рона. Им наконец-то удалось спуститься на завтрак в Большой Зал, ни разу не сбившись с пути.

— Что там сегодня? — спросил Гарри у Рона, посыпая овсянку сахаром.

— Сдвоенные зелья со слизеринцами, — доложил Рон. — Снейп — слизеринский декан. Говорят, к своим он относится гораздо лучше, чем к остальным ученикам, — вот и проверим.

— Вот бы Макгонаголл к нам так относилась, — вздохнул Гарри. Профессор Макгонаголл была деканом Гриффиндора, однако позавчера это не помешало ей задать им целую гору домашнего задания.

Прибыла почта. Гарри уже привык к этому, однако в первый после банкета день он был потрясён, когда около сотни сов внезапно спикировали в окна Большого Зала и, кружа над столами и отыскивая хозяев, начали сбрасывать им на колени письма и свёртки.

Пока что Хедвиг ничего не принесла Гарри. Иногда она прилетала, просто чтобы ласково клюнуть его в ухо и откусить кусочек его тоста, прежде чем отправиться обратно в совятню. Однако этим утром она, приземлившись на столе между вазочкой с мармеладом и сахарницей, уронила в тарелку Гарри небольшой конверт. Гарри тотчас же вскрыл его и вытащил написанную неряшливым почерком записку:

Дорогой Гарри,

Я знаю, что по пятницам после обеда у тебя нет уроков, — может, зайдёшь ко мне около трёх на чашечку чая? Хочу узнать, как прошла твоя первая неделя. Пришли ответ с Хедвиг.

Хагрид

Гарри, позаимствовав у Рона перо, нацарапал на обратной стороне записки: «*Да, конечно, увидимся позже*», и отпустил Хедвиг.

Гарри повезло, что впереди его ожидало приятное чаепитие с Хагридом, — урок зелий оказался худшим, что до сих пор произошло с Гарри в Хогвартсе.

На банкете Гарри показалось, что профессор Снейп терпеть его не может. К концу первого занятия по зельям он понял, как сильно ошибался. Не то чтобы Снейп испытывал неприязнь к Гарри — он его *ненавидел*.

Уроки проходили в одном из подземелий. Здесь было намного холоднее, чем в основной части замка, и мурашки ползли бы по коже и без заспиртованных животных в стеклянных банках, выставленных на полках вдоль стен.

Снейп, как и Флитвик, начал урок с переклич-

ки, и так же сделал паузу, произнеся имя Гарри.

— Ах, *да* — негромко протянул он. — Гарри Поттер. Наша новая… *знаменитость*.

Драко Малфой и его друзья, Крэбб и Гойл, прыснули в кулаки. Снейп закончил перекличку и окинул класс взглядом. Глаза его, как и у Хагрида, были чёрными, но в них не было ни следа тепла, которым лучились глаза лесника. Они были холодными и пустыми, напоминающими тёмные тоннели.

— Вы здесь, чтобы изучать тонкое и кропотливое искусство зельеделия, — начал он. Говорил Снейп чуть слышно, однако они улавливали каждое слово; как и профессору Макгонаголл, Снейпу удавалось удерживать внимание класса без малейших усилий.

— Поскольку здесь не требуется глупого размахивания волшебной палочкой, многие из вас с трудом поверят, что это можно назвать магией. Я и не жду, что вы в состоянии оценить по достоинству всю красоту медленно кипящего, источающего мерцающие пары котла, утончённую силу жидкостей, крадущихся по человеческим венам, околдовывая разум, подчиняя чувства… Я могу научить вас, как настоять славу, сварить триумф, даже закупорить смерть, — если только

вы не очередное сборище придурков, коих мне обычно приходится учить.

После этой краткой речи наступило молчание. Гарри и Рон переглянулись, приподняв брови. Гермиона Грейнджер подалась вперед, ёрзая на самом краю стула; очевидно, ей не терпелось доказать, что вовсе она не придурок.

— Поттер! — неожиданно обратился к нему Снейп. — Что получится, если смешать толчёный корень асфоделя с настойкой полыни?

Толчёный корень чего с настойкой чего? Гарри покосился на Рона, который, похоже, был в таком же замешательстве, как и он сам; рука Гермионы взлетела в воздух.

— Не знаю, сэр, — ответил Гарри.

Губы Снейпа искривились в усмешке.

— Так-так… очевидно, популярность — далеко не всё.

Он игнорировал поднятую руку Гермионы.

— Попробуем ещё раз. Поттер, если бы я попросил вас найти безоар, где бы вы стали искать?

Гермиона вытянула руку так высоко, как только было возможно, не вставая с места, но у Гарри не было ни малейшего понятия о том, что такое безоар. Он старался не смотреть в сторону Малфоя, Крэбба и Гойла, давившихся смехом.

— Я не знаю, сэр.

— Похоже, вы даже не удосужились открыть книгу, прежде чем прийти на урок, не так ли, Поттер?

Гарри заставил себя взглянуть ему прямо в глаза. Он *пролистывал* учебники у Дёрсли, но не ждал же Снейп, что он выучит «*Тысячу магических растений и грибов*» наизусть?

Снейп упорно не желал замечать дрожащую руку Гермионы.

— А в чем разница, Поттер, между волчьим корнем и царём-травой?

Гермиона встала с места, вытягивая руку к потолку.

— Не знаю, — тихо ответил Гарри. — Но думаю, Гермиона знает, почему бы вам не спросить её?

Кое-кто засмеялся; Гарри уловил взгляд Шеймаса, и тот подмигнул ему. А вот Снейп был не очень-то доволен.

— Сядьте, — бросил он Гермионе. — К вашему сведению, Поттер, из смеси асфоделя и полыни получается снотворное зелье, настолько сильнодействующее, что оно также известно, как Глоток Живой Смерти. Безоар — камень, добываемый из желудка козы и способный спасти вас от множества ядов. Что же касается волчьего корня и

царя-травы, то это одно и то же растение, также известное, как аконит. В чём дело? Почему никто не записывает?

Все схватились за перья. Пока остальные шуршали пергаментом, Снейп негромко промолвил:

— А за вашу дерзость, Поттер, я снимаю с Гриффиндора один балл.

После этого положение гриффиндорцев отнюдь не улучшилось. Снейп разбил их на пары и велел приготовить простое зелье для лечения нарывов. Кружа по классу, он наблюдал, как они взвешивают сушёную крапиву и толчёные зубы ядовитой змеи, критикуя практически всех, за исключением Малфоя, которому, похоже, симпатизировал. Он как раз призывал всех посмотреть, как превосходно Малфой выварил рогатых слизняков, как вдруг подземелье заполнили клубы ядовито-зелёного дыма и громкое шипение. Невилл каким-то образом умудрился расплавить котёл Шеймаса, и теперь их зелье струилось по полу, прожигая дыры в обуви стоявших рядом ребят. В мгновение ока все оказались на стульях, а Невилл, которого обдало зельем, стонал от боли, — на его руках и ногах стремительно вскакивали ярко-красные волдыри.

— Глупый мальчишка! — прорычал Снейп, од-

ним взмахом палочки убрав пролитое зелье. — Я так понимаю, вы добавили иглы дикобраза прежде, чем снять котёл с огня?

Невилл в ответ мог только всхлипывать — волдыри в это время покрывали его нос.

— Отведите его в больничное крыло, — раздражённо бросил Снейп Шеймасу. После чего резко развернулся к Гарри и Рону, работавшим рядом с Невиллом.

— Вы, Поттер, почему не сказали ему не добавлять иглы дикобраза? Или решили, что, если он ошибётся, вы будете выглядеть лучше на его фоне? Из-за вас Гриффиндор теряет ещё один балл.

Это было до того несправедливо, что Гарри уже открыл было рот, намереваясь возразить, но тут Рон пнул его под прикрытием котла.

— Не нарывайся, — пробормотал он. — Я слышал, Снейп иногда ведёт себя гаже некуда.

Часом позже они, поднявшись по лестнице, выбрались из подземелий; Гарри в подавленном настроении обдумывал произошедшее. Из-за него Гриффиндор в первую же неделю лишился двух баллов, — *почему* Снейп так ненавидел его?

— Выбрось из головы, — попытался утешить его Рон. — Фред с Джорджем постоянно теряют

баллы на уроках Снейпа. Слушай, а можно, я пойду с тобой к Хагриду?

Около трёх они вышли из замка и отправились к леснику. Тот жил в небольшой деревянной хижине на опушке запретного леса. На крыльце стояла пара галош, а на стене рядом с дверью висел арбалет.

Гарри постучался, и в хижине моментально раздался яростный скрежет когтей и оглушительный лай. Затем послышался голос Хагрида:

— *Место*, Клык — *место*.

В дверном проёме показалось бородатое лицо лесника.

— Погодите, — попросил он. — *Место*, Клык.

Он впустил их, силясь удержать за ошейник огромного чёрного волкодава.

В доме была всего одна комната. С потолка свисали окорока и жареные фазаны; на открытом огне закипал медный чайник; в углу стояла массивная кровать, накрытая лоскутным одеялом.

— Будьте как дома, — пригласил Хагрид, отпуская Клыка, — пёс немедленно бросился к Рону и принялся облизывать ему уши. Клык, как и хозяин, на деле был вовсе не таким грозным, каким казался.

— А это Рон, — представил Гарри друга; лесник

в это время наливал кипяток в большой заварочный чайник, выкладывая на тарелку печенье.

— Ещё один Уизли, а? — улыбнулся Хагрид, бросив взгляд на его веснушчатое лицо. — Полжизни убил, гоняя твоих братцев-близнецов из лесу.

Печенье с изюмом оказалось ужасно чёрствым, — Гарри и Рон чуть не сломали об него зубы, но делали вид, что им очень нравится. Пока они рассказывали Хагриду обо всех своих первых занятиях, Клык положил голову на колени Гарри и обслюнявил ему всю мантию.

Гарри и Рон пришли в восторг, когда Хагрид обозвал Филча «этим старым мерзавцем».

— А эта его кошка, Миссис Норрис, вот бы её как-нить с Клыком познакомить. Знаете, я когда в замок вхожу, она меня вечно преследует. И ведь не отделаешься — Филч её науськал, не иначе.

Гарри рассказал Хагриду об уроке Снейпа. Тот, как и Рон, посоветовал ему не огорчаться, ведь Снейпу вряд ли нравился хоть кто-нибудь из учеников.

— Но, по-моему, он меня просто *ненавидит*.

— Да ерунда это, — возразил Хагрид. — С чего б ему?

Но Гарри не мог отделаться от мысли, что при этих словах Хагрид отвёл глаза.

— А как твой брат Чарли? — поинтересовался Хагрид у Рона. — Отличный парень — здорово с животными управляется.

Интересно, нарочно ли Хагрид сменил тему разговора, думал Гарри. Пока Рон расписывал Хагриду, как Чарли работает с драконами, Гарри подобрал листок бумаги, лежавший на столе под чехлом для чайника. Это была вырезка из «*Ежедневного пророка*»:

СВЕЖИЕ НОВОСТИ О ВЗЛОМЕ В «ГРИНГОТТСЕ»

Продолжается следствие по поводу недавнего проникновения грабителей в «Гринготтс», произошедшего 31 июля. Широко распространено мнение, что это дело рук неизвестного тёмного колдуна или ведьмы.

Сегодня гринготтские гоблины настояли на том, что ничего не было украдено. Сейф, в который проникли воры, был опустошён ранее в тот же день.

«Но мы не намерены рассказывать, что там хранилось, поэтому не суйте нос не в своё дело, если он вам дорог», — заявил сегодня гринготтский гоблин-делегат.

Тут Гарри вспомнил: в поезде Рон рассказывал ему, что кто-то пытался ограбить «Гринготтс», но не назвал дату.

— Хагрид! — громко позвал Гарри, — взломщики пробрались в «Гринготтс» в день моего рождения! Может быть, даже когда мы с тобой там были!

Теперь сомнений не оставалось, — Хагрид явно постарался избежать взгляда Гарри. Он буркнул что-то невразумительное и предложил Гарри ещё печенье. Тот перечитал газетную вырезку. «*Сейф, в который проникли воры, был опустошён ранее в тот же день*». Хагрид опустошил сейф номер семьсот тринадцать, если это можно так назвать, — ведь лесник всего лишь забрал оттуда крошечный грязный свёрток. Не его ли искали воры?

Когда Гарри и Рон возвращались в замок с карманами, провисавшими под тяжестью печенья (отказываться от него им показалось невежливым), Гарри думал, что ни один урок не давал ему столько поводов для размышлений, как чаепитие с Хагридом. Получается, что Хагрид забрал свёрток как раз вовремя? Тогда где он сейчас? И не знает ли Хагрид о Снейпе чего-то, о чём не хочет рассказывать Гарри?

Глава девятая
ПОЛУНОЧНАЯ ДУЭЛЬ

Гарри в жизни бы не поверил, что встретит мальчишку, которого будет ненавидеть сильнее Дадли, — но лишь до знакомства с Драко Малфоем. Пока первокурсники-гриффиндорцы и слизеринцы занимались вместе лишь на зельях, так что Малфой не особенно отравлял жизнь. По крайней мере, до тех пор, пока в гостиной Гриффиндора не появилось объявление, повергшее всех в ужас. Уроки обучения полёту на метле начинались в четверг, — и Гриффиндору предстояло заниматься совместно со Слизерином.

— Отлично, — мрачно констатировал Гарри. — Всегда мечтал выставиться перед Малфоем идиотом на метле.

А он так ждал этих занятий!

— Почему сразу идиотом? — резонно возразил Рон. — Я знаю, Малфой обожает болтать, как здорово он играет в квиддич, но, спорить готов, это все враньё.

Малфой, действительно, постоянно говорил о квиддиче. Он во всеуслышание жаловался на то,

что первокурсников не принимают в сборные домов, а также рассказывал длинные, хвастливые истории, которые, как правило, заканчивались тем, что Малфой в последний момент ускользал от магглового вертолёта. Впрочем, здесь он не был одинок: послушать Шеймаса Финнигана, так тот полдетства провёл, носясь на метле над своей деревней. Даже Рон поведал бы любому, кто бы его выслушал, как однажды он на старой метле Чарли едва не столкнулся с дельтапланом. Все без исключения ребята из колдовских семей безостановочно болтали о квиддиче. Рон уже успел поссориться с их однокурсником, Дином Томасом, из-за футбола. Рон не понимал, что интересного может быть в виде спорта, где играют всего лишь одним мячом, и никто не может летать. Как-то Гарри застал Рона за тем, что тот тыкал пальцем в плакат Дина с изображением команды «Вест Хэм», пытаясь заставить игроков двигаться.

У Невилла в жизни не было метлы — бабушка не позволяла. И в чём-то Гарри был с ней согласен, — Невилл умудрялся влипать в неприятности, даже твёрдо стоя на земле.

Гермиона Грейнджер почти так же, как и Невилл, переживала из-за предстоящих занятий, ведь невозможно научиться летать по учебни-

ку, — хотя, не то чтобы она не пыталась. В четверг она чуть ли не всё утро донимала их советами, вычитанными в книге «*Квиддич сквозь века*». Невилл, почти отчаявшись, ловил каждое слово, надеясь, что хоть это поможет ему удержаться на метле; однако остальные вздохнули с облегчением, когда с прибытием почты лекция Гермионы оборвалась.

Пока что Гарри не получил ни одного письма, не считая записки от Хагрида, — что, разумеется, не преминул подметить Малфой. Филин Малфоя регулярно приносил ему из дома посылки со сладостями, которые тот со злорадством вскрывал прямо за слизеринским столом.

Сипуха Невилла принесла ему маленький свёрток, присланный бабушкой. Тот взволнованно развернул его и продемонстрировал им небольшой, размером с бильярдный, стеклянный шар, внутри которого клубился белый дым.

— Это Помнивсём, — объяснил он. — Бабуля знает, что я часто что-то забываю, а Помнивсём сообщает, что ты забыл что-то сделать. Смотрите, нужно крепко его сжать, вот так, и если дым внутри покраснеет… то… — лицо его омрачилось, потому что шар внезапно побагровел, — то ты о чём-то забыл…

Он попытался вспомнить, что именно забыл, как вдруг Малфой, проходя мимо, выхватил Помнивсём у него из рук.

Гарри и Рон вскочили на ноги. Они почти обрадовались поводу подраться с Малфоем, но профессор Макгонаголл в мгновение ока оказалась перед ними, — любые потасовки она пресекала быстрее любого другого преподавателя.

— Что здесь происходит?

— Малфой отнял мой Помнивсём, профессор.

Малфой, насупившись, живо положил Помнивсём на стол.

— Только посмотреть, — бросил он, после чего сделал ноги в сопровождении Крэбба и Гойла.

* * *

В полчетвёртого Гарри, Рон и остальные гриффиндорцы поспешили к выходу, на первый урок обучения полёту. Стояла ясная, ветреная погода, и трава мягко колыхалась под ногами, когда ребята спускались по крутому склону к ровной лужайке; деревья запретного леса зловеще качались вдалеке.

Слизеринцы уже были там, — как и двадцать мётел, аккуратными рядами разложенные на земле. Гарри однажды слышал, как Фред и Джордж

жаловались на школьные мётлы, — близнецы говорили, что некоторые начинают вибрировать, если подняться слишком высоко, а другие постоянно заносит влево.

Появилась инструктор, мадам Фьюч. У неё были короткие седые волосы и жёлтые, как у ястреба, глаза.

— Ну, и чего вы ждёте? — гаркнула она. — Встаньте каждый возле своей метлы. Давайте, живей.

Гарри взглянул на свою метлу. Та была довольно старой; несколько прутьев торчали в разные стороны.

— Вытяните правую руку над метлой, — скомандовала мадам Фьюч, — и скажите: «ВВЕРХ!».

— ВВЕРХ! — закричали все.

Метла Гарри мгновенно прыгнула ему в руку, но немногим повезло так же. Метла Гермионы Грейнджер только перекатывалась по земле из стороны в сторону, а у Невилла она и вовсе не шевелилась. Может быть, мётлы чем-то напоминают лошадей, подумал Гарри, — они тоже чувствуют, когда ты их боишься; в голосе Невилла, например, явственно слышалась дрожь, что ясно давало понять: он предпочёл бы остаться на земле.

Затем мадам Фьюч показала им, как следует садиться на метлу, чтобы не съезжать с неё; проходя вдоль рядов, она корректировала положение рук. Гарри и Рон были счастливы, когда она сообщила Малфою, что тот уже который год держит метлу неправильно.

— Теперь, когда я дуну в свисток, вы с силой оттолкнётесь от земли, — наставляла мадам Фьюч. — Поднявшись на несколько футов, задержитесь в воздухе, а затем, чуть наклонясь вперед, спуститесь обратно. По моему свистку — три… два…

Но Невилл, перенервничав от боязни остаться на земле, когда остальные взлетят, оттолкнулся раньше, чем мадам Фьюч успела поднести свисток к губам.

— Вернись, мальчик! — крикнула она, но Невилл стремительно поднимался вверх, точно пробка, вылетевшая из бутылки — двенадцать футов — двадцать футов. С белым от ужаса лицом Невилл смотрел на уносящуюся землю; вот он охнул, боком соскользнул с метлы и…

БУМ! — раздался звук упавшего тела и жуткий хруст, — Невилл ничком лежал в траве. Его метла продолжала набирать высоту; наконец она лениво заскользила в сторону запретного леса и

исчезла из виду.

Мадам Фьюч склонилась над Невиллом; она была так же бледна, как и он.

— Сломано запястье, — донеслось до Гарри её бормотание. — Идём — всё в порядке, поднимайся.

Она повернулась к остальным.

— Ни один из вас не сдвинется с места, пока я не отведу этого мальчика в больничное крыло! Если я увижу хоть одну метлу в воздухе, нарушитель вылетит из Хогвартса, прежде чем успеет сказать «квиддич». Идём, дорогой.

Невилл с заплаканным лицом, поддерживая запястье здоровой рукой, поплёлся прочь вместе с мадам Фьюч.

Едва они оказались вне зоны слышимости, Малфой разразился хохотом.

— Видели его лицо? Ну и дубина!

Остальные слизеринцы рассмеялись.

— Закрой рот, Малфой, — оборвала его Парвати Патил.

— О-о, защищаешь Лонботтома? — протянула Пенси Паркинсон, слизеринка с грубыми чертами лица. — Не думала, что *тебе* нравятся толстые, глупые плаксы, Парвати.

— Смотрите! — внезапно воскликнул Малфой,

резко наклонившись и схватив что-то с земли. — Это та дурацкая штука, которую Лонботтому прислала бабка.

Помнивсём сверкал на солнце в поднятой руке Малфоя.

— Дай сюда, Малфой, — негромко произнёс Гарри.

Все сейчас же умолкли и ждали, что будет.

Малфой неприятно усмехнулся.

— Я лучше оставлю его где-нибудь, чтобы Лонботтому пришлось поискать — скажем… на дереве?

— Дай *сюда*! — проорал Гарри, но Малфой вскочил на метлу и взмыл в воздух. Он не врал, он действительно отлично летал. Задержавшись на уровне верхних ветвей дуба, он крикнул:

— Ну, отними, Поттер!

Гарри схватил метлу.

— *Нет*! — взвизгнула Гермиона Грейнджер. — Мадам Фьюч велела оставаться на месте, из-за тебя нам всем достанется.

Гарри пропустил её слова мимо ушей; кровь прилила к голове и стучала в висках. Он оседлал метлу, с силой оттолкнулся от земли и взлетел; ветер трепал его волосы, полы мантии развевались позади; он с торжествующей радостью

осознал: нашлось что-то, чему ему не нужно учиться, — это было легко, это было *потрясающе*. Он чуть потянул рукоять метлы на себя, чтобы подняться ещё выше; снизу донеслись крики и визг девочек и одобрительный возглас Рона.

Он резко развернул метлу, чтобы оказаться лицом к лицу с Малфоем. Тот просто остолбенел.

— Дай сюда, — крикнул ему Гарри, — а не то я столкну тебя с метлы!

— Неужели? — протянул Малфой, пытаясь презрительно усмехнуться, — вид у него, однако, был встревоженный.

Гарри интуитивно понял, что делать. Он подался вперед и крепко обхватил рукоять метлы обеими руками; она рванулась к Малфою, словно копьё. Тот едва успел увернуться, а Гарри круто развернулся и выровнял метлу. Кто-то внизу зааплодировал.

— Сейчас Крэбб и Гойл не смогут спасти твою шею, Малфой, — напомнил Гарри.

Та же мысль, похоже, осенила и Малфоя.

— Тогда поймай, если сможешь! — крикнул он, после чего подбросил стеклянный шар высоко в воздух, а сам устремился вниз.

Гарри видел, словно в замедленной съёмке, как шарик взлетел ввысь и затем понёсся к земле.

Он пригнулся и направил рукоять метлы вниз; в следующее мгновение он уже набирал скорость в крутом пике, нагоняя шар; свист ветра в ушах смешивался с криками наблюдавших ребят; он вытянул руку; в каком-то футе от земли он схватил его, как раз вовремя, чтобы выровнять метлу и мягко скатиться на траву, сжимая в руке спасённый Помнивсём.

— ГАРРИ ПОТТЕР!

Его сердце ушло в пятки быстрее, чем он только что нёсся к земле. Профессор Макгонаголл бежала к ним. Он, дрожа, поднялся на ноги.

— *Никогда*… за всё время, что я в Хогвартсе…

От потрясения у профессора Макгонаголл чуть не пропал дар речи; очки её грозно сверкали.

— Как вы *посмели*… могли сломать шею…

— Он не виноват, профессор…

— Тише, мисс Патил.

— Но Малфой…

— *Достаточно*, мистер Уизли. Поттер, следуйте за мной — немедленно.

Гарри различил торжествующие лица Малфоя, Крэбба и Гойла, на ватных ногах плетясь за шагающей к замку профессором Макгонаголл. Ну что ж, можно смело прощаться со школой. Ему хотелось как-то оправдаться, но голос его куда-то

исчез. Профессор Макгонаголл шагала вперёд, даже не глядя на него; ему приходилось чуть ли не бежать трусцой, чтобы поспевать за ней. Молодец, ничего не скажешь, думал Гарри. Не пробыл в школе и двух недель. Через десять минут будет собирать вещи. Интересно, что скажут Дёрсли, увидев его на пороге?

Они поднялись по каменным ступеням парадного входа, по мраморной лестнице, а профессор Макгонаголл до сих пор не произнесла ни слова. Она стремительно шла вперед, распахивая перед собой двери, а несчастный Гарри трусил за ней. Она наверняка вела его к Дамблдору. Он вспомнил о Хагриде — того исключили, но позволили остаться лесником. Может быть, он сможет стать помощником Хагрида. Живот скрутило при мысли о том, каково ему будет наблюдать, как Рон и остальные ребята становятся колдунами, пока он таскает за Хагридом его охотничью сумку.

Профессор Макгонаголл остановилась около одного из классов. Приоткрыв дверь, она попросила:

— Простите, профессор Флитвик, мне нужен Прут, всего на пару минут.

«Прут?» — ошалело подумал Гарри; его что, собираются высечь?

Прут оказался человеком — крепко сложенным пятикурсником, с озадаченным видом вышедшим из класса.

— Следуйте за мной, вы оба, — велела профессор Макгонаголл, и они направились дальше по коридору; Прут бросал на Гарри заинтригованные взгляды.

— Сюда.

Профессор Макгонаголл ввела их в кабинет, — тот был совершенно пуст, не считая Брюзга, старательно выводившего на доске бранные слова.

— Вон отсюда, Брюзг! — рявкнула она.

Брюзг бросил мел в корзину для бумаг, громко звякнувшую при этом, и, неистово ругаясь, вылетел прочь. Профессор Макгонаголл захлопнула за ним дверь и повернулась к мальчишкам.

— Поттер, это — Оливер Прут. Прут — я нашла вам следопыта.

Замешательство на лице Прута сменилось восторгом.

— Вы серьёзно, профессор?

— Абсолютно, — твёрдо заверила его профессор Макгонаголл. — У мальчика колоссальные способности. В жизни не видела ничего подобного. Вы впервые сели на метлу, ведь так, Поттер?

Гарри молча кивнул. Он не имел ни малейшего понятия, что происходит, но, похоже, исключать его пока не собирались; ноги постепенно вновь обрели чувствительность.

— Он поймал эту вещь, спикировав с пятидесятифутовой высоты, — сообщила Пруту профессор Макгонаголл. — И ни единой царапины. Даже Чарли Уизли так не смог бы.

Прут выглядел так, словно все его мечты осуществились в одночасье.

— Видел когда-нибудь, как играют в квиддич, Поттер? — с энтузиазмом поинтересовался он.

— Прут — капитан гриффиндорской команды по квиддичу, — пояснила профессор Макгонаголл.

— Для следопыта у него как раз подходящее сложение, — заключил Прут, расхаживая вокруг Гарри и рассматривая его. — Лёгкий… быстрый… нам нужно раздобыть для него приличную метлу, профессор — лучше бы «Нимбус-2000» или «Чистомёт-7».

— Я переговорю с профессором Дамблдором и узнаю, можно ли допустить отклонение от правила для первокурсников. Видит бог, нам нужна лучшая команда, чем в прошлом году. Слизерин буквально растоптал нас в том матче, я несколько

недель не могла заставить себя взглянуть в глаза Северусу Снейпу…

Профессор Макгонаголл сурово уставилась на Гарри поверх очков.

— И учтите, Поттер, если я услышу, что вы недостаточно упорно тренируетесь, то могу и передумать насчёт вашего наказания.

Она неожиданно улыбнулась.

— Ваш отец гордился бы вами, — сказала она. — Он тоже великолепно играл в квиддич.

* * *

— *Шутишь*.

Было время обеда. Гарри только что рассказал Рону о том, что произошло после того, как профессор Макгонаголл увела его в замок. Тот как раз собирался положить в рот кусок пирога с мясом и почками, но теперь напрочь забыл об этом.

— *Следопыт*? — повторил он. — Но первокурсникам *никогда*… ты, должно быть, станешь самым молодым игроком в сборной дома за…

— …последние сто лет, — договорил за него Гарри, вгрызаясь в пирог. Он был страшно голоден после всех утренних переживаний. — Прут мне уже говорил.

Рон был просто ошарашен; он сидел, поражён-

но уставясь на Гарри.

— Я начну тренироваться на следующей неделе, — сообщил Гарри. — Только не рассказывай никому, — Прут хочет держать это в тайне.

В Большой Зал вошли Фред и Джордж Уизли; заметив Гарри, они поспешили к нему.

— А ты парень не промах, — вполголоса проговорил Джордж. — Прут всё нам рассказал. Мы тоже в команде — загонщики.

— Говорю вам, в этот раз мы точно выиграем Квиддичный Кубок, — заявил Фред. — Мы не побеждали с тех пор, как Чарли окончил школу, но в этом году команда будет отличная. Ты, должно быть, очень хорош, Гарри, Прут чуть ли не подпрыгивал, когда рассказывал о тебе.

— Ну ладно, нам пора идти, — Ли Джордан уверяет, что нашёл очередной потайной выход из школы.

— Уверен, это тот самый, что мы обнаружили в первую же свою неделю в школе — за статуей Григория Льстивого. Увидимся.

Едва Фред и Джордж исчезли из виду, как рядом появилась куда менее приятная компания: Малфой в сопровождении Крэбба и Гойла.

— Прощальный обед, Поттер? Когда уезжаешь обратно к магглам?

— Я смотрю, на земле, со своими крошками-дружками, ты куда храбрее, — холодно заметил Гарри. Конечно, Крэбба и Гойла даже с большой натяжкой нельзя было назвать крошками, но за Главным Столом было полно преподавателей, и всё, что им оставалось — угрожающе хрустеть костяшками пальцев, сдвинув брови.

— Я в любой момент могу с тобой разобраться, один на один, — предложил Малфой. — Сегодня, если желаешь. Колдовская дуэль. Только палочки — без рукопашного. В чём дело? Никогда не слышал о колдовских дуэлях, а?

— Да слышал он, слышал, — вмешался Рон, обернувшись к Малфою. — Я — его секундант, а твой?

Малфой окинул Крэбба и Гойла придирчивым взглядом.

— Крэбб, — решил он. — В полночь, устраивает? Встретимся в Трофейном Зале, — там никогда не заперто.

Малфой удалился; Гарри и Рон переглянулись.

— Что за «колдовская дуэль»? — живо поинтересовался Гарри. — И в каком смысле — ты будешь моим секундантом?

— Ну, секундант нужен для того, чтобы занять твоё место, если ты погибнешь, — непринуж-

дённо сообщил Рон, наконец принявшись за остывший пирог. Заметив, какое выражение появилось на лице Гарри, он быстро прибавил:

— Но это бывает только на настоящих дуэлях, ну, между опытными колдунами. Максимум, что вы с Малфоем сможете — это осыпать друг друга искрами. Вы ещё не умеете толком сражаться. По-моему, он просто надеялся, что ты откажешься.

— А если я взмахну палочкой, и ничего не произойдёт?

— Брось её в сторону и врежь ему в нос, — не растерялся Рон.

— Прошу прощения.

Они подняли головы. Это была Гермиона Грейнджер.

— Можно здесь поесть спокойно? — раздражённо осведомился Рон, но та не обратила на него внимания.

— Я случайно услышала ваш с Малфоем разговор…

— Как же, случайно… — пробормотал Рон.

— …и ты *не имеешь права* бродить по школе ночью; подумай, сколько баллов снимут с Гриффиндора, если вас поймают, — а вас обязательно поймают. Это совершенно эгоистично с твоей стороны.

— И это совершенно не твоё дело, — парировал Гарри.

— До свидания, — прибавил Рон.

* * *

Всё-таки это нельзя назвать идеальным завершением дня, думал Гарри несколькими часами позже, лёжа в постели и прислушиваясь — спят ли Дин с Шеймасом (Невилл пока что не вернулся из больничного крыла). Рон весь вечер неустанно засыпал его ценными советами вроде: «Если он попытается наслать на тебя заклятие, лучше увернись, а то я забыл, как их блокировать». Очень велик был риск нарваться на Филча или Миссис Норрис, и Гарри чувствовал, что испытывает судьбу, нарушая второе школьное правило за день. С другой стороны, насмешливое лицо Малфоя будто маячило в темноте, не давая Гарри покоя, — это была отличная возможность сразиться с Малфоем лицом к лицу. Он не мог упустить её.

— Половина двенадцатого, — прошептал Рон, — пора идти.

Они накинули халаты, захватили палочки, на цыпочках прокрались через спальню и по спиральной лестнице спустились в общую гости-

ную Гриффиндора. В тусклом свете тлеющих в камине поленьев кресла казались сгорбленными чёрными тенями. Оставалось всего несколько шагов до портрета, как из ближайшего кресла донёсся голос:

— Не могу поверить, что ты все-таки собираешься сделать это, Гарри.

Зажглась лампа. В кресле восседала Гермиона Грейнджер, в розовом халате и дурном настроении.

— *Ты*! — яростно прошипел Рон. — Иди, наконец, спать!

— Я уже собиралась рассказать обо всём твоему брату Перси, — парировала Гермиона, — он префект и мигом бы вам объяснил, что к чему.

Гарри с трудом верилось, что на свете существуют такие назойливые люди.

— Пошли, — сказал он Рону, отодвинув в сторону портрет Полной Леди и выбираясь наружу через отверстие в стене.

Но Гермиона не собиралась сдаваться без боя. Она последовала за Роном и зашипела на них обозлённой гусыней:

— Вам *нет дела* до дома, вы думаете только о *себе*, а *я* не хочу, чтобы Слизерину достался Школьный Кубок; вы потеряете все баллы, кото-

рые мне начислила профессор Макгонаголл за знание Переводных чар.

— Сгинь.

— Хорошо, но я вас предупредила; и вы вспомните мои слова завтра, когда будете ехать домой; вы просто…

Но им так и не довелось узнать, что они «просто». Гермиона обернулась к портрету Полной Леди, чтобы влезть обратно, но перед ней висел пустой холст: Полная Леди решила наведаться к кому-то в гости, и гостиная оказалась заперта.

— И что мне теперь делать? — визгливо поинтересовалась Гермиона.

— Твои проблемы, — отрезал Рон. — Идём, Гарри, мы опаздываем.

Они не успели дойти и до конца коридора, как Гермиона нагнала их.

— Я иду с вами, — заявила она.

— *Ещё чего*!

— Думаете, я буду стоять там и дожидаться, когда меня схватит Филч? А если он поймает всех нас, я скажу ему правду: что я пыталась остановить вас, а вы это подтвердите.

— Нет, ну это ж надо! — громко возмутился Рон.

— Уймитесь, вы оба! — одёрнул их Гарри. — Я

что-то слышу.

Раздавалось какое-то сопение.

— Миссис Норрис? — прищурившись, выдохнул Рон.

Но это оказался Невилл. Он, свернувшись на полу клубком, крепко спал, но вскочил как ужаленный, едва они подошли ближе.

— Слава богу, вы меня нашли! Я здесь уже несколько часов, не могу вспомнить пароль, чтобы пойти в спальню.

— Тише ты, Невилл. Пароль — «свиной пятачок», но это тебе уже не поможет, Полная Леди куда-то ушла.

— Как твоя рука? — спросил Гарри.

— Отлично, — ответил Невилл, что тут же и продемонстрировал. — Мадам Помфри вылечила её в минуту.

— Хорошо; слушай, Невилл, нам нужно кое-куда сходить, увидимся позже…

— Не бросайте меня здесь! — захныкал Невилл, вскакивая на ноги. — Я не хочу оставаться тут один, Кровавый Барон уже два раза пролетал мимо.

Рон глянул на часы и гневно уставился на Гермиону и Невилла.

— Если нас поймают из-за вас, я не успокоюсь,

пока не обучусь Проклятию Домового, о котором рассказывал Квиррелл, и не опробую его на вас.

Гермиона открыла было рот, — видимо, чтобы растолковать Рону, как именно накладывают Проклятие Домового, — но Гарри шикнул на неё и поманил остальных за собой.

Они неслись по коридорам, исполосованным лучами лунного света. На каждом повороте Гарри со страхом ждал, что они вот-вот наткнутся на Филча или Миссис Норрис, но им везло. Ребята буквально взлетели по лестнице на третий этаж и на цыпочках подкрались к Трофейному Залу.

Малфой и Крэбб ещё не пришли. Хрустальные ящики с наградами мерцали в лунном свете. Кубки, щиты, тарелки и статуэтки блистали серебром и золотом. Они медленно двигались вдоль стен, настороженно следя за дверьми в противоположных концах комнаты. Гарри вытащил палочку на случай, если Малфой внезапно ворвётся в зал и мгновенно атакует. Минуты ползли, как часы.

— Он опаздывает; струсил, что ли? — прошептал Рон.

Неожиданно в соседней комнате раздался какой-то шум, отчего все четверо подскочили. Едва Гарри поднял палочку, послышался голос, — и он принадлежал не Малфою.

— Принюхайтесь хорошенько, моя дорогая; они, должно быть, притаились в углу.

Это Филч обращался к Миссис Норрис. Охваченный ужасом, Гарри лихорадочно замахал рукой остальным, показывая, чтобы те шли за ним; они стремглав кинулись к двери, стараясь не шуметь; едва полы мантии Невилла исчезли за углом, ребята услышали, как Филч вошёл в Трофейный Зал.

— Они где-то здесь, — бормотал он, — наверняка прячутся.

— Сюда! — одними губами произнёс Гарри, и, цепенея от страха, они начали красться по длинной галерее, уставленной рыцарскими доспехами. Слышно было, что Филч приближался. Внезапно Невилл издал испуганный писк и сорвался на бег; он споткнулся, схватил Рона за запястье, и оба врезались прямо в доспехи.

Лязга и грохота было достаточно, чтобы перебудить весь замок.

— БЕЖИМ! — проорал Гарри, и все четверо понеслись по галерее, даже не оглядываясь посмотреть, гонится ли за ними Филч; они завернули за угол и галопом помчались по коридору, затем по другому, Гарри впереди; он не имел ни малейшего понятия, где они и куда бегут; они

ворвались в скрытый гобеленом проход и оказались в потайном коридоре; ребята пролетели по нему и обнаружили, что находятся в коридоре Чар, который, как они знали, был едва не за милю от Трофейного Зала.

— Похоже, пронесло, — просипел Гарри, прислонившись к стене и вытирая лоб тыльной стороной руки. Невилл согнулся пополам, хрипя и что-то невнятно бормоча.

— Я…вам…говорила, — выдавила Гермиона, держась за сердце, — говорила…я…вам.

— Нам надо вернуться в гриффиндорскую башню, — отдуваясь, прохрипел Рон, — и побыстрее.

— Малфой тебя одурачил, — обратилась Гермиона к Гарри. — Надеюсь, хоть это ты понял? Он и не думал приходить: Филч знал, что кто-то будет в Трофейном Зале, — Малфой, видимо, его и предупредил.

Гарри подумал, что она, скорее всего, права, но сообщать ей об этом не собирался.

— Пошли.

Но это было не так-то просто. Не успели они сделать и десяти шагов, как скрипнули дверные петли, и из противоположного класса вылетело нечто.

Это был Брюзг. Увидев ребят, он издал ликую-

щий вопль.

— Замолчи, Брюзг, пожалуйста, из-за тебя нас исключат из школы.

Брюзг закудахтал.

— Шатаемся по замку носью, первогодниськи? Не в постелях в поздний час — скоро всех поймают вас.

— Не поймают, если ты нас не выдашь, Брюзг, пожалуйста.

— Должен сказать Филчу, просто обязан, — тоном праведника отозвался полтергейст, но в глазах его плясал недобрый огонёк. — Для вашего же блага, сами знаете.

— Уйди с дороги, — не выдержал Рон, замахнувшись на Брюзга, — это было большой ошибкой.

— УЧЕНИКИ БРОДЯТ ПО ШКОЛЕ! — заголосил Брюзг. — УЧЕНИКИ БРОДЯТ ПО ШКОЛЕ, ОНИ В КОРИДОРЕ ЧАР!

Уклонившись от Брюзга, они сломя голову помчались по коридору и едва не врезались в дверь, — она оказалась заперта.

— Ну всё! — простонал Рон, пока все четверо беспомощно колотили в дверь. — Нам крышка! Это конец!

Судя по громкому топоту, Филч во всю прыть бежал на вопли Брюзга.

— Да отойди ты, — раздражённо бросила Гермиона. Выхватив у Гарри палочку и постучав ею по замочной скважине, она прошептала:

— *Alohomora!*

Замок щёлкнул, и дверь распахнулась, — они протиснулись внутрь, захлопнули дверь и, прижавшись к ней ухом каждый, прислушались.

— Говори, Брюзг, куда они побежали? — требовал Филч. — Живей.

— Скажи «пожалуйста».

— Не доводи меня, Брюзг, — итак, куда они побежали?

— Не скажу ничего, пока не скажешь «пожалуйста», — занудствовал Брюзг.

— Хорошо — *пожалуйста*.

— НИЧЕГО! Ха-ха! Говорил же тебе: не скажу «ничего», пока не скажешь «пожалуйста»! Ха-ха! Хаааааа!

Слышно было, как Брюзг уносится прочь, а Филч бранится на чём свет стоит.

— Он думает, что эта дверь заперта, — прошептал Гарри. — Похоже, всё обошлось, — да *отцепись*, Невилл!

Тот уже минуту теребил рукав его халата.

— *Ну что*?

Гарри развернулся и довольно ясно увидел,

что. На секунду Гарри показалось, что ему снится кошмар, — после всего, что с ними произошло, это явно было чересчур.

Они находились не в комнате, как он думал. Они были в коридоре. В запретном коридоре на третьем этаже. И теперь Гарри понял, почему этот коридор был под запретом.

Они смотрели в глаза чудовищной собаке, собаке, занимающей собой всё пространство от пола до потолка. У неё было три головы. Три пары безумных глаз с вращающимися зрачками; три носа подёргивались в их направлении и с шумом втягивали воздух; три приоткрытые пасти, — с желтоватых клыков склизкими верёвками свисала слюна.

Собака стояла довольно неподвижно, уставив на них все шесть глаз, но Гарри понимал: живы они до сих пор только потому, что своим неожиданным появлением застали собаку врасплох. Впрочем, судя по громогласному рычанию, она быстро приходила в себя.

Гарри нащупал за собой дверную ручку, — выбирать приходилось между смертью и Филчем, и лично он предпочитал Филча.

Они буквально вывалились из коридора; Гарри захлопнул дверь, и они понеслись прочь. Филч,

очевидно, решил поискать их в другом месте, но сейчас это мало их волновало; всё, чего им хотелось — оказаться как можно дальше от чудовища. Они не останавливались, пока не добрались до портрета Полной Леди на седьмом этаже.

— Где это вас носило? — с подозрением спросила она, глянув на их раскрасневшиеся, потные лица и измятые халаты.

— Неважно — свиной пятачок, свиной пятачок, — задыхаясь, выдавил Гарри, и проход в гостиную открылся. Они пробрались внутрь и, дрожа, рухнули в кресла.

Какое-то время никто не мог говорить. Невилл, казалось, и вовсе навсегда утратил дар речи.

— О чём они вообще думают — держать в школе такого монстра? — наконец вознегодовал Рон. — Этой собачке не помешало бы поразмяться.

Гермиона отдышалась, и к ней вернулся скверный характер.

— Глаза вам на что? — фыркнула она. — Вы не видели, на чём стоял этот пёс?

— На полу? — предположил Гарри. — Я на лапы не смотрел, меня больше волновали головы.

— Нет, *не* на полу. Он стоял на люке. Похоже, пёс что-то охраняет.

Она поднялась на ноги.

— Надеюсь, вы собой довольны, — отчеканила она. — Нас могли убить — или, что ещё хуже, исключить. А теперь, если не возражаете, я иду спать.

Рон смотрел ей вслед, раскрыв рот.

— Нет, не возражаем, — пробормотал он. — Можно подумать, мы её силой тащили с собой.

Но, забираясь в постель, Гарри все ещё размышлял над словами Гермионы. Собака что-то стерегла… что говорил Хагрид? «Гринготтс» — самое надёжное место, чтобы что-то спрятать — кроме, пожалуй, Хогвартса.

Похоже, теперь Гарри знал, где сейчас тот свёрток из сейфа номер семьсот тринадцать.

Глава десятая
ХЕЛЛОУИН

Малфой не поверил своим глазам, увидев, что Гарри и Рон все ещё в Хогвартсе, — утомлённые, но вполне довольные. И правда, следующим утром ребята решили, что встреча с трёхголовым псом была отличным приключением, причём они бы не отказались от ещё одного такого. Между тем Гарри просветил Рона насчёт свёртка, который, похоже, перекочевал из «Гринготтса» в Хогвартс, и они долго ломали головы, размышляя, что же могли так тщательно охранять.

— Видимо, это что-то очень ценное, или опасное, — предположил Рон.

— Или и то, и другое, — согласился Гарри.

Но, по сути, всё, что они знали наверняка об этой загадочной вещи — она была примерно двух дюймов длиной; поэтому понять, что она собой представляла, было затруднительно.

Невилл и Гермиона не выказывали ни малейшего интереса насчёт того, что было спрятано в охраняемом псом тайнике. Всё, о чем беспокоился Невилл — не приближаться больше к собаке

на пушечный выстрел.

Гермиона категорически отказывалась разговаривать с Гарри и Роном, но она была до того занудной всезнайкой, что они сочли и это за удачу. Всё, что им было нужно — достойно отплатить Малфою, и, к их удовольствию, такой случай представился примерно через неделю, с прибытием почты.

Когда утром совы, по обыкновению, хлынули в Большой Зал, всеобщее внимание привлёк длинный узкий свёрток, который несли сразу шесть сипух. Гарри, как и остальные, горел желанием узнать, что там внутри, и был изумлён, когда птицы снизились и уронили посылку на стол прямо перед ним, опрокинув при этом на пол тарелку с беконом. Едва птицы улетели прочь, как очередная сова сбросила Гарри письмо, упавшее поверх свёртка.

Сперва Гарри вскрыл конверт и, как оказалось, правильно сделал, ибо письмо гласило:

НЕ РАЗВОРАЧИВАЙТЕ СВЁРТОК ЗА СТОЛОМ.

В нём — Ваша новая метла, «Нимбус-2000», но об этом не обязательно знать окружающим — в противном случае всем захочется такую же. Оливер Прут будет ждать Вас на квиддичном поле в семь часов вечера, чтобы провести Вашу первую тренировку.

Профессор Макгонаголл

Гарри, с трудом скрывая ликование, передал записку Рону.

— «Нимбус-2000»! — с завистью простонал тот. — Я к такой метле даже не прикасался.

Они быстро вышли из Большого Зала, чтобы спокойно распаковать метлу до начала первого урока, но не успели мальчишки пересечь Вестибюль, как обнаружили, что путь наверх перекрыт Крэббом и Гойлом. Малфой выхватил у Гарри свёрток и ощупал.

— Это метла, — безапелляционно заявил он, швырнув «Нимбус» обратно Гарри со смесью зависти и досады на лице. — Теперь уж ты не отвертишься, Поттер, первокурсникам они не положены.

Рон не мог пропустить это мимо ушей.

— Это не какое-нибудь старое бревно, это

— «Нимбус-2000». На чём, говоришь, ты летал дома — «Комета-260»? — уточнил он, подмигнув Гарри. — Метла отличная, но с «Нимбусом» и сравнивать нечего.

— Что б ты в этом понимал, Уизли, ты не можешь позволить себе и половину рукоятки, — оборвал его Малфой. — Вам с братьями, похоже, пришлось свои мётлы по прутику собирать.

Но, прежде чем Рон успел ответить, возле локтя Малфоя появился профессор Флитвик.

— Надеюсь, не ссоримся, мальчики? — пропищал он.

— Профессор, Поттеру прислали метлу, — поспешил доложить Малфой.

— Да-да, всё в порядке, — заверил профессор Флитвик, лучезарно улыбаясь Гарри. — Профессор Макгонаголл проинформировала меня об особых обстоятельствах, Поттер. А что это за модель?

— «Нимбус-2000», сэр, — пояснил Гарри, изо всех сил пытаясь не засмеяться при виде перекошенной ужасом физиономии Малфоя. — И это благодаря Малфою мне досталась такая метла.

Гарри и Рон поспешили наверх, давясь хохотом при мысли о сконфуженном, обозлённом Малфое.

— В принципе, это правда, — хихикнул Гарри, когда они добрались до вершины мраморной лестницы. — Если бы Малфой не стащил Помни-всём Невилла, я бы не попал в команду…

— И теперь ты полагаешь, что это — награда за нарушение правил? — раздался у них за спиной сердитый голос. Гермиона поднималась по ступеням, неодобрительно глядя на свёрток в руках Гарри.

— По-моему, ты с нами не разговариваешь, — напомнил Гарри.

— И не меняй своего решения, — подхватил Рон, — так всем спокойней.

Гермиона прошествовала прочь, задрав нос.

В тот день Гарри тяжело было сосредоточиться на занятиях. Мысли его блуждали, то и дело возвращаясь к спальне, где его дожидалась новая метла, спрятанная под кроватью, или к квиддичному полю, где сегодня он будет учиться играть. Вечером он торопливо заглотал ужин, даже не заметив, что именно ел, и вместе с Роном бросился наверх, чтобы наконец взглянуть на «Нимбус-2000».

— Ух ты, — выдохнул Рон, едва метла выкатилась на покрывало.

Даже Гарри, ровно ничего не знавшему о

мётлах, показалось, что «Нимбус» выглядит потрясающе. Отполированная до блеска рукоять из красного дерева; длинный хвост из аккуратных, прямых прутьев; сверху на рукояти выгравировано золотом: «Нимбус-2000».

Когда приблизился назначенный час, и начали сгущаться сумерки, Гарри вышел из замка и направился к квиддичному полю. Он никогда ещё не бывал на стадионе. Скамьи на трибунах, окружавших поле, были установлены достаточно высоко, чтобы зрители могли следить за ходом игры. В противоположных концах поля стояло по три золотых шеста с кольцами на концах. Они напомнили Гарри пластиковые палочки, сквозь которые дети магглов выдувают мыльные пузыри, — разве что эти были пятидесяти футов в высоту.

Гарри так не терпелось вновь оказаться в воздухе, что он не стал дожидаться Прута; он оседлал метлу и оттолкнулся от земли. Какое это всё-таки потрясающее ощущение, — петляя из стороны в сторону, он пронёсся между шестами и помчался над полем, то взмывая вверх, то пикируя вниз. «Нимбус-2000» реагировал на малейшие его прикосновения и мгновенно сворачивал в абсолютно любом направлении.

— Эй, Поттер, спускайся!

Пришёл Оливер Прут. Под мышкой он нёс внушительных размеров деревянный сундук. Гарри приземлился возле него.

— Отлично, — с горящими глазами закивал Прут. — Теперь понимаю, что имела в виду Макгонаголл… у тебя действительно талант. Сегодня я хочу просто объяснить тебе правила, а затем ты начнёшь тренироваться с командой, трижды в неделю.

Он откинул крышку сундука. Внутри обнаружились четыре разнокалиберных мяча.

— Отлично, — начал Прут. — Так вот, квиддич довольно легко понять, хотя играть — далеко не так просто. В каждой из команд по семь игроков. Трое из них — гончии.

— Трое гончих, — повторил Гарри, наблюдая, как Прут вытаскивает ярко-красный мяч, размером с футбольный.

— Это квоффл, — объяснил Прут. — Гончии пасуют квоффл друг другу, пытаясь забросить его в одно из колец противника. За каждый гол начисляется десять очков. Понимаешь?

— Гончии пасуют друг другу квоффл и забрасывают его в кольцо, — процитировал Гарри. — То есть, это что-то вроде баскетбола на мётлах и с

шестью кольцами?

— А что такое баскетбол? — с любопытством осведомился Прут.

— Да так, неважно, — быстро ответил Гарри.

— Так вот, в каждой команде есть вратарь. У Гриффиндора вратарь — я. Я должен держаться возле колец и защищать их от противника.

— Трое гончих и вратарь, — резюмировал Гарри, стараясь не пропустить ни слова. — Они играют квоффлом. Ясно. А для чего эти? — он указал на три оставшихся в сундуке мяча.

— Сейчас увидишь, — пообещал Прут. — Держи.

Он протянул Гарри небольшую биту, вроде той, которой играют в бейсбол.

— Сейчас покажу, зачем нужны бладжеры, — сообщил Прут. — Бладжеры — вот эти.

Он указал на два одинаковых, иссиня-чёрных мяча; они были чуть меньше квоффла. Гарри заметил, что они слегка подпрыгивают, пытаясь вывернуться из-под державших их эластичных лент и вырваться на волю.

— Отойди-ка, — предупредил его Прут. Он наклонился и высвободил один из бладжеров.

В ту же секунду чёрный мяч взмыл в небо и затем устремился вниз, нацелившись Гарри

прямо в лицо. Тому совсем не хотелось, чтобы бладжер сломал ему нос; Гарри взмахнул битой и отправил мяч обратно; тот пронёсся над их головами, и, описав в воздухе дугу, помчался к Пруту, который ухитрился накрыть его в прыжке и прижать к земле.

— Видишь? — выдохнул Прут, запихивая бладжер обратно в сундук и надёжно закрепляя. — Бладжеры носятся по полю, пытаясь сбить игроков с мётел. Поэтому в каждую команду входят два загонщика — у нас это близнецы Уизли — они охраняют своих игроков от бладжеров, стараясь отбивать мячи в сторону игроков противника. Ну как, ясно?

— Трое гончих играют квоффлом, забивая им голы; вратарь защищает кольца; загонщики охраняют своих игроков от бладжеров, — подытожил Гарри.

— Очень хорошо, — одобрил Прут.

— М-м… а бладжеры кого-нибудь убивали? — беззаботно, как ему показалось, поинтересовался Гарри.

— В Хогвартсе — никогда. Была пара сломанных челюстей, но не больше. Итак, последний игрок команды — следопыт. Это ты. И тебе не нужно беспокоиться ни о квоффле, ни о бладжерах…

— …пока они не пробьют мне голову.

— Да не волнуйся, близнецы Уизли сами дадут фору бладжерам, — в смысле, они сами как бладжеры, только в человеческом обличье.

Прут подошёл к сундуку и извлёк из него четвертый, последний мяч. По сравнению с квоффлом и бладжерами он был крошечным — размером с крупный грецкий орех. Он был сияюще-золотым, с трепещущими серебряными крылышками.

— Это, — торжественно изрёк Прут, — золотой снич, самый важный мяч из всех четырёх. Его крайне сложно поймать, потому что он очень быстрый и практически незаметный, но это и есть задача следопыта. Тебе нужно петлять среди гончих, загонщиков, бладжеров и квоффла, чтобы заметить снич и схватить его прежде, чем это сделает следопыт другой команды. Команда, чей следопыт поймает снич, получает дополнительные сто пятьдесят очков, — то есть, практически всегда побеждает. Поэтому против следопытов часто фолят. Игра заканчивается только тогда, когда снич пойман, так что матч может длиться бесконечно, — рекорд, по-моему, три месяца, им пришлось выставлять запасных игроков, чтобы другие могли хоть немного поспать. Собственно,

это всё. Вопросы есть?

Гарри покачал головой. Он отлично понял, *что* должен делать, — проблема была лишь в том, *как*.

— Пока мы не будем практиковаться со снитчем, — продолжал Прут, осторожно укладывая мячик в сундук, — уже слишком темно, мы можем потерять его. Давай попробуем вот с этими.

Он вытащил из кармана несколько обыкновенных мячей для гольфа, и через пару минут они с Гарри уже парили над полем: Прут старался как можно дальше бросать мячи в разных направлениях, а Гарри ловил их.

Гарри не упустил ни одного мяча, и Прут был в восторге. Через полчаса окончательно стемнело, и продолжать не было возможности.

— В этом году Квиддичный Кубок будет наш, — счастливо предсказал Прут, когда они устало плелись к замку. — Не удивлюсь, если ты окажешься даже лучше Чарли Уизли, а он мог бы играть за сборную Англии, если бы не уехал гоняться за драконами.

* * *

Возможно, из-за чрезмерной занятости (всё-таки тренировки трижды в неделю, да ещё

ежедневная гора домашних заданий) Гарри с трудом верилось в то, что он пробыл в Хогвартсе уже два месяца. Замок за это время стал ему родным, каким никогда не был дом Дёрсли. Да и сами уроки становились всё интереснее теперь, когда они изучили основы.

Утром в Хеллоуин они, едва проснувшись, ощутили витающий в воздухе аромат запечённой тыквы. Что ещё приятнее: на уроке чар профессор Флитвик объявил, что сегодня они будут применять чары Левитации на практике — об этом они мечтали с тех пор, как по мановению палочки профессора жаба Невилла ракетой описала круг по классу. Профессор Флитвик разбил их на пары. Гарри в напарники достался Шеймас Финниган (к его, Гарри, облегчению — Невилл всё косился на него). А Рону повезло меньше: ему пришлось работать в тандеме с Гермионой Грейнджер. Причем трудно было сказать, кто из них был сильнее зол по этому поводу. Гермиона так и не разговаривала с ними с тех пор, как Гарри прислали метлу.

— Итак, не забудьте особое движение кисти, которое мы с вами отрабатывали! — воскликнул профессор Флитвик, взобравшись, по обыкновению, на стопку книг. — Легкое вращение и

резкий щелчок, запомните, вращение и щелчок. Произношение также крайне важно, — помните о колдуне Баруффьо, который произнес «ф» вместо «с», а в следующую секунду обнаружил, что лежит на полу, а на груди у него стоит бык.

Задача оказалась непростой. Гарри и Шеймас выполняли все необходимые движения, но перо, которое должно бы было взмыть в воздух, по-прежнему лежало на парте. Шеймас, окончательно потеряв терпение, принялся дубасить по перу палочкой, и, в конце концов, оно вспыхнуло; Гарри пришлось сбивать пламя шляпой.

У Рона за соседней партой дела шли не лучше.

— *Wingardium Leviosa!* — кричал он, размахивая руками, как ветряная мельница.

— Ты неправильно произносишь заклинание, — процедила Гермиона. — Win-*gar*-dium Levi-*o*-sa, слог «gar» должен быть чётким и долгим.

— Сама попробуй, раз ты такая умная, — огрызнулся Рон.

Гермиона закатала рукава мантии, коснулась палочкой пера и произнесла:

— *Wingardium Leviosa*!

Перо оторвалось от парты, поднялось вверх и замерло в десяти футах над ними.

— Прекрасно! — восторженно зааплодировал профессор Флитвик. — Все посмотрите, у мисс Грейнджер получилось!

До конца урока Рон пребывал в отвратительном настроении.

— Ясно, почему её все терпеть не могут, — пробурчал он Гарри, расталкивая ребят в переполненном коридоре. — Честно, она — настоящий кошмар.

Кто-то на бегу столкнулся с Гарри. Это была Гермиона. Гарри мельком увидел, что она была в слезах.

— По-моему, она тебя слышала.

— И что? — возразил Рон, но видно было, что ему не по себе. — Она сама наверняка заметила, что у неё нет друзей.

Гермиона не пришла на следующий урок; она не появлялась до вечера. Спускаясь в Большой Зал, предвкушая грандиозный пир в честь Хеллоуина, Гарри и Рон нечаянно услышали, как Парвати Патил рассказывает своей подруге, Лаванде, что Гермиона плачет в уборной и просит оставить её в покое. Рон заметно смутился, но в следующий миг они вошли в Большой Зал, и праздничное убранство вытеснило Гермиону из их мыслей.

Около тысячи живых летучих мышей перепархивали со стен на потолок и обратно; ещё столько же стремительно носились над столами, словно низкие чёрные тучи, отчего пламя свечей в фонарях из тыквы чуть колебалось. Угощение внезапно появилось на золотых блюдах, как и на банкете в честь начала учебного года.

Гарри как раз накладывал себе печёную картошку, как вдруг в Зал ворвался профессор Квиррелл — тюрбан набекрень, лицо искажено ужасом. Все проводили его взглядом; он подбежал к профессору Дамблдору, вцепился руками в край стола и выдохнул:

— Тролль… в подземельях… я решил, вы должны знать.

Он упал в обморок.

Началась паника. Профессору Дамблдору пришлось выпустить из палочки целый лиловый фейерверк, чтобы восстановить тишину.

— Префекты, — прогремел он, — немедленно разведите свои дома по гостиным!

Перси был в своей стихии.

— Следуйте за мной! Первокурсники, держитесь вместе! Если будете выполнять мои указания, тролля нечего бояться. Так, все строимся за мной. Пропустите первокурсников! Извините,

я префект!

— Как тролль пробрался в замок? — вслух поразился Гарри, поднимаясь с остальными по лестнице.

— Я и сам хотел бы знать, — они же тупые, как пробки, — нахмурился Рон. — Может, Брюзг впустил — в честь праздничка.

Они миновали группы ребят, спешащих в разных направлениях. Пробиваясь сквозь толпу растерянных хуфльпуфцев, Гарри внезапно схватил Рона за локоть.

— Я только что вспомнил — Гермиона.

— В смысле?

— Она не знает про тролля.

Рон закусил губу.

— Ну хорошо, — решил он, — Только, чтобы Перси нас не увидел.

Пригнувшись, они присоединились к хуфльпуфцам, двигавшимся в другую сторону, проскользнули в безлюдный боковой коридор и помчались к женской уборной. Завернув за угол, они услышали позади чьи-то шаги.

— Перси! — прошипел Рон, отволакивая Гарри за каменное изваяние грифона.

Однако, осторожно выглянув из-за статуи, они увидели вовсе не Перси, а Снейпа. Он стреми-

тельно прошагал по коридору и исчез из виду.

— Что он здесь делает? — прошипел Гарри. — Почему он не в подземельях с другими учителями?

— А то я знаю.

Стараясь двигаться бесшумно, они на цыпочках подкрались к следующему коридору вслед за удаляющимися шагами Снейпа.

— Он собрался на третий этаж, — начал Гарри, но тут Рон поднял руку:

— Ничего не чувствуешь?

Гарри принюхался; в нос ему ударила тошнотворная вонь, смесь запаха старых носков и общественной уборной, которую никто и не думает чистить.

И тут послышалось низкое хрюканье и шарканье громадных подошв. Рон остолбенело ткнул пальцем в коридор слева, — к ним приближалось нечто огромное. Они отпрянули в тень и следили; существо вступило в круг лунного света,

Это было ошеломляющее зрелище. Двенадцати футов ростом; тусклая, гранитно-серая шкура; бугорчатое, похожее на булыжник, тело с водружённой сверху маленькой лысой головкой, напоминающей кокос. Короткие, толстые, как стволы деревьев, ноги; плоские, ороговевшие

ступни. Смрад, исходящий от него, сражал наповал. В руке — огромная деревянная дубина, — она волочилась по полу, поскольку руки у тролля были слишком длинны.

Тролль остановился у дверного проема и заглянул внутрь. Он пошевелил ушами, что означало напряжённую работу крошечного мозга, — и, ссутулившись, неспешно прошаркал в комнату.

— Ключи в замке, — пробормотал Гарри. — Мы можем запереть его.

— Хорошая идея, — нервно отозвался Рон.

Они чуть ли не подползли к открытой двери (в горле у обоих пересохло), молясь про себя, чтобы троллю вдруг не пришло на ум выйти из комнаты. Тигриным прыжком Гарри подскочил к замку, выдернул из него ключи, и, захлопнув, запер дверь.

— *Есть!*

Окрылённые удачей, они уже бросились было обратно по коридору, но не успели они завернуть за угол, как услышали нечто, от чего кровь застыла в их жилах — вопль ужаса, — и доносился он из комнаты, которую они только что заперли.

— О, нет, — проговорил Рон, ставший бледнее Кровавого Барона.

— Это был женский туалет! — выдохнул Гарри.

— *Гермиона!* — одновременно выпалили они.

Меньше всего им хотелось это делать, — но разве был выбор? Резко развернувшись, они полетели обратно, к двери и, оглушённые паникой, повернули в замке ключ. Гарри рывком распахнул дверь, и они ворвались внутрь.

Гермиона съёжилась у противоположной стены, — судя по виду, она была на грани обморока. Тролль наступал на неё, на ходу сшибая со стен раковины.

— Отвлеки его! — в отчаянии крикнул Гарри Рону, и тот, схватив затычку от раковины, что есть силы метнул её в стену.

Тролль замер в нескольких футах от Гермионы. Он потоптался на месте, осматриваясь и тупо моргая в поисках источника шума. Взгляд тусклых глаз задержался на Гарри. Тролль поколебался и затем шагнул к нему, занося дубину.

— Эй, тупоголовый! — проорал Рон от другой стены и швырнул в тролля кусок металлической трубы. Удар для того оказался всё равно что слону дробина, но вопль он услышал и вновь застыл, поворачивая к Рону уродливую физиономию, — у Гарри появилась возможность обежать тролля кругом.

— Давай же, беги, *беги*! — заорал Гарри Герми-

оне, силясь подтолкнуть её к двери, но та, не в силах пошевелиться, вжималась в стену с приоткрытым от ужаса ртом.

Крики и их эхо, похоже, приводили тролля в бешенство. Он снова взревел и направился к Рону, который был ближе всех, — тому было некуда деваться.

Гарри совершил очень смелый и вместе с тем нелепый поступок: он разбежался, высоко подпрыгнул и умудрился обхватить сзади тролля за шею. Тот не мог почувствовать, что на нём повис Гарри, но даже тролль заметит, если в нос ему засунуть длинный кусок дерева, — а, когда Гарри прыгал, палочка по-прежнему оставалась у него в руке, — и она воткнулась троллю точно в ноздрю.

Завывая от боли, тролль топтался на месте и потрясал дубиной; Гарри по-прежнему висел на нём, отчаянно цепляясь за шею. В любую секунду тролль мог сбросить его или пришибить дубиной.

Гермиона сползла на пол; Рон выхватил палочку, — не понимая, что вообще собирается сделать, он выкрикнул первое пришедшее на ум заклинание:

— *Wingardium Leviosa!*

Внезапно дубина вылетела из руки тролля; она поднималась все выше и выше в воздух, — затем медленно перевернулась — и с отвратительным треском рухнула прямо на голову владельцу. Тролль покачнулся и упал ничком с грохотом, от которого содрогнулась вся уборная.

Гарри, дрожа и ловя ртом воздух, поднялся на ноги. Рон стоял поблизости с по-прежнему поднятой палочкой, таращась на всё, что устроил.

Первой подала голос Гермиона.

— Он… мёртв?

— Вряд ли, — отозвался Гарри. — Скорее, просто потерял сознание.

Он, нагнувшись, вытащил палочку из носа тролля. Она вся была вымазана чем-то, напоминавшим грязно-серый клей.

— Фу-у — тролльские сопли.

Он вытер палочку о штаны тролля.

Неожиданно за спиной у них раздались громкие шаги; все трое оглянулись. Они даже не заметили, какой шум подняли, но внизу наверняка было слышно грохот и рёв тролля. В следующий миг хлопнула дверь, и в уборную ворвалась профессор Макгонаголл; за ней по пятам следовал Снейп, а замыкал цепочку Квиррелл. Последний, едва заметив тролля, с полуобморочным всхлипом сел

на унитаз, схватившись за сердце.

Снейп склонился над троллем. Профессор Макгонаголл воззрилась на Гарри и Рона. Гарри никогда не видел её такой рассерженной. Губы её побелели от гнева. Надежда на поощрение для Гриффиндора в виде пятидесяти баллов улетучилась без следа.

— О чем вы вообще думали? — с холодной яростью в голосе поинтересовалась профессор Макгонаголл. Гарри искоса взглянул на Рона, который до сих пор стоял с высоко поднятой палочкой. — Вам повезло остаться в живых. Почему вы до сих пор не в спальне?

Снейп буравил Гарри взглядом. Тот уставился в пол. Он мысленно просил Рона опустить, в конце концов, палочку.

Неожиданно из угла донёсся слабый голос:

— Профессор Макгонаголл, — они искали меня.

— Мисс Грейнджер!

Гермионе наконец удалось подняться на ноги.

— Я решила разыскать тролля, потому что я… я подумала, что смогу самостоятельно справиться с ним… ну, потому что я читала о них.

Рон выронил палочку. Гермиона Грейнджер? Лжёт преподавателю?

— Если бы они не нашли меня, я уже была бы

мертва. Гарри воткнул ему палочку в нос, а Рон оглушил его же собственной дубиной. У них не было времени звать кого-то на помощь. Когда они появились, тролль уже был готов прикончить меня.

Гарри и Рон постарались сделать вид, что не слышат эту историю впервые.

— Ну… в таком случае… — отрывисто проговорила профессор Макгонаголл, пристально глядя на всех троих. — Мисс Грейнджер, глупая вы девочка, как вам могло прийти в голову в одиночку сражаться с горным троллем?

Гермиона понурила голову. Гарри не мог вымолвить ни слова. Гермиона и думать не смела о том, чтобы нарушить правила, — а сейчас притворяется, что нарушила, — и всё ради их спасения. Всё равно, что если бы Снейп начал раздавать сладости.

— Мисс Грейнджер, за ваш проступок Гриффиндор лишается пяти баллов, — сурово заявила профессор Макгонаголл. — Вы меня очень огорчили. Если вы совсем не пострадали, отправляйтесь в гостиную. Ученики заканчивают банкет там.

Гермиона ушла.

Профессор Макгонаголл повернулась к мальчишкам.

— Как я уже сказала, вам повезло, что вы все ещё живы, но немногим первокурсникам удалось бы справиться со взрослым горным троллем. Я проинформирую об этом профессора Дамблдора. Каждому из вас — по пять баллов. Можете идти.

Они поспешили на выход и не разговаривали до тех пор, пока не поднялись на два этажа. Было громадным облегчением наконец избавиться от троллевой вони, не говоря уже обо всём остальном.

— Могла бы дать нам побольше, чем десять баллов, — пробурчал Рон.

— Вообще-то, пять, Гермиону же наказали.

— Она молодец, что вытащила нас из беды, — признал Рон. — С другой стороны, мы все-таки спасли её.

— Может, и не пришлось бы, не запри мы дверь, — напомнил ему Гарри.

Они добрались до портрета Полной Леди.

— Свиной пятачок, — машинально сказали они.

Гостиная была битком набита оживлёнными ребятами. Все уплетали лакомства, что принесли им наверх. Но Гермиона стояла возле двери, дожидаясь их. Последовало неловкое молчание. И тут все трое, не глядя друг на друга, хором произ-

несли: «Спасибо!» и поспешили за тарелками.

С этого дня Гермиона Грейнджер стала их другом. Существуют такие события, пережив которые вместе, неизбежно проникаешься симпатией друг к другу. И победа над двенадцатифутовым горным троллем, безусловно, к ним относится.

Глава одиннадцатая
КВИДДИЧ

Наступил ноябрь, и в окрестностях резко похолодало. Горы, окружавшие замок, покрылись тонкой ледяной коркой, а вода в озере приобрела серо-стальной оттенок. Каждую ночь землю подмораживало. Из окон на верхних этажах часто можно было наблюдать, как Хагрид на квиддичном поле очищает мётлы ото льда, закутанный в длинное кротовое пальто, в варежках из кроличьего меха и огромных ботинках из бобровой кожи.

Начинался квиддичный сезон. В субботу, после стольких недель тренировок, Гарри предстояло участвовать в своём первом матче: Гриффиндор против Слизерина. Если Гриффиндор победит, они поднимутся на второе место в общекомандном зачёте.

Практически никто ещё не видел Гарри на тренировке, — Прут посчитал, что его, как секретное оружие команды, не стоит выставлять напоказ. Но новость, что Гарри стал следопытом, каким-то образом вскоре расползлась по всей школе, и те-

перь он не знал, что хуже: когда ему предрекали потрясающий дебют, или когда обещали бегать по полю с матрасом в случае чего.

Гарри по-настоящему повезло, что Гермиона стала его другом. Он не представлял, как бы без неё справлялся со всей своей домашней работой, с учётом того, что в преддверии матча Прут, дай ему волю, устраивал бы тренировки по нескольку раз на дню. Гермиона вдобавок одолжила ему книгу «*Квиддич сквозь века*», из которой Гарри почерпнул массу интересного.

Он выяснил, что существует семьсот нарушений правил квиддича, и все они были совершены в течение финального матча Чемпионата мира в 1473 году; что следопыты обычно были самыми быстрыми и миниатюрными игроками, и серьёзные травмы по большей части, похоже, получали именно они; что, хотя люди редко погибали, играя в квиддич, известны случаи, когда во время матча внезапно исчезал судья, а месяцы спустя его находили в пустыне Сахара.

С тех пор, как Гарри и Рон спасли Гермиону от горного тролля, она гораздо спокойнее относилась к нарушению школьных правил, благодаря чему с ней стало куда приятнее общаться. За день до первого матча Гарри, на перемене, они

втроём вышли во двор, — там было довольно прохладно, и Гермиона наколдовала ярко-синее пламя, которое можно было переносить в банке. Они грелись, стоя спиной к огню; внезапно в поле зрения показался шагающий через двор Снейп. Гарри моментально заметил, что тот прихрамывал. Ребята придвинулись ближе друг к другу, чтобы заслонить собой костерок; они не сомневались, что разводить огонь на территории школы запрещено. К несчастью, их виноватые лица, похоже, привлекли внимание Снейпа. Он направился к ним. Огня Снейп не заметил, но это их не спасло, — профессор и так явно искал, к чему бы придраться.

— Что это у вас, Поттер?

Это был «*Квиддич сквозь века*». Гарри показал ему книгу.

— Библиотечные книги запрещено выносить из школы, — просветил его Снейп. — Отдайте её мне. Пять баллов с Гриффиндора.

— Он только что придумал это правило, — сердито пробурчал Гарри, едва Снейп отхромал на приличное расстояние. — Что это, интересно, у него с ногой?

— Да какая разница, — главное, чтоб болело посильнее, — мстительно проговорил Рон.

* * *

Вечером в гостиной Гриффиндора царила очень оживлённая атмосфера. Гарри, Рон и Гермиона сели рядом у окна. Гермиона просматривала их домашние задания по чарам. Она никогда не давала списывать, но соглашалась проверять их работы, — таким образом, они всё равно узнавали правильные ответы.

Гарри ощущал беспокойство. Ему нужна был «*Квиддич сквозь века*», чтобы отвлечься от переживаний по поводу завтрашнего матча. Почему он вообще должен бояться Снейпа? Поднявшись на ноги, Гарри объявил Рону и Гермионе, что пойдёт и попросит Снейпа вернуть книгу.

— Может, не стоит, — хором возразили они, но Гарри пришло в голову, что Снейп не откажет ему в присутствии других преподавателей.

Он спустился к учительской и постучал в дверь. Никто не открыл. Он постучал ещё раз. Безрезультатно.

Может, Снейп оставил книгу в учительской? Попытка не пытка, решил Гарри; он приоткрыл дверь и осторожно заглянул внутрь; его глазам предстала кошмарная сцена.

В учительской были только Снейп и Филч.

Снейп закатал одну штанину выше колена. Нога его была окровавлена и изодрана. Филч протягивал Снейпу бинт.

— Проклятая зверюга, — сквозь зубы процедил Снейп. — Как, скажите мне, можно уследить за тремя головами сразу?

Гарри попытался тихо прикрыть дверь, но не тут-то было.

— ПОТТЕР!

Лицо Снейпа исказилось от ярости; он мгновенно прикрыл ногу полой мантии. Гарри нервно сглотнул.

— Я только хотел узнать, сэр, нельзя ли мне забрать свою книгу.

— ВОН ОТСЮДА! ВОН!

Гарри сорвался с места, пока Снейп не успел снять с Гриффиндора ещё несколько баллов, и помчался наверх.

— Удалось? — спросил Рон, едва Гарри уселся рядом. — Эй, что случилось?

Гарри шёпотом пересказал им все, что только что увидел.

— Вы понимаете, что это значит? — обессиленно выдохнул он. — В Хеллоуин он пытался пробраться мимо этого трёхголового пса! Вот куда он шёл, когда мы видели его, — он хочет украсть

то, что спрятано в тайнике! Спорю на свою метлу, это он впустил тролля, чтобы отвлечь внимание других учителей!

Гермиона округлила глаза.

— Да нет… нет, конечно, — пробормотала она. — Снейп далеко не подарок, но он не стал бы красть то, что оберегает Дамблдор.

— Гермиона, тебя послушать, так учителям только нимба над головой не хватает, — вмешался Рон. — Согласен с Гарри. Я тоже не доверяю Снейпу. Но что ему нужно? Что стережёт собака?

Когда Гарри отправился в постель, в голове его назойливо вертелся тот же самый вопрос. Невилл уже громко храпел, но Гарри никак не мог уснуть. Он попытался ни о чём не думать, — ему просто необходимо было хотя бы вздремнуть, как-никак, первый матч через несколько часов — но не так-то легко было забыть выражение лица Снейпа, когда Гарри увидел его ногу.

* * *

Следующее утро выдалось довольно холодным, но солнце светило очень ярко. Большой Зал полнился соблазнительным ароматом жареных сосисок и весёлой болтовнёй ребят, предвкушающих интересный матч.

— Тебе нужно поесть.

— Не хочется.

— Хотя бы кусочек тоста, — настаивала Гермиона.

— Я не голоден.

Гарри чувствовал себя ужасно. Через какой-то час он должен будет выйти на поле.

— Гарри, надо подкрепиться, — поддержал Гермиону Шеймас Финниган. — Следопытов всегда стараются вывести из строя первыми.

— Спасибо, Шеймас, — мрачно поблагодарил Гарри, наблюдая, как тот поливает сосиски кетчупом.

* * *

К одиннадцати часам на трибунах собралась чуть ли не вся школа. У многих ребят были при себе бинокли. Хотя скамьи и были установлены достаточно высоко, все же подчас бывало трудно уследить за игрой.

Рон и Гермиона присоединились к кучке болельщиков в лице Невилла, Шеймаса, и Дина, сидевших в верхнем ряду. Приятным сюрпризом для Гарри стало внушительных размеров знамя, разукрашенное ими собственноручно — одна из простыней, изуродованных Корыстиком.

Поперёк знамени шла надпись: «*Поттера — в президенты*», а Дин, который неплохо рисовал, изобразил под ней большого гриффиндорского льва. Потом Гермиона немного поколдовала над надписью, и та начала переливаться разными цветами.

Между тем Гарри и другие члены команды переодевались в алые спортивные мантии (слизеринцы играли в зелёном).

Прут прокашлялся, призывая игроков к вниманию.

— Итак, господа, — начал он.

— И дамы, — вставила гончая Алисия Спиннет.

— И дамы, — согласился Прут. — Час настал.

— Великий час, — встрял Фред Уизли.

— Час, которого мы все ждали, — добавил Джордж.

— Знаем речь Оливера наизусть, — подмигнул Фред Гарри, — мы в команде с прошлого года.

— Да замолчите вы оба, — оборвал его Прут. — Такой сильной команды у Гриффиндора давно не было. Мы победим. Я знаю.

Он окинул остальных взглядом, словно говоря: «А не то…»

— Ну вот. Пора. Удачи всем.

Гарри вышел из раздевалки вслед за Фредом

и Джорджем и, надеясь, что ноги не откажут по дороге, под громкие аплодисменты побрёл по полю.

Матч судила мадам Фьюч. Она стояла в центре поля с метлой в руке, в ожидании команд.

— Значит, так — я хочу посмотреть на красивую, честную игру, — это относится к каждому из вас, — отчеканила она, едва они собрались вокруг неё. Гарри показалось, что она обращалась лично к капитану команды Слизерина, шестикурснику Маркусу Флинту. Судя по внешности Флинта, у него в роду были и тролли. Краем глаза Гарри заметил развевающееся на ветру знамя с надписью «*Поттера — в президенты*». Его сердце подскочило; он почувствовал себя увереннее.

— По мётлам, пожалуйста.

Гарри взобрался на «Нимбус-2000».

Мадам Фьюч с силой дунула в серебряный свисток.

Пятнадцать мётел взмыли в воздух и поднимались все выше, выше… Игра началась.

— И квоффл немедленно перехватывает гриффиндорка Анджелина Джонсон — превосходная гончая, и, к тому же, довольно привлекательная…

— ДЖОРДАН!

— Простите, профессор.

Под неусыпным контролем профессора Макгонаголл, матч комментировал друг близнецов Уизли, Ли Джордан.

— И вот она мчится вперед, точный пас Алисии Спиннет — прекрасная находка Оливера Прута, в прошлом году была только запасной — обратно Джонсон, и — нет, слизеринцы перехватывают квоффл, он у капитана Слизерина, Маркуса Флинта — он приближается к кольцам, собирается за… — но его блокирует вратарь, Оливер Прут, и квоффл вновь у Гриффиндора — Кэти Белл ловит его, ловко обходит Флинта и — УЙ! — должно быть, больно получить бладжером по затылку — мяч у слизеринцев — Адриан Пьюси устремляется к кольцам, но его останавливает другой бладжер — работа одного из Уизли, не могу сказать, Фреда или Джорджа — и квоффл снова у Джонсон, поле чисто — она уворачивается от бладжера — кольца уже близко — давай же, Анджелина — вратарь Блетчли совершает бросок — промахивается — ГОЛ!

Ледяной воздух взорвали аплодисменты гриффиндорцев вперемешку с воем и стонами слизеринцев.

— Давайте-ка, потеснитесь.

— Хагрид!

Рон и Гермиона придвинулись друг к другу, чтобы освободить Хагриду место.

— Смотрел из хижины, — сообщил Хагрид, похлопав по висевшему на шее огромному биноклю, — но здесь поинтересней буит. Снича не было видно?

— Нет, — отозвался Рон. — Гарри пока что без работы.

— Ну, хоть цел, и то хорошо, — пожал плечами Хагрид, глядя в бинокль на небольшое пятно в воздухе, которым отсюда казался Гарри.

Высоко над трибуной, Гарри парил над полем в поисках снича. Это было частью тактики, разработанной Прутом.

— Держись подальше от игроков, пока не увидишь снич, — твердил Прут. — Не нужно, чтобы на тебя напали раньше времени.

Когда Анджелина забила, Гарри сделал пару сальто, чтобы дать выход эмоциям. Теперь он вновь высматривал снич. Как-то он углядел золотой отблеск, но это были лишь наручные часы одного из близнецов Уизли; а в другой раз в его направлении вдруг промчался бладжер, больше похожий на пушечное ядро, чем на мяч, — но Гарри увернулся, и за бладжером погнался Фред

Уизли.

— Все нормально, Гарри? — проорал он, ударом биты отправляя мяч в Маркуса Флинта.

— С мячом Слизерин, — частил Ли Джордан. — Пьюси увиливает от обоих бладжеров, обоих Уизли, гончей Белл и мчится к… — погодите — это, часом, не снич?

Зрители зашумели, а Адриан Пьюси выронил квоффл, выворачивая шею, — у его левого уха только что сверкнула золотая вспышка.

Гарри увидел снич. В страшном волнении он устремился вниз. Заметил крошечный мяч и слизеринский следопыт, Терренс Хиггс. Они бок о бок мчались за ним, а гончии, похоже, забыли, что им нужно делать, застыв в воздухе.

Гарри оказался быстрее Хиггса; он различил сверкающий на солнце мячик, трепещущие крылья; снич резко взмыл в небо; Гарри прибавил скорость…

БУМ! Снизу донеслись гневные возгласы гриффиндорцев: Маркус Флинт намеренно врезался в Гарри, и метла последнего сбилась с курса; Гарри чуть не свалился на землю.

— Фол! — эхом прокатилось по гриффиндорским трибунам.

Мадам Фьюч сердито отчитала Флинта, после

чего назначила штрафной удар у колец Слизерина. Но из-за всей этой путаницы, снич, разумеется, снова исчез.

Дин Томас голосил:

— Удалите его с поля, судья! Красную карточку!

— Дин, что ты несёшь? — поднял брови Рон.

— Красная карточка! — злобно выпалил Дин. — В футболе за такое показывают красную карточку, и ты выбываешь из игры!

— Дин, это же не футбол, — напомнил тому Рон.

Однако Хагрид был на стороне Дина.

— Им надо менять правила. Этот Флинт запросто мог сбить Гарри с метлы.

Ли Джордану явно не удавалось оставаться беспристрастным.

— Итак — после этого явного и отвратительного хулиганства…

— Джордан! — прорычала профессор Макгонаголл.

— Я хотел сказать, после этого умышленного, гнусного нарушения правил…

— Джордан, я предупреждаю вас…

— Хорошо, хорошо. Флинт едва не убил гриффиндорского следопыта, однако это, без сомнения,

может случиться с каждым, — Спиннет принимает пенальти, пробивает, без проблем, и мы продолжаем игру, Гриффиндор по-прежнему ведет.

Гарри увернулся от очередного бладжера, просвистевшего прямо у него над головой, — тут-то всё и началось. Его метла внезапно опасно накренилась. На долю секунды Гарри показалось, что он не сумеет удержаться на ней. Он крепко обхватил метлу обеими руками и коленями. Никогда ещё он не испытывал ничего страшнее.

И опять. Метла словно пыталась сбросить его. Но вряд ли «Нимбус-2000» вдруг решил избавиться от своего седока. Гарри попытался вернуться к гриффиндорским кольцам, — ему пришло на ум попросить Прута объявить тайм-аут, — и внезапно понял, что метла совершенно вышла из-под контроля. Он не мог развернуться. Вообще не мог ею управлять. Метла зигзагами носилась над полем, на каждом рывке грозя сбросить-таки Гарри вниз.

Ли продолжал комментировать.

— Слизерин ведет — квоффл у Флинта — уходит от Спиннет — обводит Белл — удар в лицо бладжером, надеюсь, у него сломан нос — просто шутка, профессор — Слизерин забивает — о нет…

Слизеринцы ликовали. Казалось, никто и не замечал, что метла Гарри ведёт себя ненормально. Она медленно набирала высоту, унося его все дальше от других игроков, дёргаясь и петляя на ходу.

— Чиво он там се думает? — пробормотал Хагрид, наблюдая за Гарри в бинокль. — Не знай я его, сказал бы, что не Гарри метлой рулит, а она им… но не мог же он…

Неожиданно ребята на трибунах загалдели, указывая на Гарри пальцами. Его метла переворачивалась в воздухе, — ему лишь чудом удавалось удержаться на ней. И тут зрители как один испуганно вскрикнули. Метла Гарри бешено рванулась в сторону, и тот соскользнул с неё. Теперь он болтался в воздухе, цепляясь за метлу одной рукой.

— Может, что-то с ней случилось, когда Флинт врезался в Гарри? — прошептал Шеймас.

— Не может быть, — дрожащим голосом отозвался Хагрид. — Не могло метлу что-то повредить, кроме заклятья какого-нить — не мог парень такое сделать с «Нимбусом».

При этих словах Гермиона схватила бинокль Хагрида, но, вместо того, чтобы смотреть на Гарри, она в панике вгляделась в толпу.

— Что ты делаешь? — возопил пепельно-серый Рон.

— Я так и знала, — задохнулась от волнения Гермиона. — Снейп — смотри.

Рон вцепился в бинокль. Снейп сидел в центре противоположной трибуны. Не отрывая взгляда от Гарри, он что-то безостановочно бормотал себе под нос.

— Он заколдовывает метлу, — пояснила Гермиона.

— Но что нам делать?

— Положись на меня.

Не успел Рон вставить хоть слово, как Гермиона исчезла. Рон вновь уставился на Гарри в бинокль. Его метла угрожающе вибрировала, так, что держаться за неё было уже практически невозможно. Все вскочили на ноги, в ужасе наблюдая за ним, — близнецы Уизли приблизились к Гарри, чтобы перетащить его на одну из своих мётел, но ничего не вышло — метла лишь подскочила ещё выше. Они спустились ниже и закружили под ним, видимо, надеясь поймать его, если он начнет падать. Маркус Флинт сцапал квоффл и пять раз забросил его в кольцо, чего никто так и не заметил.

— Давай же, Гермиона, — в отчаянии пробор-

мотал Рон.

Гермиона тем временем пробилась к трибуне, где сидел Снейп, и теперь мчалась по ряду позади него; она даже не извинилась, сбив с ног профессора Квиррелла. Добравшись до Снейпа, она присела на корточки, вытащила палочку и прошептала заклинание. Из палочки вырвалось синее пламя и подожгло полу мантии Снейпа.

Тому понадобилось примерно тридцать секунд, чтобы понять, что он горит. Внезапный вопль оповестил её о том, что она справилась с задачей. Гермиона мановением палочки смела пламя в небольшую банку в кармане и начала пробираться обратно, — Снейп никогда ни о чём не догадается.

Этого хватило. Гарри неожиданно удалось вскарабкаться на метлу.

— Невилл, можешь открыть глаза! — крикнул Рон. Последние пять минут Невилл всхлипывал, уткнувшись в куртку Хагрида.

Гарри спикировал к земле, и тут зрители увидели, как он прижал руку ко рту, словно его тошнило, — он приземлился на четвереньки, — кашлянул, — и в руке у него блеснуло что-то золотое.

— Я поймал снич! — закричал он, высоко под-

няв мячик над головой, и игра завершилась полной неразберихой.

— Он его не поймал, он его чуть не проглотил, — всё ещё завывал Маркус Флинт двадцать минут спустя, но это уже было неважно, — Гарри не нарушил никаких правил, и Ли Джордан счастливо объявил результат матча: Гриффиндор победил со счётом сто семьдесят — шестьдесят. Впрочем, ничего этого Гарри не слышал. Он вместе с Роном и Гермионой сидел в хижине Хагрида, — лесник уже заваривал ему чашку крепкого чая.

— Это был Снейп, — объяснял Рон, — мы с Гермионой своими глазами видели. Он заколдовывал твою метлу, — бормотал что-то, глаз не отводил.

— Ерунда, — не поверил Хагрид, не слышавший ни слова из того, что происходило рядом с ним на трибуне. — Зачем Снейпу это нужно?

Гарри, Рон и Гермиона переглянулись, размышляя, что ему ответить. Гарри решил рассказать правду.

— Я кое-что о нём узнал, — пояснил он. — В Хеллоуин он пытался пробраться мимо этого трёхголового пса. Но пёс его укусил. Мы думаем, Снейп хочет украсть то, что тот стережёт.

Хагрид выронил чайник.

— Откуда вы знаете про Пушка? — поразился он.

— *Пушка*?

— Ну да — это ж мой пёс — купил его у одного парнишки-грека в пабе, в прошлом году, — я его Дамблдору одолжил, чтоб охранял…

— Да? — нетерпеливо спросил Гарри.

— Так, не спрашивай меня больше ни о чём, — отрезал Хагрид. — Эт большая тайна, г'рю те.

— Но Снейп хочет *украсть* эту вещь.

— Ерунда, — повторил Хагрид. — Снейп — преподаватель Хогвартса, у него и в мыслях такого нет.

— Так почему тогда он чуть не убил Гарри? — возразила Гермиона.

Сегодняшние события, похоже, изменили её отношение к Снейпу.

— Я сумею распознать проклятие, Хагрид, я столько о них читала! Нужен зрительный контакт, а Снейп даже не моргал, я видела!

— Я вам г'рю, вы ошибаетесь! — упрямо твердил Хагрид. — Не знаю, что стряслось с метлой Гарри, да тока Снейп не станет убивать ученика! Терь слушайте мя, все трое, — вы суёте нос в дела, которые к вам не относятся. Это опасно. Забудьте этва пса, забудьте то, что он охраняет, — это ка-

сается только профессора Дамблдора и Николаса Фламеля...

— Ага! — довольно произнёс Гарри. — Значит, здесь замешан некто под именем Николас Фламель?

Судя по виду Хагрида, тот был жутко зол на самого себя.

Глава двенадцатая
ЗЕРКАЛО ДЖЕДАН

Приближалось Рождество. Проснувшись одним декабрьским утром, обитатели Хогвартса обнаружили, что замок окружён снежным ковром толщиной в несколько футов. Озеро окончательно замёрзло, а близнецам Уизли досталось за очередную проделку: они заколдовали снежки так, что те гонялись за профессором Квирреллом и били его по затылку, отскакивая от тюрбана. Тем немногим почтовым совам, которым удавалось пробиться к замку сквозь вьюгу, приходилось пройти курс лечения у Хагрида, — и лишь после этого они могли лететь назад.

Все с нетерпением ждали начала каникул. В каминах гриффиндорской гостиной и Большого Зала круглосуточно пылал огонь, но в коридорах гулял ледяной сквозняк, а окна трещали от порывов пронизывающего до костей ветра. Хуже всего было в подземельях, на занятиях Снейпа, — на морозе изо рта вырывались клубы пара, и ребята пытались держаться как можно ближе к кипящим котлам.

— Мне ужасно жаль, — протянул как-то Драко Малфой на уроке зелий, — тех, кому придётся на Рождество остаться в Хогвартсе, потому что дома они никому не нужны.

При этих словах он в упор посмотрел на Гарри. Крэбб и Гойл загоготали. Гарри, взвешивая толчёный хребет крылатки, не обратил на него внимания. Малфой стал ещё неприятнее с тех пор, как гриффиндорцы одержали победу в квиддичном матче. Раздражённый поражением Слизерина, он выдумал новую колкость: что в следующем матче вместо Гарри на поле выйдет широкоротая древесная лягушка. Вскоре он понял, что его шутка никого не веселит, — наоборот, все были впечатлены тем, что Гарри удалось обуздать брыкающуюся метлу. Так что разозлённый Малфой, сгорая от зависти, вернулся к прежней тактике — издевательским напоминаниям Гарри, что у того не было настоящей семьи.

Гарри действительно не собирался возвращаться на Бирючинный проезд. Неделей раньше профессор Макгонаголл составляла список учеников, которые останутся в замке, и Гарри тотчас же подписался. Ему вовсе не было жаль себя, — это Рождество обещало стать лучшим в его жизни. Тем более, Рон с братьями тоже оставались, —

мистер и миссис Уизли уезжали в Румынию, навестить Чарли.

Выбравшись из подземелий после урока зелий, они обнаружили, что коридор перекрывает гигантская ель, — за которой, судя по двум торчащим из-под неё исполинским ступням и громкому пыхтению, находился Хагрид.

— Привет, Хагрид, помощь нужна? — спросил Рон, сунув голову в ветки.

— Не, я в порядке, пасиб, Рон.

— Будьте так любезны отойти с дороги, — послышался позади манерный голос Малфоя. — Пытаешься подзаработать, Уизли? Видимо, надеешься тоже стать лесником, когда закончишь Хогвартс. Оно и понятно, — хижина Хагрида — просто дворец по сравнению с вашим жилищем.

Рон прыгнул на Малфоя именно в тот момент, когда на лестнице появился Снейп.

— УИЗЛИ!

Рону волей-неволей пришлось выпустить из рук воротник мантии Малфоя.

— Его спровоцировали, профессор Снейп, — из-за ели показалось бородатое лицо Хагрида. — Малфой оскорбил его семью.

— И, тем не менее, правилами Хогвартса драки запрещены, — елейным тоном возразил

Снейп. — Пять баллов с Гриффиндора, Уизли, и скажите спасибо, что не больше. Проходите, не толпитесь.

Малфой, Крэбб и Гойл, ухмыляясь, грубо протиснулись мимо дерева, ломая ветви, — на пол дождём посыпались иголки.

— Он у меня получит, — Рон скрипел зубами, глядя в спину удаляющемуся Малфою. — Скоро он у меня получит.

— Ненавижу обоих, — буркнул Гарри. — Что Малфоя, что Снейпа.

— Та ладно вам, веселей, Рождество ж на носу, — подбодрил их Хагрид. — Вот чего, пошли со мной в Большой Зал, — там с'час здорово.

Троица проводила Хагрида и ёлку в Большой Зал, который усердно украшали профессора Макгонаголл и Флитвик.

— А, Хагрид, последняя ёлочка, — поставь её в тот угол, пожалуйста.

Зал выглядел впечатляюще. По стенам были развешены венки из остролиста и омелы, и по меньшей мере двенадцать рождественских елей — расставлены по всему Залу: одни сверкали крошечными сосульками, другие мерцали сотнями зажжённых свечей.

— Ну, долго вам ишо ждать каникул? — добро-

душно поинтересовался Хагрид.

— Всего один день, — отозвалась Гермиона. — Чуть не забыла, — Гарри, Рон, у нас до обеда полчаса, а нужно ещё зайти в библиотеку.

— Да, точно, — согласился Рон, с трудом отрывая взгляд от профессора Флитвика, — тот, выпуская из кончика палочки золотистые шарики, мановением руки развешивал их по ветвям только что принесённой ели.

— В библиотеку? — удивился Хагрид, выходя вслед за ними из Зала. — Прям перед каникулами? Да вы просто умники какие-то.

— Это не по учёбе, — радостно сообщил ему Гарри. — С тех пор, как ты упомянул Николаса Фламеля, мы пытаемся выяснить, кто он такой.

— Вы — *что*? — Хагрид был поражён. — Слухайте сюды — я ить сказал уж — забудьте об этом. Какое вам дело, что охраняет пёс?

— Мы всего лишь хотим узнать, кто такой Николас Фламель, вот и всё, — заверила его Гермиона.

— Может, расскажешь сам и облегчишь нам задачу? — предложил Гарри. — Мы пролистали уже сотни книг и нигде ничего не нашли, — хотя бы намекни, я же видел где-то его имя.

— Ничего я вам не скажу, — бескомпромиссно заявил Хагрид.

— Значит, придется нам работать самим, — подытожил Рон, и все трое поспешили в библиотеку, оставив возмущённого Хагрида позади.

Они действительно перерыли массу книг с тех пор, как Хагрид проговорился насчёт Фламеля, — а как иначе выяснить, что пытается украсть Снейп? Проблема в том, что они не знали, с чего начать, — неизвестно, что мог совершить Фламель, чтобы попасть в какую-нибудь книгу. Его имя не упоминалось ни в «*Великих чародеях XXвека*», ни в «*Выдающихся колдунах нашего времени*»; не было его и в «*Важнейших открытиях в колдовстве*», и в «*Исследовании недавних достижений магии*». Задачу усложняли и масштабы самой библиотеки: десятки тысяч книг; тысячи полок; сотни узких рядов.

Гермиона извлекла из кармана список заголовков и тем, которые выбрала на сегодня, в то время как Рон прошагал к одному из рядов и начал наугад вытаскивать книги. Гарри добрёл до Запретной секции. Он уже раньше гадал, не мог ли Фламель быть где-то там. К сожалению, чтобы получить доступ к тем книгам, нужно было специальное разрешение, подписанное одним из преподавателей, а Гарри знал, что никогда такое не получит. Это были книги, содержавшие

описания сильнейших заклинаний тёмной магии, которой в Хогвартсе никогда не обучали, и их читали лишь старшие ученики, изучавшие высший курс защиты от тёмных искусств.

— Что ты ищешь, мальчик?

— Ничего, — быстро ответил Гарри.

Библиотекарша, мадам Пинс, наставила на него метёлку для пыли.

— Тогда тебе лучше уйти. Ну, кому говорю!

Жалея, что не успел сходу состряпать какую-нибудь историю, Гарри вышел из библиотеки. Они с Роном и Гермионой уже согласились, что не стоит спрашивать мадам Пинс о Фламеле. Наверняка она сумела бы им помочь, но рисковать было нельзя, — Снейп мог узнать, что они замышляли.

Гарри подождал Рона и Гермиону в коридоре, не особо надеясь, впрочем, что те чего-то добьются. Их поиски продолжались уже две недели, но время на них появлялось лишь в перерывах между занятиями, — так что неудивительно, что ничего не получалось. Что им было нужно, так это долгая, качественная работа и отсутствие мадам Пинс, вечно стоявшей над душой.

Пять минут спустя Рон с Гермионой присоединились к нему, отрицательно мотая головами. Они отправились на обед.

— Вы ведь не бросите это дело, пока меня не будет? — обратилась к ним Гермиона. — Пришлите мне сову, если найдёте хоть что-нибудь.

— А ты можешь спросить у родителей насчёт этого Фламеля, — предложил Рон. — Уж здесь-то риска никакого.

— Это точно, с учётом того, что оба — зубные врачи, — согласилась Гермиона.

* * *

Но, когда начались каникулы, Гарри и Рон чересчур безмятежно проводили время, чтобы думать о Фламеле. Теперь они делили спальню вдвоём, а в гостиной было куда меньше народу, чем обычно, так что освободились удобные кресла у камина. Они подолгу сидели у огня, поедая всё, что можно было нанизать на шампур и поджарить: хлеб, крампеты, маршмэллоу, — и строя козни на тему исключения Малфоя из школы, — последнее было особенно весело, хотя эти планы никогда не сработали бы.

Ещё Рон решил научить Гарри играть в волшебные шахматы. В точности как магловые, не считая одушевлённости фигур, что придавало им сходство с реальными солдатами в бою. Набор Рона был очень старым и потрёпанным. Как и

все остальные его вещи, он раньше принадлежал другому члену семьи, — в данном случае, деду. Впрочем, преклонный возраст фигур вовсе не был недостатком. Рон знал их так хорошо, что они беспрекословно подчинялись ему.

Гарри же играл фигурами, которые одолжил ему Шеймас Финниган, и те ему совершенно не доверяли. Он ещё не слишком хорошо играл, и фигуры постоянно засыпали его советами вроде: «Не посылай меня туда, ты что, не видишь вражеского коня? Пошли *его, его* нам потерять не страшно».

В сочельник Гарри отправился в постель в предвкушении вкусного угощения и веселья, но никак не подарков. И всё же, первым, что он увидел, проснувшись рано утром, стала небольшая стопка свёртков у изножья кровати.

— С Рождеством тебя, — сонно пробормотал Рон, когда Гарри выбрался из постели и натянул халат.

— И тебя, — отозвался Гарри. — Ты глянь! Это же подарки!

— А ты что ждал увидеть, мешок репы? — грубовато отреагировал Рон, поворачиваясь к собственной груде подарков, — та была намного внушительнее, чем у Гарри.

Гарри поднял верхний свёрток. Посылка была упакована в плотную коричневую бумагу и подписана корявым почерком: «*Гарри от Хагрида*». Внутри оказалась деревянная флейта грубой работы. Похоже, Хагрид сам её и выстрогал. Гарри дунул во флейту, — раздался звук, напоминающий уханье совы.

Во второй, очень маленький пакетик была вложена записка:

> *Мы получили твоё письмо и посылаем рождественский подарок. Дядя Вернон и тётя Петуния.*

К записке была прикреплена монетка в пятьдесят пенсов.

— Мило, — констатировал Гарри.

Рона, однако, монетка привела в восторг.

— С ума сойти! — пробормотал он. — И это *деньги*? Такой формы?

— Оставь себе, — разрешил Гарри и засмеялся, увидев, как обрадовался Рон. — Хагрид, мои дядя с тётей, — а кто прислал всё остальное?

— Кажется, я знаю, от кого вот это, — сказал Рон, смущённо розовея и указывая на пухлый свёрток. — От моей мамы. Я рассказал ей, что ты не ждёшь ни от кого подарков, и… о, нет, —

простонал он, — она связала тебе фирменный джемпер Уизли.

Гарри разорвал упаковку и обнаружил внутри изумрудно-зелёный джемпер ручной вязки, а также большую банку домашней сливочной помадки.

— Каждый год она вяжет нам по джемперу, — сообщил Рон, распаковывая свой, — и мой — *всегда* бордовый.

— Это же здорово, — заметил Гарри, пробуя помадку — дико вкусную.

Следующий подарок тоже оказался съедобным — коробка шоколадных лягушек от Гермионы.

Остался всего один свёрток. Гарри поднял его и ощупал. Он был очень лёгкий. Гарри развернул его.

Что-то текучее, серебристо-серое соскользнуло на пол, улёгшись мерцающими складками. Рон охнул.

— Я о таком слышал, — сдавленно произнёс он, выронив упаковку мармеладок «Берти Ботт» любых вкусов, присланную Гермионой. — Если это та вещь, о которой я думаю, — то они ужасно редкие, и жутко ценные.

— Так что это?

Гарри подобрал с пола серебристую ткань, из-

лучавшую слабый свет. Она была странная и на ощупь, — как будто вода слилась с материалом в единое целое.

— Это плащ-невидимка, — почти благоговейно проговорил Рон. — Просто уверен, — примерь-ка.

Гарри набросил плащ на плечи, и Рон завопил:

— Это он! Посмотри вниз!

Гарри взглянул на свои ступни, — но те пропали. Он ринулся к зеркалу. Конечно, отражение смотрело на него, только вот осталась от него одна голова, висевшая в воздухе, — а тело полностью исчезло. Он накинул на голову капюшон, — пропала и она.

— Записка! — вдруг выпалил Рон. — Из него выпала записка!

Гарри снял плащ и схватил с пола письмо. Послание было написано косым, причудливым почерком, которого Гарри никогда прежде не видел:

Твой отец оставил мне его перед смертью.
Пришло время вернуть его тебе.
Используй его с головой.
Счастливого тебе Рождества.

Подписи не было. Гарри уставился на письмо.

Рон восхищённо рассматривал плащ.

— Я бы *что угодно* за такой отдал, — вздохнул он. — *Что угодно*. Эй, что-то не так?

— Нет, ничего, — покачал головой Гарри. Его охватило странное чувство. Кто прислал плащ? Он действительно принадлежал его отцу?

Но, прежде чем он успел сказать или подумать о чём-то ещё, дверь распахнулась, и в спальню ворвались близнецы Уизли. Гарри живо запихал плащ под кровать. Ему не хотелось ни с кем его делить.

— С Рождеством!

— Смотри-ка, у Гарри тоже фирменный джемпер Уизли!

Фред с Джорджем были в синих джемперах, с вышитым жёлтым «Ф» на одном и «Д» на другом.

— А этот красивее наших, — ухмыльнулся Фред, взяв в руки джемпер Гарри. — Для родных детей она так не старалась.

— А ты почему не надел свой, Рон? — возмутился Джордж. — Давай-давай, они очень тёплые и к тому же симпатично смотрятся.

— Ненавижу бордовый цвет, — взвыл Рон, нехотя натягивая джемпер.

— А на твоём джемпере никаких букв, — заметил Джордж. — Похоже, она решила, что ты своё

имя пока не забыл. Но мы-то тоже не дураки и помним, что нас зовут Дред и Фордж.

— Что здесь за шум?

Перси Уизли с недовольным лицом заглянул в спальню. Он явно тоже распаковывал подарки, — у него на руке висел мешковатый джемпер, который мгновенно схватил Фред.

— Так-так — «П» — то есть, префект! Ну же, Перси, надевай, мы уже свои надели, даже Гарри.

— Я…не…хочу, — невнятно пробормотал Перси, а близнецы натянули его джемпер ему на голову, отчего очки его в итоге повисли на одной дужке.

— И сегодня ты не сидишь с префектами, — заявил Джордж. — Рождество — семейный праздник.

Они отконвоировали Перси прочь из спальни, — руки его по-прежнему были плотно прижаты джемпером к бокам.

* * *

У Гарри в жизни не было такого рождественского пира. Сотня жареных индеек; горы жареной и варёной картошки; огромные блюда сарделек; плошки зелёного горошка с маслом; целые флотилии серебряных соусников с густой мясной подливой и клюквенным соусом, — и ещё кучки

волшебных хлопушек, тут и там разложенных по всему столу. Те не имели ничего общего с убогими маггловыми, теми, что обычно покупали Дёрсли, — с крошечными пластиковыми игрушками и бумажными колпаками внутри. Гарри с Фредом опробовали одну, — она не просто хлопнула, она взорвалась с оглушительным грохотом и окутала их облаком синего дыма, а изнутри выскочила контр-адмиральская фуражка и несколько живых белых мышей. За Главным Столом профессор Дамблдор переменил свою островерхую колдовскую шляпу на дамский чепчик, украшенный цветами, и весело посмеивался над шуткой, прочитанной профессором Флитвиком.

За индейкой последовали пылающие рождественские пудинги. Перси едва не сломал зуб о серебряный серпий, спрятанный в одном из них. Гарри наблюдал за Хагридом: тот без устали подливал себе вина, краснея все сильнее, и наконец чмокнул в щеку профессора Макгонаголл, а та, к великому изумлению Гарри, смущенно хихикнула и порозовела; цилиндр её при этом съехал набекрень.

В итоге Гарри вышел из-за стола, нагруженный сюрпризами, вылетевшими из хлопушек; среди них были упаковка нелопающихся, светящихся

воздушных шаров, набор «Обрасти бородавками» и новый набор волшебных шахмат. А вот белые мыши куда-то исчезли, и у Гарри было неприятное подозрение, что они закончат свою жизнь на рождественском столе миссис Норрис.

Гарри с братьями Уизли весело провели время за яростной битвой в снежки. Затем, промокшие, замёрзшие и задыхающиеся, они вернулись в гостиную Гриффиндора и уселись поближе к камину, где Рон наголову разбил Гарри в шахматной партии. Гарри почему-то казалось, что поражение было бы не столь позорным, если бы не настырное желание Перси помочь ему.

После перекуса бутербродами с индейкой, пышками, бисквитами со взбитыми сливками и рождественским пирогом, сил у всех хватило лишь на то, чтобы наблюдать, как Перси гоняется за близнецами по всей гостиной, — те стащили его значок префекта.

Это было лучшее Рождество в жизни Гарри. И все же целый день что-то вертелось в голове, не давая покоя. Только улёгшись в постель, Гарри осознал, что именно: плащ-невидимка и тот, кто его прислал.

Рона, до отвала объевшегося индейкой и пирогом, не волновало сейчас ничто мистическое, —

он уснул, едва задёрнув полог. Гарри перегнулся через край кровати и вытащил из-под неё плащ.

Его отец… он принадлежал его отцу. Ткань текла сквозь пальцы — гладкая, как шёлк, лёгкая, как воздух. Записка гласила: «*Используй его с головой*».

Нужно примерить его, прямо сейчас. Он выскользнул из постели и набросил плащ. Глядя на собственные ноги, он видел лишь лунный свет и тень, — довольно странное ощущение.

Внезапно сон как рукой сняло. Пока он в этом плаще, ему открыт весь Хогвартс. Волнение перехлёстывало через край, пока он стоял в темноте и полной тишине. Он может пойти в ней куда угодно, и Филч никогда не узнает.

Рон что-то буркнул во сне. Разбудить ли его? Что-то удерживало Гарри — плащ *его отца* — он чувствовал, что в этот, первый раз, он должен опробовать его в одиночку.

Он прокрался к двери спальни, спустился в гостиную, пересек её и выбрался наружу сквозь отверстие в стене.

— Кто здесь? — проскрипела Полная Леди. Гарри не ответил и торопливо зашагал по коридору.

Куда же ему пойти? Он со скачущим в груди сердцем остановился и поразмышлял. И его

осенило. Запретная секция библиотеки. Он сможет читать столько, сколько пожелает, пока не выяснит, кто такой, наконец, этот Фламель. Он сорвался с места, поправляя плащ на ходу.

В библиотеке царили кромешная тьма и довольно зловещая атмосфера. Гарри зажёг лампу, чтобы как-то освещать себе путь. Со стороны казалось, что лампа сама собой плывёт по воздуху, и, хоть Гарри и чувствовал, как держит её, от этого зрелища ему становилось не по себе.

Запретная секция находилась в дальней части библиотеки. Аккуратно перешагнув через натянутый канат, отделявший эти книги от основного зала, он поднял лампу повыше, чтобы прочесть названия книг.

Это, впрочем, мало ему помогло. Полувыцветшие, тиснёные золотом буквы складывались в слова на языках, которых Гарри не понимал. У некоторых томов вовсе не было названий. Одна из книг была испачкана чем-то, до жути похожим на кровь. По спине Гарри поползли мурашки. Воображал он или нет, но ему казалось, что от книг исходит едва уловимый шёпот, — словно они знали, что у них гость, притом незваный.

Нужно было с чего-то начинать. Осторожно поставив лампу на пол, он пробежался взглядом

по нижней полке в поисках какой-нибудь книги с интересной обложкой. Внимание его привлек большой чёрно-серебристый фолиант. С трудом вытащив том, — тот был на редкость тяжёлым, — Гарри, держа книгу на колене, раскрыл её.

Тишину прорезал пронзительный, леденящий кровь вопль — кричала книга! Гарри мгновенно захлопнул её, но крик всё продолжался на одной и той же высокой, оглушительной ноте. Он попятился и опрокинул лампу, — та сейчас же погасла. Он запаниковал, и тут, вдобавок, за спиной у него послышались шаги, — запихнув орущую книгу обратно на полку, он помчался к выходу. Он разминулся с Филчем в дверном проёме; тусклый, полубезумный взгляд смотрителя был направлен прямо на Гарри; поднырнув под вытянутую руку Филча, он выскочил в коридор; крики книги до сих пор звенели у Гарри в ушах.

Он внезапно остановился перед высокими доспехами. Унося ноги от библиотеки, Гарри не обратил внимания, куда бежит. Он совершенно не узнавал это место, — может, потому, что было темно. Гарри помнил, что доспехи стояли возле кухни, но сейчас он, должно быть, пятью этажами выше.

— Вы просили меня обратиться прямо к вам,

профессор, если я застану кого-нибудь среди ночи — кто-то был в Запретной секции библиотеки.

Гарри буквально прирос к месту. Где бы он ни находился, — Филч, очевидно, знал короткий путь, потому что его негромкий, вкрадчивый голос звучал всё отчётливее; к ужасу Гарри, ответил смотрителю Снейп:

— Запретная секция? Что ж, они не могли далеко уйти, мы ещё их поймаем.

Гарри стоял, как вкопанный, — а между тем Филч и Снейп вышли из-за угла. Конечно, видеть его они не могли, но коридор был довольно узок, — подойдя ближе, они просто врежутся в него, — плащ не делал его неосязаемым.

Он бесшумно попятился и заметил слева приоткрытую дверь. Это была его последняя надежда. Он, втянув живот, просочился внутрь, стараясь не задеть дверь, — к его облегчению, Снейп с Филчем ничего не заподозрили. Они прошли мимо, и Гарри, тяжело дыша, прислонился к стене, вслушиваясь в удаляющиеся шаги. Чуть не попался. Прошло несколько секунд, прежде чем он обратил внимание на комнату, в которой прятался.

Похоже, это был заброшенный класс. Вдоль стен были нагромождены парты и стулья, в углу валялась перевёрнутая корзина для бумаг, — но у

противоположной стены стояло кое-что, никак не вписывающееся в эту обстановку, — как будто его только что внесли сюда, чтобы убрать с дороги.

Это было внушительных размеров зеркало, высотой чуть ли не до потолка, в витиеватой золотой оправе, стоявшее на двух когтистых лапах. Поверх зеркала была выгравирована надпись:

У джедан юуннев орко сон киле нюаж арто.

Его паника постепенно улетучивалась, Филча и Снейпа теперь не было слышно, и Гарри приблизился к зеркалу, ожидая вновь увидеть пустоту вместо отражения. Он встал напротив зеркала.

Гарри пришлось зажать рот обеими руками, чтобы не вскрикнуть. Он резко развернулся. Его сердце колотилось о рёбра ещё неистовее, чем когда заорала книга в библиотеке, — в зеркале он видел не только себя, но и группу людей, стоявших прямо позади него. Но комната была пуста. Часто дыша, Гарри медленно повернулся лицом к зеркалу.

Вот же он — бледный и напуганный, а позади отражались по меньшей мере десять человек. Гарри оглянулся через плечо, — там по-прежнему никого. Или все они тоже были невидимы?

Может, он на самом деле в комнате, полной невидимых людей, а фокус зеркала в том, что оно отражало всех, неважно, видимых или нет?

Он вновь взглянул в зеркало. Женщина, стоявшая сразу за ним, улыбалась и махала ему рукой. Он вытянул руку, но нащупал позади лишь воздух. Если бы она и впрямь была здесь, он бы смог дотронуться до неё, их отражения стояли очень близко друг к другу, — но она, как и все остальные, существовала лишь в этом зеркале.

Она была очень хороша собой. У неё были темно-рыжие волосы; а её глаза — прямо как мои, подумал Гарри, придвинувшись чуть ближе к зеркалу. Ярко-зелёные, в точности той же формы, — и тут он заметил, что женщина плачет, — улыбается, и в то же время плачет. Высокий, худощавый черноволосый мужчина, стоявший рядом, приобнял её за плечи. Он носил очки, а его шевелюра была сильно растрепана. Волосы на затылке стояли торчком, как и у Гарри.

Теперь Гарри едва не соприкасался носом со своим отражением.

— Мама? — прошептал он. — Папа?

Они лишь улыбались, глядя на него. Тем временем Гарри вглядывался в лица других людей в зеркале и различал знакомые черты: пары зе-

лёных глаз; такие же, как у него, носы; у одного приземистого старичка даже были угловатые колени, как у Гарри, — впервые в жизни, он видел свою семью.

Поттеры сияли и махали Гарри, а он жадно вперился в них взглядом, прижав ладони к стеклу, словно надеясь провалиться внутрь и попасть к ним. Его не оставляло непонятное ощущение: наполовину радость, наполовину — ужасная грусть.

Он не знал, как долго простоял там. Отражения не исчезали, и он смотрел, и смотрел, пока какой-то шум вдали не привёл его в чувство. Нельзя оставаться здесь, нужно добраться до спальни. Он с трудом оторвал взгляд от лица матери, прошептал: «Я ещё вернусь» и поспешил прочь из комнаты.

* * *

— Мог бы меня разбудить, — сердито ворчал Рон.

— Сегодня пойдём вместе, я хочу показать тебе это зеркало.

— Хотел бы я взглянуть на твоих маму с папой, — с энтузиазмом подхватил Рон.

— А я — встретиться со всей твоей семьёй, ты

бы познакомил меня с другими братьями и всеми остальными.

— Ты их можешь увидеть в любое время, — пожал плечами Рон. — Приезжай в гости этим летом, и все дела. Да и потом, может, это зеркало показывает только тех, кто уже умер. Жаль, кстати, что ты ничего не нашёл про Фламеля. Ты чего не ешь-то, возьми ломтик бекона, хоть что-нибудь?

Гарри не мог есть. Он видел своих родителей, и сегодня увидит их снова. Он почти забыл о Фламеле. Тот его больше не интересовал. Да какая разница, что охранял этот трёхголовый пес? И что, если даже Снейп и украдёт эту вещь?

— Ты в порядке? — поинтересовался Рон. — Какой-то ты странный.

* * *

Больше всего Гарри боялся, что ему не удастся вновь отыскать ту комнату. Поскольку в этот раз Рон тоже был под плащом, им пришлось двигаться гораздо медленнее. Они уже час пытались восстановить маршрут Гарри, начиная от библиотеки, блуждая по тёмным коридорам.

— Я замёрз, — пожаловался Рон. — Давай бросим это дело и вернёмся.

— *Нет*! — прошипел Гарри. — Я знаю, что мы уже близко.

Они разминулись с привидением высокой ведьмы, но больше никого не встретили. Едва Рон начал ныть, что его ноги закоченели от холода, Гарри заметил знакомые доспехи.

— Здесь… точно здесь… да!

Толкнув дверь, Гарри сбросил плащ и подбежал к зеркалу.

Они были здесь. Родители просияли, увидев его.

— *Видишь*? — прошептал Гарри.

— Ничего не вижу.

— Да смотри же! Смотри, сколько их…

— Я вижу только тебя.

— Ты неправильно смотришь, встань на моё место.

Гарри отступил на шаг, — теперь его семьи не было видно, — только Рон в своей пёстрой пижаме.

Тот, впрочем, зачарованно таращился на свое отражение.

— Только взгляни на меня! — восхищённо выдохнул он.

— Ты видишь свою семью?

— Нет, я один, но… я другой — выгляжу старше,

и… и я — староста школы!

— *Что*?

— У меня значок, такой же, как раньше носил Билл… я держу в руках Квиддичный и Школьный Кубки… я ещё и капитан сборной по квиддичу.

Рон не без усилий оторвался от этого зрелища и взволнованно обернулся на Гарри.

— Как думаешь, это зеркало показывает будущее?

— С чего? Вся моя семья мертва… дай-ка мне ещё раз взглянуть.

— Ты здесь всю прошлую ночь проторчал, погоди немного.

— Ты всего лишь держишь кубок, что тут интересного? А я хочу увидеть родителей.

— Не толкайся…

Внезапный шум в коридоре положил конец их спору. Они даже не осознали, как громко пререкались.

— Быстро!

Рон вовремя набросил плащ на обоих, — в дверном проёме показались глаза-фонари миссис Норрис. Гарри и Рон стояли не шевелясь, думая об одном и том же: могут ли кошки видеть сквозь плащ? Казалось, прошла целая вечность, прежде чем она развернулась и вышла.

— Это опасно, — она сейчас и Филча с собой притащит, говорю тебе, она нас слышала. Пошли.

И Рон чуть ли не силком выволок Гарри из комнаты.

* * *

К следующему утру снег так и не растаял.

— Сыграем в шахматы, Гарри? — предложил Рон.

— Нет, спасибо.

— Может, тогда сходим к Хагриду?

— Да нет… ты иди…

— Я знаю, о чём ты думаешь, Гарри — об этом зеркале. Не ходи туда сегодня.

— Почему это?

— Не знаю, только у меня плохое предчувствие, — и потом, ты уже и так чуть не попался. Там постоянно крутятся Снейп, Филч и миссис Норрис. И что, что они не видят тебя? Что, если они наткнутся на тебя? Что, если ты что-нибудь там опрокинешь?

— Ты говоришь, как Гермиона.

— Я серьёзно, Гарри, не ходи.

Но Гарри хотелось лишь одного — вернуться к зеркалу, и Рон не мог ему помешать.

* * *

Этой ночью он нашёл дорогу куда быстрее. Он двигался с такой скоростью, что его легко могли услышать, — но он так ни с кем и не столкнулся.

И вот его мама и папа вновь улыбались ему, а один из дедушек счастливо закивал при виде внука. Гарри опустился на пол перед зеркалом. Ничто не могло помешать ему остаться здесь на всю ночь. Ничто и никто.

Кроме…

— Итак, ты снова здесь, Гарри?

Внутренности Гарри словно превратились в лёд. Он опасливо оглянулся. На одной из парт, стоявших у стены, сидел не кто иной, как Альбус Дамблдор. Гарри, должно быть, так рвался к зеркалу, что не заметил директора, пройдя мимо него.

— Я не заметил вас, сэр.

— Странно, каким близоруким делает человека невидимость, — промолвил Дамблдор, и Гарри с облегчением увидел на его лице улыбку.

— Итак, — произнёс Дамблдор, слезая с парты и усаживаясь на пол рядом с Гарри, — ты, как и сотни твоих предшественников, открыл для себя чудеса зеркала Джедан.

— Я не знал, что оно так называется, сэр.

— Но ты, очевидно, уже догадался, что оно показывает?

— Ну… я видел в нём свою семью…

— А твой друг Рон — себя в образе старосты.

— Откуда вы знаете?..

— Мне не нужен плащ-невидимка, чтобы стать невидимым, — мягко сказал Дамблдор. — Так что же показывает нам всем зеркало Джедан?

Гарри пожал плечами.

— Позволь объяснить. Самый счастливый человек на свете посмотрит в зеркало Джедан и увидит себя в точности таким, какой он есть. Понимаешь?

Гарри задумался. Затем медленно проговорил:

— Оно показывает, чего мы хотим… что бы то ни было…

— И да, и нет, — негромко ответил Дамблдор. — Оно показывает ни больше ни меньше как наши самые сокровенные, самые отчаянные желания и надежды. Ты, не помня своих родных, увидел их рядом с собой. Рональд Уизли, выросший в тени славы своих братьев, увидел себя одного, затмившего их всех. И все же, это зеркало не дает нам ни знания, ни правды. Многие зачахли перед ним, околдованные его чарами, или сходили с ума, не

зная, возможно ли то, что оно показывает.

Завтра зеркало перенесут в другое место, и я прошу тебя, Гарри, не искать его снова. Но если ты в будущем *случайно* наткнёшься на него, то будешь подготовлен. Нельзя гнаться за грёзами, забывая при этом жить — помни об этом. Что ж, а теперь — почему бы тебе не надеть этот восхитительный плащ вновь и не отправиться в постель?

Гарри поднялся на ноги.

— Сэр… профессор Дамблдор? Могу я вас кое о чём спросить?

— Разумеется, тем более, ты сделал это только что, — улыбнулся Дамблдор. — Однако, можешь задать ещё один вопрос.

— Что вы видите, когда смотрите в зеркало?

— Я? Я вижу себя, держащего в руке пару толстых шерстяных носков.

Гарри вытаращил глаза.

— Носков никогда не бывает много, — пояснил Дамблдор. — Вот и прошло ещё одно Рождество, а мне так и не досталось ни одной пары. Мне почему-то дарят только книги.

Лишь в спальне Гарри осознал, что Дамблдор был с ним не вполне откровенен. Но, с другой стороны, подумал он, спихивая Корыстика с по-

душки, — это был слишком личный вопрос.

Глава тринадцатая
НИКОЛАС ФЛАМЕЛЬ

Дамблдор убедил Гарри не пытаться вновь отыскать зеркало Джедан, и остаток каникул плащ-невидимка за ненадобностью пролежал на дне сундука. Гарри старался забыть об увиденном в зеркале, но тщетно. Его начали мучить кошмары. Снова и снова ему снились родители, исчезающие во вспышке зелёного света, и всё тот же холодный смех.

— Видишь, Дамблдор был прав, ты мог с катушек слететь из-за этого зеркала, — напомнил Рон, когда Гарри рассказал ему об этих снах.

Гермиона, вернувшаяся за день до начала нового триместра, заняла другую точку зрения. Она разрывалась между ужасом при мысли о том, что Гарри три ночи подряд слонялся по замку («Если бы Филч застукал тебя!..»), и разочарованием, что он так и не выяснил ничего о Фламеле.

Их надежда найти что-нибудь про Фламеля в библиотеке таяла с каждым днём, хотя Гарри был уверен, что видел где-то его имя. Когда начались занятия, они вернулись к поискам и в переры-

вах между занятиями тратили по десять минут, пролистывая все книги подряд. У Гарри было ещё меньше времени, чем у Рона с Гермионой, — возобновились квиддичные тренировки.

Прут держал команду в ежовых рукавицах. Даже бесконечный дождь вперемешку со снегом не омрачал его дух. Близнецы жаловались, что Прут превратился в фанатика, но Гарри был на стороне капитана. Одолев Хуфльпуф в следующем матче, они впервые за семь лет обгонят Слизерин в общекомандном зачёте. Желание победить было не единственным стимулом для Гарри: тот обнаружил, что, когда он сильно уставал, кошмары снились ему намного реже.

На одной тренировке, в особенно слякотную погоду, Прут принёс им плохую новость. Он как раз ужасно рассердился на близнецов, — те бомбили друг друга бладжерами и делали вид, что вот-вот попадают с мётел.

— Да перестанете вы дурачиться или нет? — проорал он. — Именно этого нам и не хватает, чтобы сдать матч! В этот раз судьёй будет Снейп, и уж он не упустит шанс снять баллы с Гриффиндора!

При этих словах Джордж Уизли и впрямь свалился с метлы.

— Судить будет *Снейп*? — промычал он с набитым грязью ртом. — С чего это ему вдруг приспичило? На справедливость, выходит, рассчитывать смысла нет?

Остальные игроки приземлились возле Джорджа, тоже громко протестуя.

— *Я* здесь ни при чём, — отрезал Прут. — Всё, что нам остаётся — показать чистую игру, чтобы у Снейпа не было ни единой зацепки.

Всё это отлично, подумал Гарри, но у него были и свои причины опасаться появления Снейпа на матче.

После тренировки игроки, по обыкновению, задержались, чтобы поболтать, но Гарри направился прямо в гриффиндорскую гостиную. Рон и Гермиона играли там в шахматы, — те были единственной наукой, которая так и не покорилась ей, что, как считали Гарри и Рон, шло ей на пользу.

— Ничего мне сейчас не говори, — потребовал Рон, едва Гарри уселся рядом с ним, — мне нужно сконцен… — он заметил выражение лица Гарри. — Ты чего такой кислый?

Гарри вполголоса рассказал им о внезапном желании Снейпа судить следующий матч.

— Тебе нельзя играть, — сейчас же выпалила

Гермиона.

— Скажись больным, — поддержал Рон.

— Притворись, что сломал ногу, — предложила Гермиона.

— *Сломай* ногу, — с нажимом произнёс Рон.

— Не могу, — возразил Гарри. — У нас нет запасного следопыта. Если я не выйду на поле, Гриффиндор вообще не сможет играть.

В этот момент в гостиную ввалился Невилл. Как ему удалось вскарабкаться в портретный проём, было загадкой, — его ноги были плотно прижаты друг к другу, — явный признак Кандального проклятия. Невиллу, похоже, пришлось пропрыгать зайцем всю дорогу в гостиную.

Все расхохотались, кроме Гермионы, — та вскочила и произнесла контрзаклятие. Ноги Невилла отлепились друг от друга, и он, дрожа, поднялся с пола.

— Что случилось? — спросила Гермиона, уводя его к Гарри и Рону и усаживая рядом.

— Малфой, — нетвёрдым голосом ответил Невилл. — Я столкнулся с ним возле библиотеки. Он заявил, что ему как раз нужно было на ком-то попрактиковаться.

— Иди к профессору Макгонаголл! — настойчиво посоветовала Гермиона. — Расскажи ей!

Невилл помотал головой.

— Только хуже будет, — пробормотал он.

— Ты должен поставить его на место, Невилл! — поддержал Рон. — Он привык макать людей в грязь лицом, но это не повод ложиться в неё самому и облегчать ему задачу!

— Не надо доказывать мне, что я слишком труслив для Гриффиндора, Малфой уже это сделал, — сдавленно отозвался Невилл.

Гарри запустил руку в карман и вытащил шоколадную лягушку, последнюю из той коробки, что подарила ему Гермиона на Рождество. Он протянул её Невиллу, который, казалось, вот-вот заплачет.

— Ты стоишь дюжины таких, как Малфой, — уверенно сказал Гарри. — Шляпа определила тебя в Гриффиндор, разве нет? А где сейчас Малфой? В своём вонючем Слизерине.

Невилл слабо улыбнулся, разворачивая лягушку.

— Спасибо, Гарри… Наверное, я пойду спать. Да, возьми карточку, — ты их вроде собираешь.

Невилл ушёл, и Гарри взглянул на карточку «*Знаменитые чародеи и колдуньи*».

— Снова Дамблдор, — констатировал он, — он был на самой первой моей…

Гарри поперхнулся словами, уставившись на оборотную сторону карточки. Затем поднял взгляд на Рона и Гермиону.

— *Нашёл!* — прошептал он. — Я нашёл Фламеля! Говорил же, что где-то читал о нём, так вот, это было в поезде, по пути сюда, — слушайте: «Дамблдор знаменит, в частности, победой над тёмным колдуном Гриндельвальдом в 1945 году, открытием двенадцати способов применения крови дракона, *а также совместными с Николасом Фламелем трудами в области алхимии*»!

Гермиона вскочила на ноги. Она не была так взволнована с тех пор, как им выставили оценки за первое домашнее задание.

— Ждите здесь! — выдохнула она и понеслась в женскую спальню. Гарри и Рон едва успели обменяться заинтригованными взглядами, как Гермиона уже летела вниз, держа в руках толстенную книгу.

— Мне и в голову не пришло заглянуть сюда! — с азартом прошептала она. — Я взяла её в библиотеке несколько недель назад — для лёгкого чтения.

— *Лёгкого*? — поднял брови Рон, но Гермиона велела ему помолчать, пока она не найдёт, что нужно, и начала яростно листать страницы, что-

то бормоча себе под нос.

В конце концов, она отыскала нужное место.

— Я так и знала! *Так* и знала!

— Нам уже можно говорить? — сварливо осведомился Рон. Гермиона пропустила его слова мимо ушей.

— *Николас Фламель*, — торжественно прошептала она, — *единственный известный изготовитель Философского Камня!*

Это не произвело ожидаемого ею эффекта.

— Чего? — хором переспросили Гарри и Рон.

— *Честное слово*, вы вообще хоть что-нибудь читаете? Смотрите сюда — вот здесь.

Она подтолкнула к ним книгу, и Гарри с Роном прочли:

> *Древняя наука алхимия всегда была тесно связана с попытками изготовления Философского Камня — легендарной субстанции, обладающей невероятными свойствами. Камень превращает любой металл в чистое золото. Из него также можно добыть Животворящий эликсир, который дарит бессмертие всякому, кто его выпьет.*
>
> *За столетия поступало множество*

заявлений о созданном Философском Камне, но единственный существующий экземпляр принадлежит м-ру Николасу Фламелю, знаменитому алхимику и поклоннику оперы. М-р Фламель, в прошлом году справивший шестьсот шестьдесят пятый день рождения, наслаждается безмятежной жизнью в Девоне со своей женой, Перенеллой (шестисот пятидесяти восьми лет).

— Ясно вам? — нетерпеливо спросила Гермиона, когда Гарри и Рон дочитали до конца. — Пёс охраняет Философский Камень! Наверняка Фламель лично попросил Дамблдора сохранить его, они ведь друзья, — и он знал, что Камень собираются украсть, вот почему его забрали из «Гринготтса»!

— Ничего себе камушек, — и золото, и бессмертие! — хмыкнул Гарри. — Неудивительно, что Снейп хочет стащить его, — от такого никто бы не отказался.

— Теперь понятно, почему мы не могли найти Фламеля в «*Исследовании недавних достижений магии*», — добавил Рон. — Не такой уж он и недавний раз ему шестьсот шестьдесят пять лет?

* * *

Следующим утром, на уроке защиты от тёмных искусств, Гарри и Рон, переписывая различные способы заживления раны после укуса оборотня, обсуждали, что бы сделали, будь у них Философский Камень. Только когда Рон объявил, что купил бы собственную квиддичную команду, Гарри вспомнил о Снейпе и предстоящем матче.

— Я буду играть, — сообщил он Рону и Гермионе. — Иначе слизеринцы решат, что я испугался Снейпа. Они у меня увидят… наша победа сметёт ухмылки с их физиономий.

— Как бы нам не пришлось сметать с поля то, что от тебя останется, — вздохнула Гермиона.

И всё же, по мере приближения матча, Гарри всё больше становилось не по себе, — что бы он ни говорил Рону и Гермионе. Команда тоже беспокоилась. Мысль о победе над Слизерином, впервые за семь лет, захватывала всех, — но получится ли, с таким пристрастным судьёй?

Воображал Гарри или нет, но ему начинало казаться, что, куда бы он ни пошёл, на пути у него неизменно оказывался Снейп. Временами он даже задумывался, — уж не преследует ли его Снейп, пытаясь застать врасплох. Уроки зе-

лий превратились в еженедельную пытку, до такой степени Снейп третировал Гарри на своих занятиях. Может, он уже догадался, что они разнюхали про Философский Камень? Непонятно, правда, каким образом, — впрочем, иногда у Гарри возникало неприятное подозрение, что Снейп умеет читать мысли.

* * *

Гарри понимал, что Рон и Гермиона, желая ему удачи возле раздевалки, не знают, увидят ли его ещё живым. От этого ему было, мягко говоря, неуютно. Гарри едва ли слышал хоть слово из наставлений Прута, переодеваясь в спортивную мантию и забирая «Нимбус-2000».

В это время Рон и Гермиона отыскали себе место на трибунах, — рядом с Невиллом, — тот не мог взять в толк, почему они такие мрачные и встревоженные, и зачем им с собой палочки. Как не подозревал и Гарри о том, что Рон и Гермиона специально упражнялись в Кандальном проклятии. Малфой, сам того не желая, подкинул им эту идею, — теперь они были готовы опробовать это заклятие на Снейпе в случае чего.

— Так, не забудь — *Locomotor Mortis*, — пробормотала Гермиона Рону, — тот прятал палочку

в рукав.

— Да знаю я, — огрызнулся Рон. — Не нуди.

Между тем в раздевалке Прут отвёл Гарри в сторону.

— Не хочу давить на тебя, Поттер, но постарайся поймать снич как можно быстрее. Нужно закончить матч раньше, чем Снейп успеет подсудить Хуфльпуфу.

— Там вся школа! — доложил Фред, выглядывая за дверь. — Даже — ни фига себе — Дамблдор пришёл!

Сердце Гарри исполнило кульбит.

— *Дамблдор*? — он бросился к двери, чтобы убедиться самому. Фред был прав. Серебристую бороду директора было видно даже отсюда.

Гарри чуть не рассмеялся от облегчения, — он был спасён. Снейп ни за что не посмеет напасть на него в присутствии Дамблдора.

Может, именно поэтому Снейп пребывал в весьма скверном настроении, когда команды вышли на поле, — что заметил и Рон.

— Снейп, похоже, сильно не в духе, — обратился он к Гермионе. — Смотри, взлетают — УЙ!

Кто-то ткнул Рона в спину. Это был Малфой.

— О, Уизли, извини, не заметил тебя.

Малфой нагло усмехнулся Крэббу и Гойлу.

— Интересно, как долго Поттер продержится на метле в этот раз? Кто хочет пари? Может, ты, Уизли?

Рон не ответил; Снейп только что назначил пенальти у колец Гриффиндора, потому что Джордж отбил бладжер в его направлении. Гермиона, скрестив пальцы, неотрывно следила за Гарри, — тот кружил над полем, словно ястреб, высматривая снич.

— Я понял, по какому принципу они набирают игроков, — объявил Малфой через несколько минут, когда Снейп вновь назначил Хуфльпуфу бить пенальти — на этот раз уже безо всякого повода. — Это те, кого им жаль. Вот Поттер — у него нет родителей; Уизли — у них нет денег; по их логике, Лонботтом, в команде должен быть и ты — у тебя нет мозгов.

Невилл залился краской, но всё же повернулся к Малфою.

— Я стою дюжины таких, как ты, Малфой, — запинаясь, пробормотал он.

Малфой, Крэбб и Гойл согнулись пополам от хохота, но Рон, по-прежнему пристально наблюдая за игрой, сказал только:

— Давай, покажи ему, Невилл.

— Лонботтом, если бы мозги были из золота,

ты был бы даже беднее Уизли, а это кое о чём говорит.

Нервы у Рона и так уже были на пределе от тревоги за Гарри.

— Малфой, ей-богу — ещё одно слово…

— Рон! — внезапно вскрикнула Гермиона, — Гарри!

— Что? Где?

Гарри неожиданно ушёл в крутое пике; в толпе раздались возгласы и аплодисменты. Гермиона, кусая скрещённые пальцы, вскочила со скамьи, а Гарри уже пулей мчался вниз.

— Тебе повезло, Уизли, Поттер заметил на земле монетку! — протянул Малфой.

Рон сжал зубы. Малфой ещё не успел сообразить, что вообще происходит, как Рон уже закручивал ему руки за спину, прижав к земле. Невилл поколебался и, перебравшись через спинку скамьи, поспешил на помощь.

— Давай, Гарри! — закричала Гермиона, взобравшись на скамью, чтобы лучше видеть Гарри, — тот нёсся прямо на Снейпа, — ей не было дела ни до Малфоя с Роном, катавшихся клубком под скамьёй, ни до пыхтения и скулежа Крэбба и Гойла, сцепившихся с Невиллом.

А высоко в воздухе Снейп едва успел развер-

нуть метлу, заметив нечто алое, просвистевшее рядом в паре дюймов, — в следующий миг Гарри вышел из пике, торжествующе вскинув руку, — в ней блеснул снич.

Трибуны взревели: это был рекорд, никому ещё не удавалось схватить снич так скоро.

— Рон! Рон! Где ты? Игра кончилась! Гарри победил! Мы победили! Гриффиндор впереди! — визжала Гермиона, подпрыгивя от радости и обнимая сидевшую прямо перед ней Парвати Патил.

Гарри спрыгнул с метлы в футе от земли. Ему не верилось. У него получилось, матч окончен, не продлившись и пяти минут. Гриффиндорцы сплошным потоком хлынули на поле; поблизости с белым от ярости лицом и плотно сжатыми губами приземлился Снейп; и тут Гарри почувствовал на плече чью-то руку и взглянул на улыбающегося Дамблдора.

— Очень хорошо, — тихо одобрил Дамблдор, так, чтобы не слышал никто, кроме Гарри. — Приятно видеть, что ты не зацикливаешься на этом зеркале и живёшь полной жизнью… просто замечательно.

Снейп с горечью сплюнул на землю.

Несколько позже Гарри в одиночестве вышел

из раздевалки, чтобы отнести «Нимбус-2000» обратно в домик для мётел. Никогда еще он не чувствовал себя таким счастливым. Он наконец совершил что-то достойное, — никто теперь не скажет, что Гарри Поттер — известное имя и ничего больше. Вечерний воздух никогда не был так сладок. Он шёл по мокрой траве, вновь и вновь переживая события последнего часа, слившиеся в одно счастливое мгновение: гриффиндорцы подбегают к нему и поднимают на руки, Рон и Гермиона подпрыгивают и машут ему издали, Рон радостно кричит, утирая идущую носом кровь.

Подойдя к домику, Гарри прислонился к деревянной двери и взглянул на Хогвартс; в окнах замка отражались алые лучи заходящего солнца. Теперь Гриффиндор лидировал. Он сделал это, он показал Снейпу…

Кстати о Снейпе…

По ступеням замка быстро спустилась фигура в плаще с капюшоном. Явно не желая быть замеченным, человек стремительно зашагал к запретному лесу. Победа мгновенно выветрилась из мыслей Гарри. Он узнал эту скользящую походку. Снейп направляется в лес, в то время как все остальные на обеде, — в чём дело?

Гарри оседлал «Нимбус-2000» и взлетел. Паря

над замком, он видел, как Снейп, перейдя на бег, исчез в лесу. Гарри последовал за ним.

Чаща была настолько густой, что Гарри не мог понять, в каком направлении движется Снейп. Он кружил над лесом, спускаясь все ниже и слегка задевая верхние ветви деревьев, пока не услышал голоса. Он бесшумно приземлился на высокий бук.

Крепко зажав метлу под мышкой, он осторожно уселся на одну из ветвей, пытаясь разглядеть сквозь листву, что происходит.

Внизу, на тенистой прогалине, стоял Снейп, но не один. С ним был Квиррелл. Лица последнего Гарри не было видно, но заикался он сильнее обычного. Гарри напряг слух.

— …н-не знаю, почему вы решили в-в-встретиться им-менно здесь, С-северус…

— О, я подумал, что нам стоит поговорить наедине, — ледяным тоном отозвался Снейп. — В конце концов, студентам не положено знать о Философском Камне.

Гарри чуть наклонился. Квиррелл что-то невнятно бубнил. Снейп перебил его.

— Вы уже выяснили, как приструнить зверушку Хагрида?

— Н-н-но, С-северус, я…

— Вам не нужен такой враг, как я, Квиррелл, — произнёс Снейп, шагнув к нему.

— Н-не знаю, чт-то вы…

— Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду.

Поблизости громко заухала сова, и Гарри чуть не свалился с дерева. Он успел взять себя в руки, как раз когда Снейп договаривал:

— …ваши фокусы. Я жду.

— Н-н-но я н-не…

— Очень хорошо, — оборвал его Снейп. — Скоро мы ещё побеседуем, — у вас будет время поразмыслить и расставить приоритеты.

Он набросил на голову капюшон и удалился. Уже почти стемнело, но Гарри ясно видел Квиррелла, — тот стоял неподвижно, словно оглушённый.

* * *

— Гарри, где ты был? — пищала Гермиона.

— Мы победили! Ты победил! Победа! — орал Рон, хлопнув Гарри по спине. — А я подбил Малфою глаз, а Невилл в одиночку пытался справиться с Крэббом и Гойлом! Правда, он всё ещё без сознания, но мадам Помфри говорит, что с ним всё будет в порядке. Все ждут тебя в гостиной, у нас там небольшой пир, — Фред с Джорджем ста-

щили из кухни пирожков и всяких вкусностей…

— Не до того сейчас, — покачал головой запыхавшийся Гарри. — Пошли найдём пустую комнату, я вам такое расскажу…

Прежде чем захлопнуть за собой дверь, он убедился, что в комнате нет Брюзга, — и затем поведал друзьям обо всём.

— Мы были правы, это Философский Камень, и Снейп хочет, чтобы Квиррелл помог ему. Он спросил, знает ли Квиррелл, как пробраться мимо Пушка — и ещё сказал что-то про «фокусы» — думаю, кроме Пушка, у Камня есть и другая защита — наверное, какое-то заклинание от тёмных сил — и Квиррелл, должно быть, сам наводил какие-то из них, а Снейпу нужно их преодолеть…

— Ты хочешь сказать, что Камень в безопасности лишь до тех пор, пока Квиррелл сможет противостоять Снейпу? — в ужасе уточнила Гермиона.

— Тогда Камень исчезнет к следующему вторнику, — заключил Рон.

Глава четырнадцатая
НОРБЕРТ, НОРВЕЖСКИЙ ГРЕБНЕСПИН

Однако Квиррелл, видимо, оказался куда храбрее, чем они полагали. В течение следующих недель он бледнел и худел, но, судя по всему, не сдавался.

Каждый раз, проходя мимо коридора на третьем этаже, Гарри, Рон и Гермиона прижимались ухом к заветной двери, проверяя, слышен ли за ней рык Пушка. Снейп расхаживал по замку в дурном настроении, — так что Камень точно был в безопасности. Теперь, встречаясь с Квиррелом в коридорах, Гарри ободряюще улыбался ему, а Рон стыдил всякого, кто смеялся над заиканием профессора.

У Гермионы, впрочем, были заботы и помимо Философского Камня. Она начала составлять расписания внеклассных занятий и выделять все записи разными цветами. Гарри и Рон бы не возражали, но она чуть ли не заставляла их делать то же самое.

— Гермиона, до экзаменов целая вечность.

— Десять недель, — парировала та. — Это не вечность, а для Николаса Фламеля и вовсе как одна секунда.

— Но нам не по шестьсот лет, — напомнил ей Рон. — И вообще, тебе-то зачем всё повторять, ты и так знаешь всё на «отлично».

— Зачем повторять? Ты рехнулся? Ты понимаешь, что мы должны сдать эти экзамены, чтобы перейти на второй курс? Это очень важно, мне нужно было начать готовиться ещё месяц назад, не знаю, что на меня нашло…

К несчастью, учителя рассуждали так же, как и Гермиона. Они неустанно нагружали их домашней работой, так что пасхальные каникулы выдались далеко не такими весёлыми, как рождественские. Трудно расслабиться, когда Гермиона рядом цитирует двенадцать способов применения крови дракона или отрабатывает движения палочкой. Зевая и стеная, они проводили большую часть свободного времени с ней, в библиотеке, пытаясь продраться сквозь дебри домашней работы.

— Я никогда не запомню, — не выдержал однажды Рон, отшвыривая перо и тоскливо глядя в окно. Впервые за несколько месяцев выдался действительно погожий денёк. Небо было ясным,

незабудково-голубым, а в воздухе ощущалось приближение лета.

Гарри искал ясенец в «*Тысяче магических растений и грибов*» и не поднимал голову, пока не услышал возглас Рона:

— Хагрид! Ты-то как тут оказался?

Хагрид прошаркал к ним, пряча что-то за спиной. В своём кротовом пальто он был здесь совершенно не к месту.

— Я-то… просто посмотреть кой-что, — как-то уж очень неуверенно ответил он. — А вы чего здесь делаете? — он вдруг подозрительно глянул на них. — Вы, часом, не Фламеля всё ищете?

— Да мы сто лет назад выяснили, кто он такой, — авторитетно заявил Рон. — А ещё мы знаем, что стережёт пёс — это Философский Ка…

— Чшш! — Хагрид беспокойно огляделся по сторонам. — Ты чего кричишь-то?

— Мы, если честно, хотели тебя кое о чём спросить, — вспомнил Гарри, — в смысле, кто охраняет Камень, кроме Пушка…

— Чшш! — снова шикнул Хагрид. — Слухайте — приходите ко мне попозже, не обещаю, что расскажу всё, но нельзя трещать об этом здесь, студентам не положено знать. Они решат, что я вам разболтал…

— Тогда увидимся позже, — согласился Гарри.

Хагрид потопал прочь.

— Что он такое прятал за спиной? — задумчиво спросила Гермиона.

— Может, что-то, связанное с Камнем?

— Пойду-ка посмотрю, в какой он был секции, — решил Рон, которому занятия уже поперёк горла стояли. Он вернулся минутой позже, с кипой книг в руках, и сгрузил тома на стол.

— Драконы! — прошептал он. — Хагрид искал материал о драконах! Смотрите: «*Драконы Великобритании и Ирландии*», «*От яйца к преисподней: помощник драконовода*»…

— Хагрид всегда мечтал о драконе, он мне об этом говорил, ещё когда мы только встретились, — не удивился Гарри.

— Но это противозаконно, — пояснил Рон. — Разведение драконов было запрещено конвенцией чародеев 1709 года, это всем известно. Трудно скрываться от магглов, держа дракона на заднем дворе, — да по-любому, это опасно, дракона же нельзя приручить. Видел бы ты ожоги, которые Чарли заработал, изучая диких драконов в Румынии.

— Но ведь в *Британии* нет диких драконов? — с надеждой спросил Гарри.

— Конечно, есть, — просветил его Рон. — Уэльский зелёный и гебридский чёрный. И прятать их — работа у Министерства ещё та, скажу я тебе. Нашим приходится накладывать заклятия Забвения на магглов, которые видели драконов.

— Так что же всё-таки задумал Хагрид? — покачала головой Гермиона.

* * *

Постучав часом позже в дверь хижины, они с удивлением обнаружили, что шторы задёрнуты. Хагрид напряжённо спросил: «Кто тама?», прежде чем впустить их, и затем быстро захлопнул за ними дверь.

Внутри было невероятно душно. Несмотря на то, что день и так был тёплый, в камине пылал огонь. Хагрид заварил чай и предложил бутерброды с мясом горностая, — от последних они отказались.

— Ну дык, вы хотели мя о чём-то спросить?

— Да-да, — живо ответил Гарри. Не было смысла ходить вокруг да около. — Мы тут думали, может, ты нам расскажешь, что защищает Камень, кроме Пушка?

Хагрид нахмурился.

— Конечно, нет, — отрезал он. — Нумер раз, я

и сам не в курсе. Нумер два, вы и так уже знаете слишком много, так что я бы не сказал вам, если бы и мог. Этот Камень здесь не просто так. Его чуть не стащили из «Гринготтса» — я так понимаю, вы всё разузнали? Хоть убейте, не знаю, откуда вам известно про Пушка.

— Да ладно тебе, Хагрид, ты, может, и не хочешь нам говорить, но ты ведь знаешь, ты знаешь обо всём, что происходит в замке, — вкрадчиво возразила Гермиона. Борода Хагрида шевельнулась, — лесник наверняка улыбался. — Мы просто хотели понять, кто именно охраняет Камень, — продолжала Гермиона. — Нам интересно, кому так доверяет Дамблдор, — кроме тебя, конечно.

При последних её словах Хагрид приосанился. Гарри и Рон мысленно аплодировали Гермионе.

— Ну, наверн, ничаво страшного, ежели я вам расскажу… дайте-ко подумать… я одолжил ему Пушка… потом некоторые учителя навели чары… профессор Саженс, профессор Флитвик, профессор Макгонаголл, — он загнул три пальца, — профессор Квиррелл — и сам профессор Дамблдор, конечно. Погодите, кого-то забыл. Да, точно — профессор Снейп.

— *Снейп*?

— Ну да — а вы всё никак не уймётесь? Поймите

уж, Снейп помогал *защитить* Камень, ему не нужно красть его.

Гарри точно знал, что Рон и Гермиона думают о том же, о чём и он. Если Снейп участвовал в защите Камня, ему не составило труда выяснить, какие чары наводили другие преподаватели. Он, похоже, знал всё, — кроме заклятия Квиррелла и способа обмануть Пушка.

— Хагрид, ведь только ты один знаешь, как пробраться мимо Пушка? — встревоженно уточнил Гарри. — И никому не скажешь? Даже учителю?

— Ни одна живая душа не знает, кроме меня и Дамблдора, — с гордостью подтвердил тот.

— Ну, это уже кое-что, — пробормотал Гарри, обращаясь к друзьям. — Хагрид, можно открыть окно? Я сейчас сварюсь заживо.

— Извини, Гарри, никак нельзя, — развёл руками Хагрид и покосился на камин. Гарри проследил за его взглядом.

— Хагрид — *что* это?

Но и так было ясно. В самом центре очага, прямо под чайником, лежало огромное чёрное яйцо.

— А-а, — отозвался Хагрид, нервно теребя бороду, — это… н-ну…

— Где ты его взял, Хагрид? — прошептал Рон, подбираясь к камину, чтобы получше разглядеть

яйцо. — Оно же обошлось тебе в целое состояние.

— Выиграл, — пояснил Хагрид. — Вчера вечером. Зашёл в деревенский трактир пропустить стаканчик и сыграл в карты с каким-то незнакомцем. Та он и сам, по-мойму, рад был от него отделаться.

— Но что ты будешь делать, когда он вылупится? — осведомилась Гермиона.

— Ну, я тут кой-что почитал, — с готовностью ответил Хагрид, вытаскивая из-под подушки толстую книгу. — Взял в библиотеке — «*Вырастить дракона с удовольствием и пользой*» — она, конечно, чуток устарела, но в ней всё, что нужно. Надо держать яйцо в огне, потому что мать дышит на них, — вот, что я и делаю, — потом, када дракон вылупится, давать ему ковш бренди, смешанной с цыплячьей кровью — каждые полчаса. И вот ишо, как различать разные яйца — у меня здесь норвежский гребнеспин. Они редкие, кстати.

Он выглядел очень довольным — в отличие от Гермионы.

— Хагрид, ты живёшь в *деревянном* доме, — с нажимом произнесла она.

Но Хагрид уже не слушал. Он весело напевал что-то себе под нос, подбрасывая хворост в огонь.

* * *

Таким образом у них появился новый повод для опасений, — что может случиться с Хагридом, узнай кто-то, что тот держит в хижине дракона.

— Интересно, какая она, спокойная жизнь? — вздохнул Рон вечером, пока они корпели над домашней работой. Теперь Гермиона составляла расписания и для них, что мальчиков ужасно нервировало.

Затем, однажды за завтраком, Хедвиг принесла Гарри записку от Хагрида. В ней было всего два слова:

Он вылупляется.

Рон хотел прогулять травоведение и отправиться прямиком в хижину. Но Гермиона и слышать об этом не желала.

— Гермиона, сколько раз в жизни мы увидим, как вылупляется дракон?

— У нас уроки, мы влипнем в неприятности, и это ещё ничего по сравнению с тем, что будет с Хагридом, когда кто-нибудь узнает про…

— Молчи! — прошипел Гарри.

Малфой был всего в паре шагов от них и замер,

навострив уши. Сколько он успел услышать?

Выражение лица Малфоя Гарри совсем не понравилось.

Рон и Гермиона пререкались всю дорогу по пути в теплицы, и, наконец, Гермиона согласилась сбегать к Хагриду на перемене. Когда в конце урока из замка донёсся звонок, все трое побросали совки и понеслись на опушку леса. Встречая их, Хагрид был весь красный от волнения.

— Почти что вылез, — он проводил их в хижину.

Яйцо лежало на столе. Время от времени раздавался громкий треск. Дракон явно шевелился внутри, — из яйца доносилось странное щёлканье.

Они подвинули стулья ближе к столу и наблюдали, затаив дыхание.

Неожиданно скорлупа раскололась. На стол шлёпнулся новорождённый дракон. Лишь с большой натяжкой можно было назвать его симпатичным, — Гарри показалось, что он похож на чёрный, сморщенный зонт. Шипастые крылья были чересчур большими по сравнению с тощим, блестяще-чёрным телом. У него была длинная морда с широкими ноздрями, проклюнувшиеся рога и жёлтые глаза навыкате.

Дракон чихнул. Из ноздрей посыпались искры.

— Ну разве он не *красавчик*? — промурлыкал Хагрид, протягивая руку, чтобы погладить дракона. Тот клацнул зубами в направлении его пальцев, оскалив острые клычки.

— Вы гляньте, он узнаёт свою мамочку! — восхитился Хагрид.

— Хагрид, — осторожно позвала Гермиона, — а как быстро растут норвежские драконы?

Хагрид собирался ответить, как вдруг с лица его сбежала краска, — он вскочил на ноги и бросился к окну.

— Что такое?

— Кто-то подсмотрел в щель между шторами — мальчишка — вона, бежит к замку.

Гарри кинулся к двери и выглянул наружу. Даже на расстоянии ошибиться было невозможно.

Малфой видел дракона.

* * *

Всю следующую неделю, ухмылка, то и дело мелькающая на лице Малфоя, выводила их из себя. Теперь они постоянно сидели в хижине Хагрида, пытаясь образумить его.

— Отпусти его, — убеждал Гарри. — Просто выпусти его на волю.

— Не могу, — отвечал Хагрид. — Он слишком маленький. Погибнет.

Они взглянули на дракона. Всего за неделю он вырос в три раза. Из ноздрей у него вырывался дым. Хагрид не выполнял обязанности лесника, потому что был слишком занят драконом. По всему полу валялись пустые бутылки из-под бренди и птичьи перья.

— Я решил назвать его Норбертом, — сообщил Хагрид, глядя на дракона затуманенным от нежности взором. — Теперь он точно меня узнаёт, смотрите. Норберт! Норберт! Где твоя мамочка?

— Так, уже крыша поехала, — шепнул Рон на ухо Гарри.

— Хагрид, — громко сказал Гарри, — ещё пара недель, и Норберт будет размером с твой дом. Малфой может в любой момент донести Дамблдору.

Хагрид закусил губу.

— Я… я знаю, что не смогу держать его здесь вечно, но я не могу бросить его, ну не могу.

Гарри внезапно повернулся к Рону.

— Чарли.

— И у тебя поехала, — констатировал тот. — Я Рон, помнишь такого?

— Нет — Чарли — твой брат Чарли. В Румы-

нии. Изучает драконов. Мы можем отправить Норберта ему. Чарли позаботится о нём, а потом отпустит на свободу!

— Блестяще! — выпалил Рон. — Как тебе, Хагрид?

В конце концов, Хагрид сдался и разрешил им отправить Чарли сову.

* * *

Дни тянулись невыносимо. В среду ночью Гарри и Гермионе пришлось ждать одним в гостиной, когда все уже давно разошлись по спальням. Напольные часы у стены едва пробили полночь, когда наконец портретный проём открылся. Рон появился словно из ниоткуда, стаскивая на ходу плащ-невидимку Гарри. Он помогал Хагриду кормить Норберта, — теперь дракон питался дохлыми крысами в огромных количествах.

— Он укусил меня! — выдохнул он, показывая им руку, обёрнутую окровавленным носовым платком. — Я неделю не смогу держать перо. Клянусь вам, кошмарнее дракона я никого не встречал, но из рассказов Хагрида выходит, что он — милый пушистый крольчонок. Когда Норберт укусил меня, он отчитал меня за то, что я испугал его. А когда я уходил, он пел ему колыбельную.

От окна донёсся стук.

— Это Хедвиг! — воскликнул Гарри, торопясь впустить сову. — Она принесла ответ от Чарли!

Все трое прижались друг к другу и начали читать:

Дорогой Рон,

Как ты? Спасибо за письмо — я буду рад взять норвежского дракона, но доставить его сюда будет непросто. Думаю, лучше всего будет, если его заберут мои друзья — они навестят меня на следующей неделе. Проблема в том, что их не должны заметить с нелегальным драконом.

Вы могли бы подняться с ним на самую высокую башню в субботу, в полночь? Они встретят вас там и заберут дракона, пока ещё темно.

Пришли мне ответ как можно скорее.

С любовью,

Чарли

Они переглянулись.

— У нас есть плащ-невидимка, — предложил Гарри. — Это будет несложно — думаю, им можно

укрыть двоих из нас и Норберта.

То, что они оба согласились с ним, символизировало, какими ужасными были две минувшие недели. Что угодно, лишь бы избавиться от Норберта — и Малфоя.

* * *

Произошла одна заминка. К следующему утру укушенная рука Рона распухла и стала в два раза толще обычного. Он не знал, безопасно ли обращаться к мадам Помфри, — вдруг она распознает укус дракона? К полудню, впрочем, у него не осталось выбора. Кожа вокруг раны приобрела неприятный зеленоватый оттенок. Похоже, клыки Норберта были ядовиты.

В конце дня Гарри и Гермиона поспешили в больничное крыло и обнаружили Рона в постели, в ужасном состоянии.

— Это не только из-за руки, — прошептал он, — хотя такое ощущение, что она вот-вот отвалится. Малфой соврал мадам Помфри, что хочет позаимствовать у меня книгу, и повеселился надо мной от души. Всё угрожал, что расскажет ей, кто меня укусил на самом деле, — я говорил, что собака, — но вряд ли она поверила мне. Нельзя было мне бить его на квиддичном матче, вот почему он

так себя ведёт.

Гарри и Гермиона попытались успокоить Рона.

— Всё будет позади в субботу, в полночь, — напомнила Гермиона, но это вовсе не утешило Рона. Напротив, он резко выпрямился в постели, и на лбу у него проступил пот.

— В субботу, в полночь! — прохрипел он. — О нет… о нет… я только что вспомнил, — письмо Чарли было в той книге, что взял Малфой. Он узнает, что Норберта забирают.

Они не успели ответить. В ту самую минуту к ним подошла мадам Помфри и выставила их, заявив, что Рону нужен сон.

* * *

— План менять уже поздно, — твердил Гарри Гермионе. — У нас нет времени, чтобы послать Чарли другую сову, а это, может быть, наш единственный шанс отвязаться от Норберта. Надо рискнуть. И у нас *есть* плащ-невидимка, Малфой о нём не знает.

Волкодав Клык сидел возле хижины с перебинтованным хвостом; Хагрид, чтобы поговорить с ними, открыл окно.

— Я вас не пущу, — пропыхтел он. — Норберт что-то расшалился — но я-то с ним справлюсь.

Когда они рассказали ему о письме Чарли, глаза Хагрида наполнились слезами, — хотя это, возможно, оттого, что Норберт цапнул его за ногу.

— Аййй! Всё в порядке, всего лишь башмак прокусил — играет — в конце концов, он ишо кроха.

Кроха молотила хвостом по стене, отчего в хижине трещали окна. Гарри и Гермиона направились обратно к замку, чувствуя, что дождаться субботы будет непросто.

* * *

Им было бы жаль Хагрида, когда тому пришло время прощаться с Норбертом, не будь они так взволнованы. Ночь была тёмной, небо — затянуто тучами, и они немного опоздали к Хагриду, — пришлось ждать, пока Брюзг уберётся с дороги, — полтергейст в Вестибюле увлечённо играл в теннис со стеной.

Норберт был готов к путешествию, сидя в большом ящике.

— Я там ему приготовил на дорожку крыс и бренди, — невнятно говорил Хагрид. — И ишо его плюшевого мишку положил — вдруг ему станет скучно.

Судя по треску, доносящемуся из сундука, мишке отрывали голову.

— Пока, Норберт! — всхлипнул Хагрид, когда Гарри и Гермиона накрыли сундук плащом и забрались под него сами. — Мамочка никада тя не забудет!

Они и сами не могли понять, как им удалось дотащить сундук до замка. Полночь неуклонно приближалась, пока они волокли Норберта вверх по мраморным ступеням главного входа, по тёмным коридорам. Они преодолели другую лестницу, и ещё одну; даже один из коротких путей Гарри не облегчил задачу.

— Уже близко, — просипел Гарри, когда они добрались до коридора, ведущего к башне.

И тут они заметили кого-то впереди; ребята едва не уронили сундук. Забыв, что они и так невидимы, Гарри и Гермиона отступили в тень, вглядываясь в неясные очертания двух людей в десяти шагах от них. Зажглась лампа.

Профессор Макгонаголл, в клетчатом халате и сеточке для волос, крепко держала Малфоя за ухо.

— Наказание! — отчеканила она. — И минус двадцать баллов Слизерину! Разгуливать по замку среди ночи, как вы *посмели*…

— Вы не понимаете, профессор. Гарри Поттер скоро будет здесь — с драконом!

— Что за чушь! Как вам не стыдно так нагло лгать мне! Идём — я поговорю с профессором Снейпом о вашем поведении, Малфой!

После этого путь по узкой спиральной лестнице показался им необычайно лёгким. Едва ступив на вершину башни и с облегчением вдохнув холодный ночной воздух, они сбросили плащ.

Гермиона на радостях сплясала джигу.

— Малфоя ждёт наказание! Прямо петь хочется!

— Не надо, — предупредил Гарри.

Посмеиваясь над Малфоем, они ждали; Норберт копошился в сундуке. Примерно через десять минут вдали показались четыре метлы.

Друзья у Чарли, как оказалось, весёлые и дружелюбные. Они продемонстрировали Гарри и Гермионе специальную упряжь, подвешенную к двум мётлам. Общими усилиями они надёжно закрепили в ней Норберта; Гарри и Гермиона пожали остальным руки, наперебой благодаря их.

Наконец, Норберт исчезал вдали… исчезал… *исчез*.

Они с лёгким сердцем спустились по спиральной лестнице. Никакого дракона — Малфой получил наказание — что могло омрачить их счастье?

Ответ поджидал их у подножия лестницы. Едва они шагнули по коридору, из темноты выплыло лицо Филча.

— Так, так, так, — прошептал он, — у нас проблемы.

Они оставили плащ-невидимку на башне.

Глава пятнадцатая
ЗАПРЕТНЫЙ ЛЕС

Хуже быть не могло.

Филч отконвоировал их на первый этаж, в кабинет профессора Макгонаголл; они ждали в полной тишине. Гермиона дрожала. Оправдания, алиби и отговорки, одна ничтожнее другой, роились в голове Гарри. Он не знал, как им выкрутиться на этот раз. Их загнали в угол. Как можно быть такими идиотами, чтобы забыть плащ? Для профессора Макгонаголл не существовало достойного повода, по которому они имели право бродить по школе среди ночи, да ещё и подниматься на Астрономическую башню, куда вообще вход был воспрещён, кроме как на занятия. Прибавить Норберта и плащ-невидимку — и им уже впору паковать сундуки.

Гарри думал, что хуже быть не могло? Он ошибся. Появившаяся профессор Макгонаголл вела за собой Невилла.

— Гарри! — выпалил Невилл, едва увидев их с Гермионой. — Я хотел найти вас, предупредить, Малфой говорил, что поймает вас, когда вы бу-

дете с дра…

Гарри яростно замотал головой, чтобы Невилл замолчал, но профессор Макгонаголл это заметила. Возвышаясь над всеми тремя, казалось, она начнёт изрыгать пламя скорее, чем Норберт.

— Такого я от вас не ожидала. Мистер Филч сказал, что вы были на Астрономической башне. Сейчас час ночи. *Объяснитесь*.

Гермиона впервые не смогла ответить на вопрос учителя. Она сидела неподвижно, словно статуя, вперив взгляд в собственные тапки.

— Что ж, думаю, мне ясно, в чём здесь дело, — продолжала профессор Макгонаголл. — Не нужно быть гением, чтобы догадаться. Вы скормили Драко Малфою байку о драконе, чтобы выманить его из постели и вовлечь в неприятности. Я уже поймала его. Полагаю, вам кажется смешным, что на эту историю клюнул и Лонботтом?

Гарри уловил взгляд Невилла и попытался без слов объяснить ему, что это не так, — вид у того был уязвлённый и ошеломлённый. Бедный, неуклюжий Невилл, — Гарри знал, чего ему стоило искать их в кромешной тьме, чтобы вытащить из беды.

— Я в бешенстве, — заявила профессор Макгонаголл. — Четверо учеников не в постелях — и

за одну ночь! В жизни не слышала о таком! Я считала, что вы, мисс Грейнджер, куда разумнее. Что же до вас, мистер Поттер, мне казалось, Гриффиндор значит для вас больше. Вы все получаете наказания — да, мистер Лонботтом, и вы тоже — ничто не даёт вам право бродить по замку ночью, сейчас это особенно опасно — и минус пятьдесят баллов с Гриффиндора.

— Пятьдесят? — выдохнул Гарри; так их дом терял первенство, которое он выцарапал в последнем квиддичном матче.

— Пятьдесят *с каждого*, — договорила профессор Макгонаголл; крылья её точёного носа затрепетали.

— Профессор… пожалуйста…

— Вы *не можете*…

— Не указывайте мне, Поттер, что я могу делать, а чего не могу. Теперь возвращайтесь в постель. Мне никогда ещё не было так стыдно за Гриффиндор.

Потеряно сто пятьдесят баллов. Гриффиндор опустился на последнее место. За одну ночь они отняли у Гриффиндора всякую надежду завоевать Школьный Кубок. Желудок Гарри словно завязали узлом. Как им теперь снова набрать баллы?

Гарри не спал всю ночь. Невилл всхлипывал в

подушку, кажется, несколько часов. Гарри нечего было сказать ему в утешение. Он понимал, что тот, как и он сам, с ужасом ждал утра. Что будет с ними, когда остальные гриффиндорцы узнают, что они натворили?

Поначалу гриффиндорцы, проходя мимо гигантских песочных часов, показывающих количество баллов дома, решили, будто это какая-то ошибка. Как за ночь могло пропасть сто пятьдесят баллов? А потом правда постепенно расползлась по всей школе: Гарри Поттер, знаменитый Гарри Поттер, их герой двух квиддичных матчей, лишил их всех баллов разом, — он и ещё пара глупых первокурсников.

Будучи раньше любимцем всей школы, Гарри превратился в изгоя. Даже Хуфльпуф и Рейвенкло ополчились на него, — все надеялись, что Слизерин хоть в этот раз упустит Школьный Кубок. Куда бы ни пошёл Гарри, люди тыкали в него пальцем и оскорбляли, даже не трудясь понизить голос. А слизеринцы, встречаясь с ним, аплодировали, свистели и выкрикивали: «Спасибо, Поттер, мы твои должники!»

Только Рон поддерживал его.

— Все забудут об этом через пару недель. Фред и Джордж, пока они в Хогвартсе, потеряли жуть

сколько баллов, а их всё равно любят.

— Но ведь не сто пятьдесят за раз? — возразил несчастный Гарри.

— Ну… нет, — признал Рон.

Было поздновато исправлять свои огрехи, но Гарри поклялся себе отныне не впутываться в дела, которые его не касались. Хватит с него шпионажа и всяких расследований. Ему было так стыдно, что он предложил Пруту отчислить его из команды.

— Отчислить? — прогремел Прут. — И какая от этого польза? Как нам вернуть баллы, если мы не выиграем следующий матч?

Но даже квиддич не доставлял удовольствия. На тренировках его игнорировали, а, если нужно было упомянуть о нём, называли «следопыт».

Гермиона и Невилл тоже страдали. Им не приходилось так же плохо, как Гарри, — они не были так известны, — но и с ними никто не разговаривал. На уроках Гермиона перестала привлекать к себе внимание и работала молча, опустив голову.

Гарри был чуть ли не рад, что скоро экзамены. За занятиями ему удавалось на время забыть о своих невзгодах. Они с Роном и Гермионой держались вместе, работая до поздней ночи, за-

поминая составы сложных зелий, заучивая чары и заклинания, зубря даты магических открытий и гоблинских восстаний…

А затем, за неделю до начала экзаменов, решение Гарри не лезть не в своё дело подверглось неожиданной проверке. Возвращаясь в одиночестве из библиотеки, он услышал, как кто-то причитает в соседнем классе. Подойдя ближе, Гарри различил слова Квиррелла:

— Нет… нет… пожалуйста, не надо…

Похоже было, что кто-то угрожал ему. Гарри шагнул к двери.

— Хорошо… хорошо, — пролепетал Квиррелл.

В следующий миг Квиррелл вылетел из класса, поправляя тюрбан. Он был бел, как мел и, казалось, вот-вот заплачет. Он умчался прочь; Гарри показалось, что Квиррелл даже не заметил его. Подождав, пока шаги Квиррелла затихнут вдали, мальчик заглянул в класс. Там было пусто, но дверь в дальнем углу была приоткрыта. Гарри был на полпути к ней, когда вдруг вспомнил о данном себе обещании.

В то же время, он готов был поставить дюжину Философских Камней на то, что отсюда только вышел Снейп. А с учётом того, что Гарри сейчас услышал, Снейп должен был теперь скакать

по школе вприпрыжку, — Квиррелл, похоже, сдался.

Гарри отправился назад, в библиотеку, — Гермиона проверяла Рона по астрономии. Гарри сообщил им, что сейчас услышал.

— Значит, Снейп своего добился! — резюмировал Рон. — Раз Квиррелл рассказал ему, как разрушить чары от тёмных сил…

— Ещё остаётся Пушок, — возразила Гермиона.

— Снейп и без помощи Хагрида может всё выяснить, — хмыкнул Рон, оглядывая тысячи окружавших его фолиантов. — В одной из этих книг наверняка говорится, как отвлечь трёхголового пса. Так что мы будем делать, Гарри?

Во взгляде Рона снова мелькнула жажда приключений, но Гермиона опередила Гарри с ответом.

— Пойдём к Дамблдору. Мы давным-давно должны были это сделать. Если попытаемся предпринять что-то сами, нас однозначно исключат.

— Но у нас нет *доказательств*! — напомнил Гарри. — Квиррелл слишком напуган, чтобы поддержать нас. Снейпу достаточно сказать, что он не знает, как тролль попал сюда в Хеллоуин и что ни на каком третьем этаже его не было, — кому, ты думаешь, поверят, ему или нам? Ни для кого

не секрет, что мы его терпеть не можем, Дамблдор решит, что мы хотим его подставить. Филч не помог бы нам, даже если бы от этого зависела его жизнь, он чересчур дружен со Снейпом, да и чем больше учеников исключат, тем для него лучше. И потом, нам вообще не положено знать ни о Камне, ни о Пушке. Слишком уж много объяснений.

Гермиону он, похоже, убедил, — но не Рона.

— Если мы проведём небольшую разведку…

— Нет, — наотрез отказался Гарри. — Мы уже наразведывались.

Он подтянул к себе карту Юпитера и начал заучивать названия его спутников.

* * *

За завтраком Гарри, Гермиона и Невилл получили записки. Все они были одинакового содержания:

Ваше наказание назначено на одиннадцать часов вечера.

Мистер Филч будет ждать в Вестибюле.

Профессор Макгонаголл

Из-за переживаний по поводу потерянных баллов Гарри совершенно забыл, что им ещё предстоит отбыть наказание. Он уже ждал, что Гермиона начнёт жаловаться из-за отнятой у них целой ночи занятий, но она не проронила ни слова. Как и Гарри, она чувствовала, что заслужила это.

В одиннадцать вечера они попрощались с Роном и вместе с Невиллом отправились вниз, в Вестибюль. Филч уже был там, — как и Малфой. Гарри только сейчас вспомнил, что Малфой тоже получил наказание.

— За мной, — приказал Филч, зажигая фонарь и выпроваживая их на улицу.

— Уверен, теперь вы дважды подумаете, прежде чем нарушить школьные правила, верно? — Филч плотоядно покосился на них. — О да… по мне, так тяжёлая работа и боль — лучшие наставники. Жаль всё же, что старые наказания отменили… раньше бы вас подвесили за запястья к потолку и оставили на пару дней… я до сих пор храню цепи, регулярно смазываю, — вдруг ещё понадобятся. Так, пошли, и не вздумайте удрать, — хуже будет.

Они побрели вперёд по окрестностям замка; Невилл всё шмыгал носом. Гарри гадал, каким

окажется их наказание, — явно чем-то особенно неприятным, иначе Филч не лучился бы счастьем.

Луна светила ярко, но её застилали чёрные тучи. В окнах хижины Хагрида горел свет. Вдруг тот окликнул их издали:

— Эт ты там, Филч? Поторапливайся, начинать пора.

Гарри воспрял духом; с Хагридом им никакое наказание не страшно. Видимо, облегчение отразилось и на его лице, потому что Филч усмехнулся:

— Ты, кажется, собрался валять дурака вместе с этим олухом? Спешу тебя расстроить, мальчик: вы идёте в лес, и я сильно удивлюсь, если вы все вернётесь оттуда невредимыми.

Невилл испустил тихий стон, а Малфой остановился как вкопанный.

— В лес? — переспросил он, и голос его прозвучал совсем не так самоуверенно, как обычно. — Нам нельзя ходить туда ночью — там водятся всякие твари — оборотни, я слышал.

Невилл вцепился в рукав Гарри и издал полузадушенный хрип.

— А это уже ваши проблемы, — усмехнулся Филч, причём его голос дрожал от еле сдер-

живаемого торжества. — Надо было думать об оборотнях прежде, чем правила нарушать.

Хагрид торопливо шёл к ним, Клык следом. В руках лесник держал арбалет, а на плече у него висел колчан стрел.

— Ну, неужели, — нетерпеливо упрекнул он, — я уж полчаса как жду. Гарри, Гермиона, как вы?

— Я бы не был к ним слишком дружелюбен, Хагрид, — холодно проговорил Филч, — они вообще-то наказание пришли отбывать.

— Так ты вот чего опоздал, а? — Хагрид хмуро глянул на Филча. — Лекции им читал? Не твоё эт дело. Всё, дальше я сам справлюсь.

— Я вернусь к рассвету, — кивнул Филч. — За тем, что от них останется, — с гадкой ухмылкой прибавил он; смотритель зашагал к замку, — фонарь его раскачивался из стороны в сторону.

Малфой повернулся к Хагриду.

— Я в лес не пойду, — заявил он, с паническими, к удовольствию Гарри, нотками в голосе.

— Пойдёшь, ежели хошь остаться в Хогвартсе, — отрезал Хагрид. — Дурно поступил, дык плати за это.

— Но это работа для слуг, не для учеников. Я думал, мы будем писать строчки или что-то вроде этого; да если бы мой отец узнал об этом…

— ...то сказал бы, что в Хогвартсе такие порядки, — рыкнул Хагрид. — Строчки он писать собрался! Кому до того надобность? Ты сделаешь что-нить полезное, или вылетишь отсюда. Ежели думаешь, что отец обрадуется, када тя исключат, дык иди пакуй вещи. Ну, чего стоишь?

Малфой не сдвинулся с места. Он свирепо взглянул на Хагрида, но затем отвёл глаза.

— То-то же, — кивнул Хагрид. — Терь слушайте внимательно, эт дело опасное, а я не хочу, чтоб с вами что-то случилось. Пошли со мной.

Он подвёл их к самой опушке леса. Высоко подняв фонарь, он указал на узкую, извилистую тропу, исчезавшую в густой роще. Лёгкий ветерок пробежал по их волосам, когда они заглянули в чащу.

— Глядите сюды, — позвал Хагрид, — видите пятна на земле? Серебристые? Эт единорожья кровь. Его кто-то сильно ранил. Эт уж второй раз за неделю. В прошлую среду я нашёл одного мёртвым. Нам нужно найти бедолагу. Возможно, придётся его добить, чтоб не мучился.

— А если то, что ранило единорога, отыщет нас раньше? — поинтересовался Малфой, не в силах скрыть страх.

— Нет такого в лесу, кто бы вам вред причи-

нил, ежели вы со мной или с Клыком, — заверил Хагрид. — И не сходите с тропы. Так, терь мы разделимся — тут след расходится. Здесь кровь повсюду, — он, похоже, бродит тут ишо с прошлой ночи.

— Я пойду с Клыком, — живо потребовал Малфой, косясь на длинные собачьи зубы.

— Ради бога, но предупреждаю — он трус, — пожал плечами Хагрид. — Значит, я, Гарри и Гермиона идём в эту сторону, а Драко, Невилл и Клык — туда. Ежели кто-нить из нас найдёт единорога, посылает зелёные искры, ага? Достаньте-ка палочки и потренируйтесь — ага, вот так — а ежели кто-то попадёт в беду, посылайте красные, и мы на помощь придём — и будьте осторожны. Пошли.

Лес был чёрен и безмолвен. Вскоре они добрались до развилки; Гарри, Гермиона и Хагрид взяли левее, а Малфой, Невилл и Клык ушли вправо.

Они шли молча, шаря взглядом по земле. То и дело луч лунного света, пробившись сквозь ветви, освещал пятно серебристо-синей крови на опавшей листве.

Гарри заметил, что Хагрид очень обеспокоен.

— *А может*, это оборотень убивает единоро-

гов? — предположил Гарри.

— Скорость не та, — покачал головой лесник. — Единорога поймать непросто, они созданья удивительные. Я даж не знал, что их можно ранить.

Они миновали старый замшелый пень. Слышно было журчание воды, — должно быть, где-то поблизости ручей. Возле петляющей тропы всё ещё виднелись пятна единорожьей крови.

— Ты в порядке, Гермиона? — прошептал Хагрид. — Не волнуйтесь, с такой раной он не мог далеко уйти, так что мы скоро — ЖИВО ЗА ДЕРЕВО!

Хагрид схватил Гарри и Гермиону в охапку и отволок их с тропы за высокий дуб. Он выдернул из колчана стрелу и зарядил арбалет, приготовившись выстрелить. Все трое напрягли слух. Опавшие листья рядом шуршали: как будто подол плаща волочился по земле. Хагрид искоса смотрел на тропу, но вскоре звук затих.

— Так и знал, — пробормотал лесник. — Бродит тут кой-кто, кому здесь делать нечего.

— Оборотень?

— Не-а, не он… и не единорог, — мрачно отозвался Хагрид. — Так, потопали — но осторожно.

Теперь они двигались медленно, навострив

уши. Внезапно они уловили какое-то движение на поляне впереди.

— Кто здесь? — позвал Хагрид. — Покажись — я вооружён!

На поляну вышел человек… или всё же конь? Выше пояса — рыжеволосый бородатый мужчина, но ниже — лоснящийся гнедой лошадиный торс с длинным рыжеватым хвостом. У Гарри и Гермионы отвисли челюсти.

— А, эт ты, Ронан, — с облегчением произнёс Хагрид. — Как ты?

Он прошагал к кентавру и пожал ему руку.

— Добрый вечер, Хагрид, — поприветствовал его Ронан. Говорил он глубоким, скорбным голосом. — Хотел меня пристрелить?

— Осторожность не повредит, Ронан, — ответил Хагрид, похлопав по арбалету. — Нехорошее что-то в лесу объявилось. Кстати, эт Гарри Поттер и Гермиона Грейнджер. Ученики. А эт Ронан. Он кентавр.

— Мы заметили, — слабым голосом отозвалась Гермиона.

— Добрый вечер, — промолвил Ронан. — Ученики, значит? И многое вы уже узнали на занятиях?

— Эмм…

— Немножко, — застенчиво ответила Гермиона.

— Немножко. Что ж, это уже кое-что, — вздохнул Ронан. Он поднял голову и уставился на небо. — Марс сегодня яркий.

— Ага, — согласился Хагрид, тоже задрав голову. — Слушай, Ронан, хорошо, что мы тебя встретили, — здесь где-то раненый единорог… ты его, часом, не видел?

Ронан ответил не сразу. Он, не мигая, глядел на небо и затем снова вздохнул.

— Первыми жертвами всегда становятся невинные, — проговорил он. — Как много лет назад, так и сейчас.

— Да, — кивнул Хагрид, — но ты ничего не видел, Ронан? Ничего необычного?

— Марс сегодня яркий, — повторил Ронан; Хагрид нетерпеливо наблюдал за ним. — Необычайно яркий.

— Да, но я имел в виду кой-что необычное чуток поближе, — пояснил Хагрид. — Так ты не замечал ничего странного?

Ронан вновь выдержал паузу перед ответом.

— Лес скрывает много тайн.

За деревьями позади Ронана что-то шевельнулось, и Хагрид снова вскинул арбалет — но

это оказался другой кентавр, черноволосый и с вороным телом, — и видом далеко не таким безобидным, как у Ронана.

— Здорово, Бейн, — поздоровался Хагрид. — Всё в порядке?

— Здравствуй, Хагрид, надеюсь, ты здоров?

— Да, так, потихоньку. Слухай, я как раз спрашивал Ронана, ты не замечал в последнее время ничего странного? Просто кто-то ранил единорога — мож, ты что-нить знаешь?

Бейн подошёл к Ронану и взглянул на небо.

— Марс сегодня яркий, — только и ответил он.

— Эт мы уже слышали, — недовольно пробурчал Хагрид. — Ладно, если увидите что-нить, дайте мне знать, хорошо? А мы потопали.

Гарри и Гермиона последовали за лесником, оглядываясь на Ронана и Бейна, пока деревья не скрыли кентавров от их взора.

— Никада, — раздражённо говорил Хагрид, — не пытайтесь вытянуть из кентавра прямого ответа. Тож мне, звездочёты. Что поближе луны, их уж не волнует.

— А их здесь много? — спросила Гермиона.

— Да хватает. Они вообще держатся особняком, но ежели мне чего спросить надобно, они тут как тут. Они, кентавры, умные… всё знают… тока

рассказывать не любят.

— А тогда, ты думаешь, это тоже был кентавр? — спросил Гарри.

— А похоже было, что копыта стучат? Не-а, я так скажу: эт был тот, кто единорогов убивает, — я такого звука раньше в лесу не слыхал.

Они брели по тёмной чаще. Гарри нервно оглядывался через плечо. Его не оставляло мерзкое ощущение, что за ними наблюдали. Он был очень рад, что с ними Хагрид, а у Хагрида есть арбалет. Они преодолели очередной изгиб тропы, как вдруг Гермиона вцепилась в руку Хагрида:

— Хагрид! Смотри! Красные искры, они в опасности!

— Ждите здесь! — проорал Хагрид. — С тропы ни шагу, я скоро вернусь!

Было слышно, как лесник продирается сквозь заросли; они в страхе глядели друг на друга, — наконец всё затихло, кроме шелеста опавших листьев.

— Думаешь, с ними что-то случилось? — прошептала Гермиона.

— Мне плевать на Малфоя, но если что-то с Невиллом… В конце концов, он здесь из-за нас.

Минуты ползли. Слух, казалось, обострился до предела. Гарри улавливал каждое дуновение

ветра, каждый хруст ветки. В чём дело? Что с остальными?

Наконец, громкий треск оповестил о возвращении Хагрида. Малфой, Невилл и Клык плелись позади. Лесник едва не дымился от злости. Малфой, похоже, подкрался к Невиллу и шутки ради схватил сзади. Невилл запаниковал и запустил в небо искры.

— Вы двое такой шум подняли, что нам терь вряд ли что-нить удастся найти. Так, меняемся, — Невилл, ты остаёшься со мной и Гермионой, а ты, Гарри, идёшь с Клыком и этим идиотом. Извини, — добавил Хагрид на ухо Гарри, — но тебя напугать не так просто, а нам надобно дело закончить.

Так что Гарри отправился в самую глубь леса вместе с Малфоем и Клыком. Они шли около получаса, и стало практически невозможно держаться тропы, так часто росли деревья. Гарри показалось, что кровь становилась гуще. Корни деревьев были забрызганы ею, словно бедное животное в агонии металось туда-сюда. Впереди, за сплетением ветвей векового дуба, виднелась поляна.

— Смотри, — пробормотал он, останавливая Малфоя рукой.

Что-то ослепительно-белое сияло на земле. Они подступили ближе.

Это был единорог, и он был мёртв. Гарри никогда не видел такой прекрасной и грустной картины. Длинные стройные ноги были вывернуты под странными углами, а перламутровая грива — размётана по опавшей листве.

Гарри шагнул вперёд и тут же застыл: поблизости раздался шорох. Кустарник на краю поляны задрожал… Из тени выскользнула фигура в капюшоне, похожая на крадущегося зверя. Гарри, Малфой и Клык стояли, словно прикованные к месту. Фигура подошла к единорогу, склонила голову над раной в боку животного и начала пить кровь.

— АААААААААА!

Малфой издал отчаянный вопль и сорвался с места — как и Клык. Фигура подняла голову и уставилась прямо на Гарри, — единорожья кровь капала из-под капюшона. Она поднялась и двинулась к нему, — от страха он не мог пошевелиться.

И тут его голову пронзила такая боль, какой он раньше не испытывал, — шрам словно загорелся, — едва не ослепший, он попятился. Тут за спиной послышался стук копыт, и кто-то, пере-

махнув через его голову, набросился на фигуру в капюшоне.

Боль была такой острой, что Гарри упал на колени. Прошла минута или две. Когда он снова поднял голову, оказалось, что фигура исчезла. Перед ним стоял кентавр, но не Ронан и не Бейн, — этот выглядел моложе; у него были белокурые волосы и соловое тело.

— Вы в порядке? — спросил кентавр, помогая Гарри подняться на ноги.

— Да… спасибо… что это было?

Кентавр не ответил. У него были поразительные голубые, как бледные сапфиры, глаза. Он внимательно смотрел на Гарри, — его взгляд задержался на шраме, побагровевшем и отчётливо проступившем на лбу.

— Вы — мальчик Поттер, — сказал он. — Вам лучше вернуться к Хагриду. В лесу сейчас небезопасно — особенно вам. Вы умеете ездить верхом? Так будет быстрее. Меня зовут Флоренц, — прибавил он, припав на передние ноги, чтобы Гарри мог взобраться к нему на спину.

Внезапно раздался стук мчащихся галопом копыт. Ронан и Бейн ворвались на поляну; бока их лоснились от пота.

— Флоренц! — прогремел Бейн. — Что ты вы-

творяешь? У тебя на спине человек! У тебя совесть есть? Ты что, ездовая лошадь?

— А ты понимаешь, кто это такой? — возразил Флоренц. — Это мальчик Поттер. Чем быстрее он покинет лес, тем лучше.

— Что ты ему рассказал? — гневно прорычал Бейн. — Помни, Флоренц, мы поклялись не вмешиваться в волю небес. Разве планеты не сообщали нам, что должно произойти?

Ронан нервно рыл землю копытом.

— Я уверен, Флоренц решил, что так будет лучше, — мрачно сказал он.

Бейн в ярости лягнул воздух.

— Лучше! А при чём здесь мы? Кентавров должно волновать то, что было предсказано! И не наше дело возить на себе бродячих людей, как ишаки!

Флоренц неожиданно встал на дыбы, — Гарри пришлось ухватиться за его плечи, чтобы не свалиться на землю.

— Ты не видишь этого единорога? — проревел он, обращаясь к Бейну. — Не понимаешь, почему его убили? Или планеты не открыли тебе эту тайну? Я буду бороться с тем, что прячется в лесу — и да, Бейн — вместе с людьми, если будет нужно.

И Флоренц ускакал прочь; Гарри цеплялся за него, как только мог; они оставили Ронана и Бей-

на далеко позади.

Гарри решительно ничего не понимал.

— Почему Бейн так разозлился? — спросил он. — И от кого вы меня спасли?

Флоренц перешёл на шаг, предупредил, чтобы Гарри пригнул голову, чтобы не удариться о ветви, но не ответил на его вопрос. Они так долго шли молча, что Гарри решил, будто Флоренц не хочет с ним больше разговаривать. Впрочем, когда они пробирались через особенно тёмную часть леса, Флоренц остановился.

— Гарри Поттер, вы знаете, для чего используют кровь единорога?

— Нет, — ответил Гарри, обескураженный неожиданным вопросом. — На уроках мы готовили зелья только с толчёным рогом и волосами из хвоста.

— Это потому, что убийство единорога — чудовищное преступление, — объяснил Флоренц. — Лишь тот, кому нечего терять, и кто хочет обрести всё, способен на такое злодеяние. Кровь единорога поможет остаться в живых, даже если ты на волосок от смерти, — но ужасной ценой. Ты убил невинное и беззащитное создание, чтобы спастись самому, и твоя жизнь превратится в существование, она будет проклята с того момента,

когда кровь коснётся твоих губ.

Гарри уставился в затылок Флоренца, отливавший серебром в лунном сиянии.

— Но кто решится на это? — размышлял он вслух. — Если ты будешь проклят навеки, лучше смерть, верно?

— Да, — согласился Флоренц, — только не в том случае, если всё, что тебе нужно — оставаться в живых до тех пор, пока ты не примешь что-нибудь ещё, — что-то, что вернёт тебе былую силу и мощь, — что-то, что дарует тебе бессмертие. Мистер Поттер, вам известно, что сейчас спрятано в вашей школе?

— Философский Камень! Ну конечно — Животворящий эликсир! Но я не понимаю, кому…

— Вы не знаете никого, кто много лет цеплялся за жизнь, в ожидании подходящего момента, чтобы вернуть власть?

Сердце Гарри как будто сжал железный кулак. Кроме шелеста листьев, он, казалось, вновь слышит слова, сказанные Хагридом в ту ночь, когда они встретились: «Кто-то г'рит, умер он. Ерунда все это, я скажу. В нём-то и человеческого ничего не осталось, чтоб умереть».

— Вы хотите сказать, — прохрипел Гарри, — что это был *Вол*…

— Гарри! Гарри, ты цел?

По тропе к ним бежала Гермиона; Хагрид, пыхтя, поспешал следом.

— Нормально, — ответил Гарри, едва соображая, что говорит. — Единорог мёртв, Хагрид, он вон на той поляне.

— Здесь я вас покину, — проговорил Флоренц, когда Хагрид кинулся осмотреть единорога. — Теперь вы в безопасности.

Гарри слез на землю.

— Удачи, Гарри Поттер, — пожелал Флоренц. — Движения планет и раньше истолковывались неверно, даже кентаврами. Надеюсь, это один из таких случаев.

Он развернулся и поскакал обратно в чащу, оставив дрожащего Гарри позади.

* * *

Рон, дожидаясь их, заснул в общей гостиной. Когда Гарри грубо растолкал его, он закричал что-то о нарушении квиддичных правил. Через несколько секунд, однако, он открыл глаза, и Гарри поведал ему и Гермионе о том, что с ним произошло в лесу.

Гарри не мог сидеть. Он расхаживал взад-вперёд перед камином. Его до сих пор колотила

дрожь.

— Снейп хочет добыть Камень для Волдеморта… а Волдеморт поджидает его в лесу… а мы-то всё это время думали, что Снейп просто хочет разбогатеть…

— Прекрати называть его по имени! — трагическим шёпотом прервал его Рон, словно Волдеморт мог их услышать.

Гарри не обратил на него внимания.

— Флоренц спас меня, хотя не должен был… Бейн был в ярости… он говорил про что-то, предсказанное планетами, и во что им нельзя вмешиваться… это возвращение Волдеморта… Бейн считает, что Флоренц должен был позволить Волдеморту убить меня… видимо, это тоже предначертано звёздами.

— Да перестанешь ты называть его по имени! — прошипел Рон.

— Так что мне осталось дождаться, пока Снейп утащит Камень, — лихорадочно продолжал Гарри. — Тогда Волдеморт сможет наконец прикончить меня… Ну, Бейн, наверное, будет счастлив.

Гермиона была напугана, но нашлась, что сказать в утешение.

— Гарри, все знают, что Дамблдор — единствен-

ный, кого Сам-Знаешь-Кто всегда боялся. Пока Дамблдор рядом, он тебя не тронет. И кстати, кто сказал, что кентавры обязательно правы? По мне, так это обычное гадание, а профессор Макгонаголл говорит, что это очень неточная отрасль магии.

Пока они разговаривали, небо посветлело. Они отправились в постель вымотанными, с пересохшим горлом. Но сюрпризы ночи на этом не закончились.

Откинув одеяло, Гарри обнаружил в кровати аккуратно сложенный плащ-невидимку. К нему была приколота записка:

На всякий случай.

Глава шестнадцатая
В ЛЮК

Впоследствии Гарри так и не смог объяснить себе, каким образом ему удалось сдать все экзамены, всё время ожидая, что вот-вот в дверь ворвётся Волдеморт. Однако дни шли, а Пушок всё ещё был жив и здоров, а дверь в заветный коридор — заперта.

Стояла невыносимая жара, особенно в просторном классе, где они сдавали письменный экзамен. Им выдавали новые, особенные перья, заговорённые Стоп-обманными чарами.

В экзамены входила и практика. Профессор Флитвик вызывал их по одному в класс, где им предстояло заставить ананас проскакать по столу чечёткой. Профессор Макгонаголл предлагала им превратить мышь в табакерку, — баллы начислялись в зависимости от степени привлекательности табакерки, но снимались, если у неё оставались усы. Снейп чуть не довёл всех до истерики, буквально дыша в спину, — попробуй тут вспомнить состав зелья Забвения.

Гарри из кожи вон лез, стараясь не обращать

внимания на жгучую боль во лбу, — она мучила его ещё с той ночи в лесу. Невилл думал, что Гарри страдает бессонницей из-за экзаменов, но настоящей причиной был старый ночной кошмар, — только теперь в нём вдобавок появлялась фигура в капюшоне, пьющая кровь.

Потому ли, что они не видели в лесу того, что видел Гарри, или оттого, что у них не было постоянно саднящих шрамов на лбу, — но Рон и Гермиона не особо волновались из-за Камня. Образ Волдеморта, конечно, пугал их, но не преследовал во снах, — к тому же, за подготовкой к экзаменам у них не оставалось времени гадать, что там замышлял Снейп.

Последний экзамен был по истории магии. Час сражений с вопросами о чокнутых дряхлых колдунах, изобрётших всякую ерунду вроде самопомешивающихся котлов, — и они свободны, свободны на целую неделю, — до объявления результатов. Когда призрак профессора Биннса велел им отложить перья и сдать работы, Гарри не мог не возликовать вместе с остальными.

— Всё оказалось куда легче, чем я думала, — признала Гермиона, когда они с другими учениками высыпали на залитые солнечным светом окрестности. — Мне не нужно было учить Кодекс

оборотней 1637 года и восстание Эльфрика Страждущего.

Гермиона любила после экзамена пообсуждать задания, но Рон заявил, что от этого ему становится дурно; так что они спустились к озеру и уселись на землю под деревом. Близнецы Уизли и Ли Джордан щекотали щупальца гигантскому кальмару, заплывшему на мелководье понежиться на солнце.

— Больше никаких занятий, — счастливо вздохнул Рон, растянувшись на траве. — Выше нос, Гарри, — мы только через неделю узнаем, насколько провалились.

Гарри потирал лоб.

— Да что же всё это значит? — сердито выпалил он. — Шрам постоянно дёргает, — такое и раньше бывало, но теперь боль вообще не проходит.

— Сходи к мадам Помфри, — посоветовала Гермиона.

— Я же не болен, — отмахнулся Гарри. — Это какое-то предупреждение… что мне грозит опасность…

Рон не мог толком соображать, было слишком жарко.

— Гарри, расслабься, Гермиона права, Камень никто не тронет, пока Дамблдор рядом. Мы даже

не знаем наверняка, что Снейп нашёл способ справиться с Пушком. Ему однажды уже чуть не оторвали ногу, он не станет делать всё впопыхах. И скорее Невилла примут в сборную Англии по квиддичу, чем Хагрид предаст Дамблдора.

Гарри кивнул, но не мог избавиться от тревожного ощущения, что он о чём-то забыл, о чём-то важном. Он попытался объяснить свои чувства, но Гермиона ответила:

— Это всё экзамены. Прошлой ночью я проснулась, просмотрела половину своих заметок по преображению, — и только потом вспомнила, что его мы уже сдали.

Но Гарри был уверен, что это никак не связано с учёбой. Он проследил за совой, летящей к замку с зажатым в клюве конвертом. Только Хагрид писал ему письма. Хагрид никогда не предаст Дамблдора. Он никому не расскажет, как пробраться мимо Пушка… никогда… разве что…

Гарри вскочил как ужаленный.

— Куда ты? — сонно протянул Рон.

— Я только что кое о чём вспомнил, — пояснил Гарри с побелевшим лицом. — Нам нужно к Хагриду, срочно.

— Зачем? — спросила Гермиона, тяжело дыша и еле поспевая за ним.

— Вам не кажется чуточку странным, — говорил Гарри, с трудом взбираясь по поросшему травой склону, — что больше всего на свете Хагрид мечтал о драконе, и тут по чистой случайности появляется этот незнакомец? Много ли народу шатается по стране с драконьими яйцами в карманах, если их разведение запрещено колдовским законом? Повезёт же им встретить Хагрида, как по-вашему? Почему же я раньше не подумал!

— О чём ты? — допытывался Рон, но Гарри не ответил и ускорил шаг.

Хагрид сидел в кресле перед хижиной; он закатал рукава и штанины и лущил горох в глубокую миску.

— Приветик, — улыбнулся он. — Экзамены сдали? Мож, выпьете чего-нить?

— С удовольствием, — оживился Рон, но Гарри перебил его:

— Нет, Хагрид, мы торопимся. Я хотел тебя спросить: ты помнишь ту ночь, когда выиграл Норберта? Как выглядел тот незнакомец, с которым ты играл в карты?

— Не знаю, — беспечно отозвался Хагрид, — он плаща-то не сымал.

Все трое будто приросли к месту, и лесник при-

поднял брови:

— Эт не так уж и странно, в «Кабанью голову» кто тока не заходит, эт один из деревенских трактиров. Он, наверн, драконовод. Я его лица не видел, он был в капюшоне.

Гарри опустился на траву рядом с миской.

— А о чём вы говорили? Ты вообще упоминал Хогвартс?

— Мож быть, — сосредоточенно ответил Хагрид. — Ага… он спросил, кем я работаю, и я сказал, что лесником… хотел узнать, за какой я живностью присматриваю… я рассказал… как-то обмолвился, что всегда хотел завести дракона… потом… плохо помню, он мне всё время выпивку покупал… Ну-ка… во, он сказал, что у него драконье яйцо с собой, и предложил сыграть на него в карты… но он сомневался, справлюсь ли я с ним, — ему не хотелось отдавать его в плохие руки, — и я его убедил, что после Пушка дракон — проще пареной репы.

— А он заинтересовался Пушком? — Гарри еле сдерживал волнение.

— А как же — много, что ль, трёхголовых псов тут бродит? Ну вот, я ему и г'рю, что Пушок — просто лапочка, ежели знаешь, как его успокоить, — ты тока сыграй ему какую-нить мелодию,

и он сразу уснёт…

Хагрид вдруг охнул.

— Зачем я вам рассказал! — вырвалось у него. — Забудьте об этом! Эй, куда вы?

Гарри, Рон и Гермиона не переговаривались, пока не влетели в Вестибюль, — после солнечного двора он казался мрачным и холодным.

— Пойдём к Дамблдору, — решил Гарри. — Хагрид разболтал тому незнакомцу, как приструнить Пушка, а это был либо Волдеморт, либо Снейп, — не так уж это было сложно, раз он напоил Хагрида. Остаётся только надеяться, что Дамблдор нам поверит. Может, Флоренц нас поддержит, если Бейн ему не помешает. Где кабинет Дамблдора?

Они огляделись, словно ожидая увидеть указатель. Им никогда не говорили, где живёт директор, и они ни разу не слышали, чтобы кого-то посылали к нему на личную аулиенцию.

— Нам просто придётся… — начал Гарри, но тут в коридоре раздался резкий голос:

— Что вы трое делаете в замке?

Это была профессор Макгонаголл с высокой стопкой книг в руках.

— Мы хотим увидеть профессора Дамблдора, — довольно смело, как показалось Гарри и Рону,

заявила Гермиона.

— Увидеть профессора Дамблдора? — повторила профессор, словно такое желание было, по меньшей мере, подозрительным. — Зачем?

Гарри сглотнул — теперь что?

— Это секрет… как бы, — промямлил Гарри, но тут же пожалел о сказанном: профессор Макгонаголл гневно раздувала ноздри.

— Профессор Дамблдор отбыл десять минут назад, — холодно сообщила она. — Он получил срочную сову из Министерства Магии и немедленно отправился в Лондон.

— Его нет в школе? — неверяще переспросил Гарри. — Именно *сейчас*?

— Профессор Дамблдор — великий колдун, мистер Поттер, и у него хватает неотложных дел…

— Но это важно.

— Вы хотите сказать, Поттер, что ваша просьба важнее Министерства Магии?

— Понимаете, — Гарри решил плюнуть на скрытность, — это насчёт Философского Камня…

Что бы профессор Макгонаголл ни ждала услышать, но точно не эти слова. Книги посыпались у неё из рук, но она не стала их поднимать.

— Откуда вы знаете? — пробормотала она.

— Профессор, я думаю… я *знаю*, что Сн… что кто-

то хочет украсть Камень. Я должен поговорить с профессором Дамблдором.

Она потрясённо, но вместе с тем недоверчиво наблюдала за ним.

— Профессор Дамблдор вернётся завтра, — наконец ответила она. — Не представляю, откуда вам известно о Камне, но уверяю вас — украсть его невозможно, он прекрасно защищён.

— Но, профессор…

— Поттер, я знаю, о чём говорю, — оборвала его та. Она нагнулась и собрала разбросанные по полу книги. — Предлагаю вам пойти прогуляться — погода великолепная.

Но они поступили иначе.

— Сегодня, — прошептал Гарри, едва профессор Макгонаголл удалилась. — Снейп проберётся в люк этой ночью. У него теперь развязаны руки, — он выяснил всё, что нужно, а Дамблдора нет в замке. Он послал это письмо, я уверен, в Министерстве страшно удивятся, когда к ним заявится Дамблдор…

— Но что мы можем…

Гермиона ахнула. Гарри и Рон круто развернулись.

За их спинами стоял Снейп.

— Здравствуйте, — вкрадчиво промолвил он.

Они вытаращились на него.

— Не стоит сидеть в замке в такой отличный день, — продолжал он со странной, кривой усмешкой.

— Нам просто нужно… — Гарри запнулся, не зная, что сказать.

— Вам, прежде всего, нужно вести себя осторожнее, — предостерёг их Снейп. — Со стороны может показаться, будто вы что-то затеваете. А Гриффиндор не в состоянии позволить себе ещё больше штрафных баллов, не так ли?

Гарри вспыхнул. Они двинулись к дверям, но Снейп окликнул их:

— Имейте в виду, Поттер, — ещё одна ночная экскурсия по школе, и я лично позабочусь о вашем исключении. Удачного дня.

Он отправился в учительскую.

На каменном крыльце Гарри повернулся к друзьям.

— Так, вот что мы сделаем, — настойчиво зашептал он, — Кто-нибудь из нас присмотрит за Снейпом, — будет ждать возле учительской и проследит, куда он пойдёт. Гермиона, лучше ты.

— Почему я?

— Это же очевидно, — хмыкнул Рон. — Ты можешь прикинуться, что ждёшь профессора

Флитвика, ну, знаешь… — он заговорил писклявым голосом, — о, профессор Флитвик, я так волнуюсь, мне кажется, я неверно ответила на вопрос 14-б…

— Ой, заткнись, — оборвала его Гермиона, но приглядеть за Снейпом согласилась.

— А мы пойдём караулить коридор на третьем этаже, — обратился Гарри к Рону. — Пошли.

Но их план не сработал. Едва они добрались до двери, отделяющей от них Пушка, как перед ними снова возникла профессор Макгонаголл, — и на сей раз её терпение лопнуло.

— Вы, видно, считаете, что вас миновать сложнее, чем массу сложнейших чар! — взвилась она. — Довольно с меня этих глупостей! Ещё раз я застану вас где-то поблизости, и Гриффиндор лишится ещё пятидесяти баллов! Да, Уизли, мой родной дом!

Гарри и Рон уныло поплелись в гостиную. Но, только Гарри сказал: «По крайней мере, у Снейпа на хвосте Гермиона», — как в открывшийся портретный проём вошла их подруга.

— Прости, Гарри! — простонала Гермиона. — Снейп вышел и спросил, чего мне здесь надо. Я ответила, что жду Флитвика, и Снейп позвал его, — короче, я только что от него отделалась, и

не знаю, куда ушёл Снейп.

— Ну, вот и всё, — проговорил Гарри.

Друзья уставились на него. Гарри побледнел; глаза его лихорадочно сверкали.

— Ночью я сам пойду за Камнем и заберу его первым.

— Ты спятил! — поразился Рон.

— Ты не можешь! — подхватила Гермиона. — После того, что сказали Макгонаголл и Снейп? Тебя исключат!

— И ЧТО? — выкрикнул Гарри. — Вы не понимаете? Если Снейпу достанется Камень, Волдеморт вернётся! Напомнить вам, что было, когда он пытался захватить власть? Никого больше не исключат, потому что не будет Хогвартса! Он разрушит его или превратит в школу тёмных искусств! И тогда баллы всем будут до лампочки! Думаете, он оставит вас и ваших родных в покое, если Гриффиндор получит Кубок? Если меня поймают прежде, чем я доберусь до Камня, что ж, мне придётся вернуться к Дёрсли и дождаться, пока он отыщет меня. Я просто погибну немного позже, потому что я в жизни не перейду на его сторону! Сегодня я проберусь в этот люк, и вы меня не остановите! Волдеморт убил моих родителей, если вы не забыли!

Он вперился в них свирепым взглядом.

— Ты прав, Гарри, — тихо согласилась Гермиона.

— Я возьму плащ-невидимку, — на ходу размышлял Гарри. — Повезло, что мне его вернули.

— А мы все под ним поместимся? — засомневался Рон.

— Мы… все?

— Да брось ты, — думаешь, мы отпустим тебя одного?

— Да нет, конечно, — оживилась Гермиона. — Как ты без нас справишься? Пойду-ка я, полистаю книги, — может, найду что-нибудь полезное…

— Но если нас засекут, вас тоже отчислят.

— Это вряд ли, — мрачно возразила Гермиона. — Флитвик сказал мне по секрету, что на его экзамене я набрала сто двенадцать процентов. После такого меня не выставят из школы.

* * *

После обеда все трое, заметно нервничая, отсели в гостиной в сторонку. Никто не беспокоил их, — в конце концов, гриффиндорцам не о чем было говорить с Гарри. И это впервые не огорчало его. Гермиона просматривала свои конспекты, в надежде наткнуться на одну из тех чар, которые

им предстояло преодолеть. Гарри и Рон почти не разговаривали. Оба раздумывали над тем, что собирались совершить.

Постепенно гостиная пустела, — ребята один за другим поднимались наверх.

— Надо бы плащ достать, — шепнул Рон, когда Ли Джордан, потягиваясь и зевая, наконец отправился в постель. Гарри бегом взобрался по лестнице в спальню. Он набросил плащ, и тут взгляд его упал на подаренную Хагридом флейту. Он схватил её и убрал в карман, — пригодится при встрече с Пушком, — ему не больно хотелось петь.

Он спустился назад, в гостиную.

— Лучше надеть плащ прямо здесь и проверить, что нас не видно, — если Филч заметит, как по коридору бредёт одна нога…

— Что вы задумали? — донеслось из угла комнаты. Из-за кресла появился Невилл с Тревором в руках, — тот, похоже, не оставлял попыток к побегу.

— Ничего, Невилл, ничего, — поспешно заверил его Гарри, пряча плащ за спину.

Но их виноватые лица говорили сами за себя.

— Вы что, опять? — уличил их Невилл.

— Нет, нет, нет, — потрясла головой Гермио-

на, — вовсе нет. Почему бы тебе не пойти спать, Невилл?

Гарри покосился на напольные часы у двери. Нельзя терять ни минуты, Снейп, возможно, уже убаюкивает Пушка.

— Вам нельзя уходить, — заявил Невилл. — Вас снова поймают. Гриффиндору придётся ещё хуже.

— Ты не понимаешь, — начал выходить из себя Гарри, — это важно.

— Я вам не позволю, — Невилл живо загородил собой портретный проём. — Я… я буду драться!

— *Невилл*! — взорвался Рон, — отойди оттуда и не будь идиотом…

— Не смей называть меня идиотом! — парировал тот. — Вы больше не должны нарушать правила! И это ты говорил мне, что нужно уметь бороться!

— Но не с нами же, Невилл, — с досадой возразил Рон. — Невилл, ты не знаешь, что делаешь.

Он шагнул вперёд, и Невилл тут же выпустил Тревора; скачок — и тот пропал из поля зрения.

— Тогда иди, ударь меня! — позвал Невилл, поднимая кулаки. — Я жду!

Гарри повернулся к Гермионе.

— *Сделай что-нибудь*, — в отчаянии попросил

он.

Гермиона выступила вперёд.

— Невилл, — произнесла она, — мне очень, очень жаль.

Она направила на него палочку.

— *Petrificus Totalus!*

Руки Невилла плотно прижались к бокам, ноги — друг к другу. Его тело застыло; он покачнулся и рухнул ничком, прямой как доска.

Гермиона подбежала к нему и перевернула на спину. Челюсти Невилла были сомкнуты, так что он не мог говорить. Двигались только зрачки, — в его глазах читался ужас.

— Что ты с ним сделала? — прошептал Гарри.

— Полный Телобинт, — печально пояснила Гермиона. — Ох, Невилл, прости.

— Нам пришлось, Невилл, нет времени объяснять, — подхватил Гарри.

— Потом ты сам всё поймёшь, — подытожил Рон; они переступили через него и накинули плащ.

Но Невилл, неподвижно лежавший на полу, был не слишком хорошим знаком. Тень каждой статуи казалась притаившимся Филчем; отдалённый порыв ветра — пикирующим на них Брюзгом. У подножия первой же лестницы они

заметили восседавшую наверху миссис Норрис.

— Может, пнуть её, хотя бы в этот раз, — шёпотом предложил Рон, но Гарри покрутил головой. Когда они поравнялись с кошкой, та уставила глаза-фонари прямо на них, но не шевельнулась.

Им больше никто не встретился, пока они не добрались до лестницы, ведущей на третий этаж. Над ступенями парил Брюзг, складывая ковровую дорожку так, чтобы было легче споткнуться.

— Кто здесь? — вдруг спросил он, сузив чёрные глазки. — Знаю, что ты здесь, хоть и не вижу. Ты гульсик? Или привиденьсик? Или усениська?

Он поднялся выше и, прищурившись, пристально взглянул на них.

— Позову-ка я Филча, раз тут шляются всякие невидимки…

Внезапно Гарри озарило.

— Брюзг, — хриплым шёпотом отозвался он, — у Кровавого Барона есть причины, чтобы быть невидимым.

Полтергейст от потрясения едва не свалился на пол. Вовремя опомнившись, он завис в нескольких футах над лестницей.

— Ох, простите, ваше кровейшество, мистер Барон, сэр, — заюлил он. — Моя ошибка, моя ошибка… не узнал вас… конечно, не узнал, вы

же невидимы… простите старому Брюзику его дурацкую шутку, сэр.

— У меня здесь есть дела, Брюзг, — просипел Гарри. — Сегодня держись отсюда подальше.

— Разумеется, сэр, так я и сделаю, — закивал Брюзг, вновь взлетая. — Желаю успеха в ваших делах, Барон, и не буду вас беспокоить.

И он стремглав умчался прочь.

— *Гениально*, Гарри! — восхитился Рон.

Через несколько секунд они оказались на месте, у коридора на третьем этаже, — дверь была отперта.

— Ну вот, пожалуйста, — негромко произнёс Гарри, — Снейп уже прошёл мимо Пушка.

Открытая дверь почему-то казалась символом того, что ждало их впереди. Не снимая плаща, Гарри повернулся к Рону и Гермионе.

— Если вы хотите уйти, я не против, — напомнил он. — Можете забрать плащ, здесь он мне уже не понадобится.

— Не дури, — скроил гримасу Рон.

— Мы идём с тобой, — поддержала его Гермиона.

Гарри толкнул дверь.

Едва та скрипнула, послышался низкий, раскатистый рык. Собачьи носы яростно задёрга-

лись, — пёс не видел их, но чуял.

— Что это там, около лап? — насторожилась Гермиона.

— Похоже на арфу, — отозвался Рон. — Снейп её здесь и оставил.

— Он просыпается, как только перестаёшь играть, — заключил Гарри. — Ну, поехали…

Он поднёс флейту к губам и дунул. На мелодию это было мало похоже, но Пушок смежил веки после первого же звука. Гарри почти не переводил дыхания. Наконец, рычание смолкло; пёс пошатнулся и шлёпнулся на пол, — его сморил сон.

— Продолжай играть, — предупредил Рон; они сбросили плащ, и Рон прокрался к люку. Пёс обдавал их горячим, зловонным дыханием.

— Надо открыть люк, — Рон перегнулся через собачью спину. — Пойдёшь первой, Гермиона?

— Ну уж нет!

— Ладно, — Рон стиснул зубы и осторожно перешагнул через пёсью лапу. Затем наклонился и потянул за кольцо; дверца люка распахнулась.

— Ну, что там? — нетерпеливо спросила Гермиона.

— Ничего — только пустота — тут не за что зацепиться, придётся прыгать.

Гарри, всё ещё играя на флейте, помахал Рону,

привлекая его внимание, и указал на себя.

— Хочешь пойти первым? Уверен? — уточнил Рон. — Я не знаю, насколько здесь глубоко. Тогда отдай флейту Гермионе.

Гарри протянул ей флейту. На пару секунд музыка прервалась, собака вздрогнула и зарычала, но стоило Гермионе начать играть, как Пушок вновь повалился на пол.

Гарри перелез через собачье брюхо и заглянул в люк. Дна не было видно.

Он забрался внутрь, держась кончиками пальцев за края отверстия. Затем он поднял взгляд на Рона и попросил:

— Если со мной что-то случится, уходите отсюда. Идите в совятню и отправьте письмо Дамблдору.

— Хорошо, — согласился Рон.

— Скоро увидимся, надеюсь…

И Гарри разжал пальцы. Холодный, пыльный воздух свистел в ушах; он падал… падал…

ПЛЮХ. Со странным, приглушённым хлюпаньем он приземлился на что-то мягкое. Он выпрямился и пошарил вокруг руками, — глаза ещё не привыкли к полному мраку. Похоже, он сидел на каком-то растении.

— Всё в норме! — проорал он, задирая голо-

ву, — открытый люк казался отсюда пятном света размером с почтовую марку. — Прыгай, здесь мягкая посадка!

Рон последовал за ним. Неуклюже растянувшись, друг приземлился рядом с Гарри.

— Что это за дрянь? — были первые его слова.

— Не знаю, наверное, какое-то растение. Видимо, его здесь посадили, чтобы смягчить падение. Гермиона, давай!

Отдалённые звуки музыки прекратились. Раздался громкий лай, но Гермиона уже летела вниз. Она упала с другой стороны от Гарри.

— Мы, похоже, в милях под школой, — предположила она.

— Повезло, что тут растёт эта штука, — заметил Рон.

— *Повезло*! — взвизгнула Гермиона. — Посмотрите на себя!

Гермиона вскочила и шарахнулась к заплесневелой стене. Она еле вырвалась, — едва она приземлилась, стебли, больше напоминавшие щупальца, начали обматывать её лодыжки. А Гарри и Рон вообще не заметили, как их ноги оказались благополучно опутаны усиками растения.

Гермионе удалось выкарабкаться. Теперь она

в ужасе смотрела, как мальчишки пытались освободиться, но чем больше усилий они прикладывали, тем крепче становилась хватка растения.

— Не шевелитесь! — велела Гермиона. — Я знаю, что это — это дьявольские силки!

— Какое счастье, это, конечно, нам поможет, — раздраженно прохрипел Рон, откидываясь назад, чтобы не дать растению обвиться вокруг его шеи.

— Заткнись, я вспоминаю, как убить их! — отрезала Гермиона.

— Тогда скорее, мне дышать нечем! — выдавил Гарри, борясь с побегом, обхватившим его поперёк груди.

— Дьявольские силки, дьявольские силки… что говорила профессор Саженс? Они любят темноту и сырость…

— Так разведи огонь! — задыхался Гарри.

— Да… конечно… но здесь нет дров! — простонала Гермиона, заламывая руки.

— ТЫ РЕХНУЛАСЬ? — взвыл Рон. — КОЛДУНЬЯ ТЫ ИЛИ КТО?

— Ой, точно! — выдохнула Гермиона; она выхватила палочку, рассекла ею воздух, что-то пробормотав, и направила вырвавшуюся струю

синего пламени, опробованного на Снейпе, на растение. Через несколько мгновений ребята почувствовали, что растение ослабило хватку, отпрянув подальше от света и тепла. Корчась и молотя по полу, лианы уползли прочь, и Гарри с Роном смогли подняться на ноги.

— Хорошо, Гермиона, что ты была внимательна на травоведении, — признал Гарри, тоже прислонившись к стене и утирая пот с лица.

— Ага, — фыркнул Рон, — и хорошо, что Гарри не теряет голову, — «здесь нет дров», ну ты подумай.

— Сюда, — Гарри ткнул пальцем в сторону каменного туннеля, — другого пути вперёд не было.

Всё, что они слышали, кроме собственных шагов — как вода, струясь по стенам, капала на пол. Туннель ушёл вниз, живо напомнив Гарри «Гринготтс». Сердце его упало, когда он вспомнил: сейфы в колдовском банке стерегли драконы. Если они наткнутся на дракона, взрослого дракона… им и Норберта за глаза хватило…

— Слышите? — вдруг прошептал Рон.

Гарри напряг слух. Из конца туннеля доносился тихий шорох и звяканье.

— Думаешь, привидение?

— Не знаю… по мне, так больше похоже на крылья.

— Там впереди свет, — и что-то движется.

Они быстро выбрались из туннеля и оказались в прекрасно освещённой комнате, — над ними возвышался арочный потолок. Зал кишел маленькими, алмазно-яркими птицами, порхающими и шныряющими туда-сюда. По другую сторону комнаты была тяжёлая деревянная дверь.

— Думаешь, они нападут, если мы попробуем пройти по залу? — спросил его Рон.

— Может быть, — задумался Гарри. — На вид они не очень-то опасные, но если налетят все разом… выбора всё равно нет… я побежал.

Он сделал глубокий вдох и понёсся к двери, прикрыв голову руками. Он уже ждал, что в следующую секунду в него вонзятся острые клювики и когти, но ничего такого не произошло. До двери он добрался невредимым. Он потянул за ручку, но дверь оказалась заперта.

Рон и Гермиона присоединились к нему. Они что есть силы дёргали ручку и наваливались на дверь, но она не сдвинулась с места, даже когда Гермиона применила заклинание «*Alohomora*».

— Что дальше? — поинтересовался Рон.

— Эти птицы… они ведь здесь не для украшения, — заметила Гермиона.

Они наблюдали за птицами, — те реяли над их головами, сверкая… *сверкая*?

— Это не птицы! — вдруг выкрикнул Гарри. — Это ключи! Крылатые ключи, — присмотритесь. А значит… — он окинул взглядом комнату, пока друзья, прищурившись, разглядывали стайку ключей, — … да — вот же они! Мётлы! Мы должны поймать ключ от этой двери!

— Но здесь их *сотни*!

Рон осмотрел замочную скважину.

— Нам нужен большой, старомодный ключ, — скорее всего, серебряный, как ручка.

Они схватили по метле и, взмыв в воздух, ворвались прямо в стаю. Но, сколько они ни размахивали руками, заколдованные ключи увиливали и бросались из стороны в сторону так резво, что поймать их было практически невозможно.

Но Гарри не зря был самым юным следопытом столетия. Он умел замечать то, чего не видели другие. Покружив с минуту в водовороте радужных перьев, Гарри углядел внушительных размеров серебряный ключ с помятым крылом, — словно его уже ловили и грубо запихивали в замочную

скважину.

— Вот он! — крикнул он друзьям. — Вон тот большой — там — да нет же, вон там — с ярко-синими крыльями, — в одном крыле все перья истрёпаны.

Рон бросился, куда указывал Гарри, врезался в потолок и едва не свалился с метлы.

— Надо окружить его! — сообразил Гарри, не спуская глаз с ключа с повреждённым крылом. — Рон, заходи сверху, Гермиона, оставайся внизу и не дай ему улизнуть, — а я попробую его поймать. Ну же, ДАВАЙТЕ!

Рон нырнул вниз, Гермиона устремилась вверх; ключ ушёл от обоих, и Гарри рванул за ним; ключ помчался к стене, Гарри наклонился вперёд и с неприятным хрустом пригвоздил его к камню. Торжествующие возгласы Рона и Гермионы эхом разнеслись по просторной комнате.

Они быстро приземлились; Гарри подбежал к двери; ключ трепыхался у него в кулаке. Гарри втиснул его в замочную скважину и повернул, — сработало. В замке щёлкнуло; ключ вырвался и улетел с весьма потрёпанным видом, ведь его ловили уже дважды.

— Готовы? — спросил Гарри, взявшись за дверную ручку. Они кивнули. Он распахнул дверь.

В следующем зале было до того темно, что сперва они не могли ничего разглядеть. Но, едва они шагнули вперёд, комнату внезапно залило светом, и их глазам открылась ошеломляющая картина.

Они оказались на краю гигантской шахматной доски, позади чёрных фигур, — те были намного выше их и, похоже, вырезаны из тёмного камня. Напротив, возле противоположной стены комнаты, стояли белые фигуры. Гарри, Рон и Гермиона содрогнулись: у нависавших над ними белых фигур не было лиц.

— Что нам теперь делать? — прошептал Гарри.

— По-моему, всё ясно, — пожал плечами Рон. — Мы должны перейти доску, играя в шахматы.

За белыми фигурами виднелась следующая дверь.

— И как? — занервничала Гермиона.

— Думаю, — протянул Рон, — нам нужно стать фигурами.

Он подошёл к чёрному рыцарю и коснулся каменного коня. Фигура мгновенно ожила. Конь принялся бить землю копытом, а рыцарь повернул к Рону скрытую шлемом голову.

— Нам… э-э… надо присоединиться к вам, чтобы перебраться на ту сторону?

Рыцарь кивнул. Рон повернулся к Гарри и Гермионе.

— Надо над этим подумать. Кажется, нам придётся занять места трёх чёрных фигур…

Гарри и Гермиона молчали, глядя на погружённого в раздумья Рона. Наконец он сказал:

— Так, не обижайтесь, но в шахматы вы оба играете плохо.

— Мы не обижаемся, — поспешно вставил Гарри. — Просто скажи, что делать.

— Ладно; Гарри, займи место того слона, Гермиона, ты встань туда, будешь ладьёй.

— А ты?

— Я буду конём, — решил Рон.

Видимо, фигуры их слушали, потому что при этих словах ладья, слон и конь повернулись и ушли с доски, освободив три клетки для Гарри, Рона и Гермионы.

— Белые всегда начинают, — пробормотал Рон, пристально следя за доской. — Точно… смотрите.

Белая пешка продвинулась на две клетки вперёд.

Рон начал отдавать приказы чёрным фигурам. Они безмолвно отправлялись туда, куда он велел. У Гарри тряслись колени. Что, если они проиграют?

— Гарри — пройди на четыре клетки вправо по диагонали.

Настоящий шок они испытали, когда был взят другой их рыцарь. Белая королева сбила его с ног и сбросила с доски, — он так и остался лежать там ничком.

— Мне пришлось это сделать, — Рон был потрясён. — Давай, Гермиона, теперь ты можешь взять этого слона.

Белые фигуры были безжалостны. Груда тел чёрных воинов у стеныросла. Дважды Рон в последний момент заметил, что Гарри и Гермиона в опасности. Сам он носился по полю, забирая почти столько же белых фигур, сколько они теряли своих.

— Мы почти у цели, — неожиданно пробормотал он. — Дайте подумать…

Безликая королева обернулась к нему.

— Да… — негромко произнёс он, — это единственный выход. Мне придётся сдаться.

— НЕТ! — в один голос заорали Гарри и Гермиона.

— Это шахматы! — отрезал Рон. — Здесь нужно чем-то жертвовать! Я сделаю ход, и она меня съест, — и ты, Гарри, поставишь королю мат!

— Но…

— Ты хочешь остановить Снейпа или нет?

— Рон…

— Слушай, если вы не поторопитесь, Камень достанется ему!

Выбора не было.

— Готовы? — спросил бледный, но полный решимости Рон. — Я пошёл — и не задерживайтесь тут, когда победите.

Он шагнул вперёд, и белая королева набросилась на него. Она с силой ударила Рона по голове, и тот упал как подкошенный; Гермиона вскрикнула, но осталась на своей клетке; королева оттащила Рона с доски. Похоже, он был без сознания.

Дрожа, Гарри перешёл на три клетки влево.

Белый король снял корону и бросил её к ногам Гарри. Они победили. Фигуры, поклонившись, расступились, открывая путь к двери. Бросив последний отчаянный взгляд на Рона, Гарри и Гермиона пересекли зал и прошли в следующий коридор.

— А если он?..

— С ним всё будет хорошо, — заверил её Гарри, пытаясь убедить в этом самого себя. — Как думаешь, что дальше?

— Дьявольские силки — это была Саженс; Флит-

вик, видимо, заколдовал ключи; Макгонаголл оживила фигуры; остаются чары Квиррелла и Снейпа.

Перед ними оказалась другая дверь.

— Ну что? — прошептал Гарри.

— Идём.

Гарри толкнул дверь.

В ноздри им ударила невыносимая вонь; они живо зажали носы воротниками мантий. Глаза заслезились; на полу лежал тролль с багровой шишкой на лбу; этот был ещё крупнее того, которого они одолели.

— Как удачно, что нам не пришлось с ним сражаться, — пробормотал Гарри, осторожно переступая через массивную ножищу. — Пошли скорей, дышать невозможно.

Он с опаской открыл следующую дверь, но ничего такого ужасного в комнате не оказалось, — только стол с семью выстроенными в ряд разнокалиберными сосудами.

— Снейп, — догадался Гарри. — Ну и?

Они перешагнули порог, и позади них мгновенно всколыхнулось пурпурное пламя; в ту же секунду языки чёрного пламени отрезали путь вперёд. Они оказались в ловушке.

— Смотри! — Гермиона схватила со стола сви-

ток пергамента, лежавший возле бутылей. Гарри прочёл через её плечо:

Впереди — опасность, спасенье — позади,

Две из нас помогут, коль сможешь их найти,

Одна невредимым пропустит вперёд,

Другая — назад без помех проведёт.

Хотя две вином лишь крапивным налиты,

Ещё три — убийцы, в ряду ловко скрыты,

Ищи, коль не хочешь остаться в тюрьме,

А в помощь даём мы подсказку тебе.

Во-первых, как хитро ни прятался б яд,

Бутыли с ним — от вина слева стоят;

Далее: в крайних бутылях — отнюдь не одно и то ж,

Но если вперёд тебе нужно, помощи зря ты ждёшь.

В-третьих, сам видишь, разнятся размером сосуды,

Но ни гигант, ни карлик тебе роковыми не будут.

Последний совет: вторые с обеих сторон

На вкус — близнецы, хоть не кажутся ими порой.

Гермиона шумно выдохнула, и Гарри с изумлением увидел, что она улыбается, — последнее, что ему сейчас хотелось делать.

— *Гениально*, — покачала головой Гермиона. — Это не магия, это логика, — загадка. Многие великие чародеи были не в ладу с логикой, — они застряли бы здесь навечно.

— Как, в общем-то, и мы, разве нет?

— Нет, конечно, — удивилась Гермиона. — Всё, что нам нужно — в этом свитке. Семь бутылочек: в трёх — яд, в двух — вино; одна проведёт нас сквозь чёрное пламя, другая — через пурпурное.

— Но откуда нам знать, из какой отпить?

— Дай мне пару минут.

Гермиона несколько раз перечитала пергамент. Затем начала прохаживаться вдоль стола, вполголоса бормоча что-то и указывая на бутылочки. Наконец она хлопнула в ладоши.

— Поняла, — объявила она. — Самая маленькая

пропустит нас вперёд, — к Камню.

Гарри глянул на крошечный флакон.

— Здесь хватит только на одного, — констатировал он. — Тут всего на один глоток.

Они переглянулись.

— А какая проведёт тебя назад?

Гермиона ткнула в крайнюю справа, круглую бутылочку.

— Вот её и выпей, — предложил Гарри. — Нет, послушай, — вернись и забери Рона. Возьмите мётлы из комнаты с ключами, они пронесут вас наверх, в люк, и мимо Пушка. Бегите в совятню и отправьте письмо Дамблдору, он нам нужен. Я смогу ненадолго задержать Снейпа, но вообще-то я ему не соперник.

— Но, Гарри, — что, если с ним Сам-Знаешь-Кто?

— Ну — мне однажды повезло, — Гарри указал на свой шрам. — Может, повезёт ещё раз.

У Гермионы задрожали губы; внезапно она бросилась к Гарри и заключила его в объятия.

— *Гермиона*!

— Гарри, знаешь, ты великий колдун.

— Да я совсем не так умён, как ты, — смущённо возразил Гарри, когда она отпустила его.

— Я! — усмехнулась Гермиона. — Книги! И со-

образительность! Есть вещи поважнее — дружба и смелость, и — ох, Гарри — будь *осторожен*!

— Сначала пей ты, — поторопил Гарри. — Ты ведь точно знаешь, где что?

— Абсолютно, — кивнула Гермиона. Она глотнула из круглой бутылочки и поёжилась.

— Это не яд? — встревожился Гарри.

— Нет — но это зелье просто ледяное.

— Быстрее, иди, пока его действие не закончилось.

— Удачи, — береги себя.

— ИДИ!

Гермиона развернулась и прошла прямо сквозь пурпурное пламя.

Гарри набрал в грудь побольше воздуха и, подняв свой флакон, взглянул в огонь.

— Иду, — произнёс он и одним глотком опорожнил крошечную бутылочку.

Ощущение и впрямь было такое, словно он осушил кусок льда. Он поставил флакон на стол и, собравшись с духом, направился вперёд; чёрные языки пламени лизали его, но он не ощущал жара; какое-то мгновение вокруг царил непроглядный мрак, — но он уже шагнул в следующую комнату.

Там уже был кое-кто, — но не Снейп. И даже не

Волдеморт.

Глава семнадцатая
ДВУЛИЧНЫЙ

Это был Квиррелл.

— *Вы*! — поразился Гарри.

Квиррелл улыбнулся. От его нервного тика не осталось и следа.

— Я, — спокойно подтвердил он. — Всё гадал, встречу ли тебя здесь, Поттер.

— Но я думал… Снейп…

— Северус? — Квиррелл расхохотался, причём вместо обычного его дрожащего смешка раздался пронзительный ледяной смех. — Да, образ у него что надо, верно? Как удобно иметь поблизости этакую летучую мышь-переростка. Рядом с ним, кто бы заподозрил б-б-бедного, з-з-заикающегося п-профессора Квиррелла?

Гарри не верил своим ушам. Этого не могло быть, просто не могло.

— Но Снейп пытался убить меня!

— Нет, нет и нет. *Я* пытался убить тебя. На том квиддичном матче твоя подруга, мисс Грейнджер, так торопилась поджечь Снейпа, что случайно сбила меня с ног. Она прервала мой зритель-

ный контакт с тобой. Ещё несколько секунд, и я сбросил бы тебя с метлы. Мне удалось бы это и раньше, не бормочи Снейп контрзаклятие, чтобы спасти тебя.

— Снейп хотел *спасти* меня?

— Ну разумеется, — холодно отозвался Квиррелл. — С чего, ты думаешь, ему взбрело в голову судить следующий матч? Он рассчитывал помешать мне добиться цели. Даже смешно, — не стоило так суетиться. Я всё равно из-за Дамблдора не смог бы ничего предпринять. А остальные преподаватели решили, будто Снейп хотел отнять победу у Гриффиндора… он сам же и настроил всех против себя… а главное, всё это совершенно напрасно, — сегодня я всё равно покончу с тобой.

Он щёлкнул пальцами; возникшие из ниоткуда верёвки опутали Гарри.

— Ты слишком любопытен, Поттер, таких опасно оставлять в живых. Взять хотя бы Хеллоуин, когда ты шнырял по школе, — запросто мог увидеть меня, когда я ходил взглянуть на охрану Камня.

— *Вы* впустили тролля?

— Естественно. Я вообще неплохо управляюсь с этими созданиями, — видел, что я сделал с тем, который охранял вход сюда? К несчастью, пока

все гонялись за троллем, Снейп, — он уже подозревал меня, — направился прямо на третий этаж, чтобы перехватить меня. И что в итоге? Мало того, что мой тролль не прикончил тебя, так ещё и эта трёхголовая псина не сумела как следует откусить Снейпу ногу. А теперь стой смирно, Поттер. Мне нужно изучить это интересное зеркальце.

Только теперь Гарри понял, что позади Квиррелла стояло зеркало Джедан.

— Зеркало должно помочь отыскать Камень, — бормотал Квиррелл, обстукивая раму. — Что ж, вполне в духе Дамблдора… но он в Лондоне… а когда вернётся, я буду уже слишком далеко…

Всё, что мог придумать Гарри — продолжать разговор, отвлекая Квиррелла от зеркала.

— Я видел вас со Снейпом в лесу, — выпалил он.

— Ну да, — лениво протянул Квиррелл, скрываясь за зеркалом. — К тому времени он основательно взялся за меня, пытался выяснить, как далеко я успел зайти. Пробовал запугать меня, — до чего глупо, учитывая, что со мной лорд Волдеморт…

Квиррелл вышел из-за зеркала и впился жадным взглядом в своё отражение.

— Я вижу Камень… Я вручаю его своему госпо-

дину… Но где же он?

Гарри попытался высвободиться, но верёвки не поддавались. *Нельзя* позволять Квирреллу полностью сосредоточиться на зеркале.

— Но мне всегда казалось, что Снейп меня ненавидит.

— О, да, — равнодушно согласился Квиррелл, — с этим не поспоришь. Он учился в Хогвартсе с твоим отцом, ты разве не знал? Они друг друга на дух не переносили. Но Снейп никогда не желал тебе *смерти*.

— Но я слышал, как вы плакали, несколько дней назад, — я подумал, Снейп угрожал вам…

Впервые на лице Квиррелла промелькнул страх.

— Иногда, — произнёс он, — мне трудно следовать указаниям своего господина, — он великий колдун, а я так ничтожен…

— То есть, он был в том классе вместе с вами? — изумился Гарри.

— Он всегда со мной, куда бы я ни пошёл, — негромко ответил Квиррелл. — Я встретил его, путешествуя по миру. До чего глупым юнцом я тогда был, верил во всякие нелепые идеи о добре и зле. Лорд Волдеморт показал мне, как я заблуждался. Добра и зла не существует, — есть

лишь власть и те, кто слишком слаб, чтобы стремиться к ней… С тех пор я верно служу ему, хоть и не раз подводил его. Ему пришлось принять меры, — Квиррелл внезапно поёжился. — Он не из тех, кто легко прощает ошибки. Когда мне не удалось украсть Камень из «Гринготтса», он был чрезвычайно разгневан. Он наказал меня… решил пристальнее наблюдать за мной…

Квиррелл умолк. Гарри вспомнил о своём путешествии на Диагон-аллею, — как можно быть таким тормозом? Он ведь видел Квиррелла в тот день, пожимал ему руку в «Дырявом котле».

Квиррелл выругался сквозь зубы.

— Я не понимаю… Камень там, *внутри*? Я должен разбить зеркало?

Голова Гарри лопалась от напряжения.

> *Сейчас, подумал он, больше всего мне хочется отыскать Камень раньше Квиррелла. Значит, если я посмотрю в зеркало, то увижу, как нахожу его, — то есть, увижу, где он спрятан! Но как сделать это, чтобы Квиррелл ни о чём не догадался?*

Он подался влево, чтобы незаметно заглянуть в зеркало, но верёвки держали его слишком креп-

ко; он запнулся и упал. Квиррелл не обратил на него ни малейшего внимания, всё ещё говоря с самим собой.

— Зачем нужно это зеркало? Как оно работает? Помогите мне, господин!

И, к ужасу Гарри, ему ответил голос, — голос, исходящий, похоже, от самого Квиррелла.

— Используй мальчишку… используй мальчишку…

Квиррелл развернулся к Гарри.

— Так — Поттер — иди-ка сюда.

Он хлопнул в ладоши, и верёвки упали на пол. Гарри не торопясь поднялся на ноги.

— Иди сюда, — повторил Квиррелл. — Посмотри в зеркало и скажи мне, что видишь.

Гарри направился к нему.

Я должен обмануть его, на грани паники сообразил он. *Я должен соврать, что вижу что-то другое, вот и всё.*

Квиррелл зашёл ему за спину. Гарри чувствовал странный запах, идущий, похоже, от тюрбана профессора. Он зажмурился, шагнул к зеркалу и снова открыл глаза.

На него смотрело его отражение, поначалу бледное и испуганное; но мгновение спустя оно улыбнулось ему. Сунув руку в карман, оно

вытащило кроваво-красный камень. Затем отражение, подмигнув, опустило Камень обратно, — и Гарри тут же ощутил, как что-то тяжёлое упало в его собственный карман. Невероятно, но каким-то образом… *он получил Камень*.

— Ну? — нетерпеливо вопросил Квиррелл. — Что ты видишь?

Гарри собрал остатки мужества.

— Я вижу, как пожимаю руку профессору Дамблдору, — с ходу сочинил он. — Я…я выиграл Школьный Кубок для Гриффиндора.

Квиррелл снова выругался.

— Отойди отсюда, — скомандовал он. Гарри двинулся в сторону; Камень в кармане задел ногу. Что, если попробовать сбежать?

Но не успел он сделать и пяти шагов, как вновь раздался тот же голос, хотя Квиррелл не разжимал губ.

— Он лжёт… Он лжёт…

— Поттер, вернись сейчас же! — заорал Квиррелл. — Говори правду! Что ты видел?

Голос снова заговорил:

— Дай мне пообщаться с ним… лицом к лицу…

— Повелитель, вы ещё недостаточно сильны!

— На это моих сил хватит.

Гарри прирос к месту, словно вновь попал в

дьявольские силки. Оцепенев, он наблюдал, как Квиррелл приближается к нему, разворачивая тюрбан. Что за чёрт? Тюрбан соскользнул на пол. Без него голова Квиррелла казалась непривычно маленькой. Затем он неспешно повернулся вокруг своей оси.

Гарри хотелось завопить, но он не мог издать ни звука. Оттуда, где следовало находиться затылку Квиррелла, на него смотрело лицо, — самое жуткое лицо, которое Гарри когда-либо видел: белое как мел, с налитыми кровью глазами и щелями вместо ноздрей, как у змеи.

— Гарри Поттер… — прошептало лицо.

Гарри попытался отступить назад, но ноги не слушались.

— Видишь, чем я стал? — продолжало лицо. — Жалкой призрачной тенью… Я обретаю форму, только вселяясь в чужое тело… хотя, всегда находились люди, готовые впустить меня в своё сердце и разум… Кровь единорога подкрепляла мои силы эти несколько недель. Ты видел, как мой верный Квиррелл пил её в лесу… а получив Животворящий эликсир, я смогу создать себе достойное обличье… Итак… почему бы тебе не отдать мне Камень, что лежит в твоём кармане?

Так он знал. Ноги Гарри внезапно обрели чув-

ствительность. Он отшатнулся.

— Не будь дураком, — проскрежетало лицо. — Лучше отдай Камень и присоединись ко мне, — или последуешь за родителями. Они погибли, умоляя меня о милосердии…

— ЛЖЕЦ! — внезапно выкрикнул Гарри.

Квиррелл наступал на него, не оборачиваясь, чтобы Волдеморт видел Гарри. Лицо злобно ухмыльнулось.

— Как трогательно… — прошипело оно. — Что ж, я всегда ценил храбрость… Да, мальчик, твои родители были отважными людьми. Первым я убил твоего отца, и он мужественно сражался… а твоей матери вовсе ни к чему было умирать, но она пыталась защитить тебя. А теперь отдай Камень, иначе её смерть окажется напрасной.

— НИКОГДА!

Гарри скачком рванул к полыхающему проходу, но Волдеморт крикнул: «ДЕРЖИ ЕГО!», и в следующий миг Квиррелл схватил мальчика за руку. К шраму словно приложили раскалённую иглу; голова, казалось, вот-вот расколется пополам; он заорал, пытаясь вырваться, и, к его изумлению, Квиррелл отпустил его. Боль ослабла, — он начал дико озираться по сторонам и увидел скорчившегося в агонии Квиррелла, — его

пальцы на глазах покрывались волдырями.

— Держи его! ДЕРЖИ ЕГО! — снова завопил Волдеморт; Квиррелл набросился на Гарри, сбив того с ног, и вцепился ему в горло, — Гарри чуть не ослеп от боли, но по-прежнему различал воющего Квиррелла:

— Повелитель, я не могу удержать его, — мои руки — мои руки!

И Квиррелл, успев, впрочем, прижать Гарри к полу коленями, оторопело уставился на собственные ладони, — Гарри разглядел, что они были обожжены до мяса.

— Так убей его, глупец, и покончи с этим! — прорычал Волдеморт.

Квиррелл поднял руку, намереваясь произнести смертельное заклятие, но Гарри инстинктивно впился ногтями ему в лицо…

— АААААА!

С обожжённым лицом профессор скатился с него, и Гарри понял: Квиррелл не может коснуться его, это причиняет ему невыносимую боль; значит, единственное спасение — держать Квиррелла так крепко, чтобы у того не оставалось сил на заклятие.

Гарри вскочил и схватил Квиррелла за руку. Тот заорал, пытаясь стряхнуть Гарри, — боль всё

усиливалась, — он уже ничего не видел, только слышал ужасные крики Квиррелла, вопли Волдеморта: «УБЕЙ ЕГО! УБЕЙ ЕГО!» и ещё другие голоса, звучавшие, похоже, только в его голове, звавшие: «Гарри! Гарри!»

Он ощутил, как высвободил руку, понял, что всё пропало, и провалился в черноту, вниз… вниз… вниз…

* * *

Что-то золотое сверкнуло прямо над ним. Снич! Он попытался схватить его, но руки словно налились свинцом.

Он моргнул. Да никакой это не снич. Это очки. Как странно.

Он снова моргнул. Из пустоты выплыло улыбающееся лицо Альбуса Дамблдора.

— Добрый день, Гарри, — поприветствовал его директор. Гарри уставился на него и вдруг вспомнил:

— Сэр! Камень! Это был Квиррелл! Камень у него! Сэр, скор…

— Успокойся, мой милый мальчик, твои сведения несколько устарели, — мягко осадил его Дамблдор. — Камень не у Квиррелла.

— Но тогда у кого? Сэр, я…

— Гарри, пожалуйста, тише, или мадам Помфри выставит меня отсюда.

Гарри прикусил язык и огляделся. Похоже, он был в больничном крыле. Он лежал в кровати, застеленной белоснежными льняными простынями, а на столике рядом возвышалась чуть ли не половина ассортимента кондитерского магазина.

— Подарки от твоих друзей и поклонников, — пояснил сияющий Дамблдор. — То, что произошло в подземельях между тобой и профессором Квирреллом — строжайшая тайна, так что, естественно, наслышана уже вся школа. Полагаю, это мистер Фред и мистер Джордж Уизли намеревались передать тебе туалетное сидение. Без сомнения, они рассчитывали тебя таким образом развлечь. Однако мадам Помфри сочла такой презент не слишком гигиеничным и конфисковала его.

— Давно я здесь?

— Три дня. Мистер Рональд Уизли и мисс Грейнджер будут очень рады узнать, что ты пришёл в себя. Они были чрезвычайно встревожены.

— Но сэр, Камень…

— Я вижу, сейчас ты способен думать только о нём. Что ж, Камень. Профессору Квирреллу не

удалось отнять его у тебя. Я успел помешать ему, хотя, признаться, ты и сам неплохо справлялся.

— Вы были там? Вы получили сову Гермионы?

— Мы, должно быть, разминулись в воздухе. Просто, едва добравшись до Лондона, я понял, что должен быть сейчас там, откуда только что прибыл. Я подоспел как раз вовремя, чтобы оттащить от тебя Квиррелла.

— Так это были вы.

— Я боялся, что опоздал.

— Почти что, ещё чуть-чуть, и он забрал бы Камень…

— Не в Камне дело, мой мальчик, а в тебе, — эта борьба едва не погубила тебя. На одно ужасное мгновение мне показалось, что так и есть. А что до Камня — он был уничтожен.

— Уничтожен? — непонимающе переспросил Гарри. — Но ваш друг… Николас Фламель…

— О, так ты знаешь о Николасе? — Дамблдор, кажется, был крайне обрадован этим обстоятельством. — Ты *неплохо* осведомлён, не так ли? Ну что ж, мы с Николасом немного побеседовали и решили, что так будет лучше.

— Но ведь это значит, что Фламель и его жена умрут?

— Им хватит эликсира, чтобы привести в поря-

док все свои дела. А затем — да, они умрут.

Дамблдор улыбнулся недоумению, отразившемуся на лице Гарри.

— Для такого молодого человека, как ты, я уверен, это звучит дико. Но для Николаса и Перенеллы умереть — это всё равно что лечь в постель после очень, *очень* долгого дня. В конце концов, для высокоорганизованного разума смерть — не что иное, как очередное приключение. И, знаешь, Камень на самом деле — не такая уж замечательная вещь. Сколько угодно денег и лет жизни! Именно этого первым делом пожелал бы для себя любой человек. Проблема в том, что у людей просто талант выбирать то, что для них является наихудшим.

Гарри лежал, не зная, что на это ответить. Дамблдор тихонько напевал что-то и улыбался в потолок.

— Сэр? — позвал Гарри. — Я тут подумал, сэр… даже если Камня больше нет, Вол… то есть, Вы-Знаете-Кто…

— Зови его Волдеморт, Гарри. Всегда называй вещи своими именами. Страх перед именем лишь усиливает страх перед его обладателем.

— Да сэр. Так вот, Волдеморт всё равно попытается найти другой способ возродиться? В смысле,

он ведь исчез не навсегда?

— Нет, Гарри. Он всё ещё где-то поблизости, может быть, ищет себе другое тело… он и не жил по-настоящему, а значит, его нельзя и убить. Волдеморт оставил Квиррелла умирать; он не знает жалости ни к врагам, ни к сторонникам. И всё-таки, Гарри, хотя в этот раз ты лишь отсрочил его возрождение, — найдётся другой, кто бросит ему вызов, какой бы безнадёжной ни казалась борьба. А если его разобьют снова и снова, — возможно, он не вернётся никогда.

Гарри кивнул, отчего голова мгновенно закружилась. Затем он заговорил:

— Сэр, я хотел спросить вас ещё кое о чём… если вы можете рассказать мне… мне нужно знать правду…

— Правду, — Дамблдор вздохнул. — Правда — чудесная и вместе с тем ужасная вещь, а потому обращаться с ней следует с величайшей осторожностью. Однако я отвечу на твои вопросы, если только у меня не будет очень веской причины отказать тебе. Если такое случится, надеюсь, ты меня простишь. Лгать я, конечно, не стану ни в коем случае.

— Хорошо. Волдеморт сказал, что убил мою мать, потому что она пыталась защитить меня.

Но зачем ему понадобилось убивать меня?

Дамблдор вздохнул ещё тяжелее.

— Увы, первый же твой вопрос я вынужден оставить без ответа. Не сегодня. Не сейчас. Когда ты станешь старше… понимаю, это звучит неприятно… Когда ты будешь готов, — ты всё узнаешь.

И Гарри понял, что пререкаться не стоит.

— А почему Квиррелл не мог дотронуться до меня?

— Твоя мать погибла, чтобы спасти тебя. Если существует что-то, недоступное пониманию Волдеморта, то это любовь. Он не осознаёт, что такая сильная любовь, какую испытывала к тебе твоя мать, оставляет особый след. Не шрам, нет, не зримый знак… но тот, кто так беззаветно любит нас, даже после смерти не покидает своих близких. Эта любовь пропитала всё твоё существо. Квиррелл, одержимый ненавистью, злобой, алчностью, разделивший душу с Волдемортом, именно поэтому не мог дотронуться до тебя. Для него было мукой коснуться кого-то, отмеченного столь добрым чувством.

Дамблдор внезапно заинтересовался птичкой, присевшей на подоконник, дав Гарри возможность промокнуть глаза простынёй. Взяв себя в руки, Гарри продолжил:

— А плащ-невидимка, — вы знаете, кто мне его прислал?

— Ах, да, — твой отец как-то одолжил мне его, и я решил, что тебе он пригодится, — глаза Дамблдора лукаво сверкнули. — Полезная вещица, — твой отец в своё время, будучи в Хогвартсе, с его помощью таскал из кухни еду.

— И ещё кое-что…

— Валяй.

— Квиррелл сказал, что Снейп…

— *Профессор* Снейп, Гарри.

— Ну да, — Квиррелл сказал, что он ненавидит меня, потому что ненавидел моего отца. Это правда?

— Да, отношения у них были весьма напряжённые. Примерно как у тебя с мистером Малфоем. А однажды твой отец совершил поступок, который Снейп так ему и не простил.

— А что он сделал?

— Он спас ему жизнь.

— *Что*?

— Да, — мечтательно протянул Дамблдор. — Забавно устроены люди, правда? Профессор Снейп всю жизнь тяготился этим долгом… я почти уверен, что поэтому-то он так рвался защищать тебя в этом году, — он решил, что благодаря этому они

с твоим отцом окажутся в расчёте. Тогда он смог бы и дальше мирно ненавидеть память о нём…

Гарри попытался осмыслить услышанное, но голова только разболелась ещё сильнее.

— И, сэр, ещё один вопрос…

— Всего один?

— Как мне удалось достать Камень из зеркала?

— А-а! Я рад, что ты спросил об этом. Это одна из самых блестящих моих идей, и, между нами, это кое о чём говорит. Видишь ли, лишь те, кто хотел *найти* Камень, — найти, но не использовать, — могли получить его, — иначе они видели бы только, как пьют Животворящий эликсир или превращают металл в золото. Я порой сам себя удивляю… Итак, раз с вопросами покончено, почему бы тебе не взяться за эти сладости? О! Мармеладки «Берти Ботт» на любой вкус! В юности мне как-то попался орешек со вкусом рвоты, — и с тех пор, боюсь, я утратил доверие к этому лакомству — но вот эта конфетка на вид безобидна.

Он улыбнулся и отправил в рот золотисто-коричневый орешек. Внезапно директор поперхнулся:

— Увы! Ушная сера!

* * *

Мадам Помфри, знахарка, была приятной женщиной, но невыносимо строгой.

— Всего на пять минут, — умолял Гарри.

— Категорически против.

— Вы же впустили профессора Дамблдора…

— Разумеется, но ведь он директор, это совсем другое. Тебе нужен *отдых*.

— Я и отдыхаю, смотрите, лежу и всё такое прочее. Ну пожалуйста, мадам Помфри…

— О, очень хорошо, — смилостивилась она, — но только на *пять* минут.

И она впустила Рона и Гермиону.

— *Гарри*!

Гермиона, казалось, готова была броситься ему на шею, но Гарри был рад, что она сдержалась, — голова всё-таки болела, и сильно.

— Ох, Гарри, мы боялись, что ты… Дамблдор так волновался…

— Вся школа только об этом и трещит, — сказал ему Рон. — Так что *на самом деле* случилось?

Это был один из тех редких случаев, когда правда оказывается ещё невероятнее и увлекательнее, чем самые нелепые слухи. Гарри рассказал им всё: о Квиррелле, о зеркале, о Камне

и о Волдеморте. Рон с Гермионой проявили себя прекрасными слушателями, — они ахали как раз в подходящих местах, а когда Гарри сообщил им, что Квиррелл прятал под тюрбаном, Гермиона громко вскрикнула.

— Так значит, Камня больше нет? — уточнил Рон. — И Фламель *умрёт*?

— И я так спрашивал, но Дамблдор считает, что… как там он сказал?.. что «для высокоорганизованного разума смерть — не что иное, как очередное приключение».

— Всегда знал, что он чокнутый, — Рон явно был впечатлён ненормальностью своего кумира.

— А с вами-то что произошло? — спросил Гарри.

— Ну, я благополучно вернулась, — начала Гермиона, — привела Рона в чувство, — на это ушло какое-то время, — мы пробрались наверх и кинулись в совятню, чтобы связаться с Дамблдором; мы столкнулись с ним в Вестибюле, и он уже всё знал, — только спросил: «Гарри ушёл за ним, да?» и умчался на третий этаж.

— Думаешь, он нарочно всё это затеял? — обратился к Гарри Рон. — Специально послал тебе плащ-невидимку, и всё остальное?

— Ну, знаете, — взорвалась Гермиона, — ес-

ли так, то это просто ужасно, — тебя же могли убить.

— Не так и ужасно, — задумчиво покачал головой Гарри. — Странный он человек, Дамблдор. Мне кажется, он хотел, что ли, дать мне шанс. По-моему, он в курсе практически всего, что здесь происходит. Думаю, он точно знал, что мы замышляем и, вместо того, чтобы остановить, решил помочь. Наверняка он не просто так объяснил, как работает зеркало. Может, он даже считал, что у меня есть право встретиться с Волдемортом, если я этого хочу.

— Ну точно, чокнутый, — с гордостью заключил Рон. — Слушай, обязательно приходи завтра на прощальный банкет. Баллы уже подсчитаны, — Слизерин победил, конечно — ты же пропустил последний матч, и Рейвенкло нас просто растоптал, — зато вкусностей будет море.

В это время к ним подоспела мадам Помфри.

— У вас было почти пятнадцать минут, а теперь — МАРШ ОТСЮДА, — твёрдо скомандовала она.

* * *

Выспавшись, Гарри почувствовал себя гораздо лучше.

— Я хочу пойти на банкет, — сообщил он мадам

Помфри, поправлявшей стопку его бесчисленных коробок со сладостями. — Можно?

— Профессор Дамблдор разрешил, — судя по тону мадам Помфри, директор просто не отдавал себе отчёта в том, как опасны могут быть банкеты. — И к тебе ещё один посетитель.

— О, отлично, — оживился Гарри. — А кто?

В дверной проём протиснулся Хагрид. Как и всегда в помещении, он казался непозволительно большим. Он уселся у постели Гарри, взглянул на мальчика и залился слезами.

— Эт — всё — моя — чёртова — вина! — всхлипывал он, уткнувшись лицом в ладони. — Я рассказал этому гаду, как обойти Пушка! Единсное, чего он не знал, и я рассказал ему! Тя убить могли! И всё ради драконьего яйца! Больше ни в жисть пить не буду! Меня надо отправить к магглам!

— Хагрид! — Гарри был шокирован убитым видом лесника, чьи громадные слёзы не переставая стекали в бороду. — Хагрид, он бы всё равно узнал, это же Волдеморт, он бы выяснил это как-нибудь ещё…

— Ты мог погибнуть! — шмыгая носом, возразил Хагрид. — И не произноси это имя!

— ВОЛДЕМОРТ! — проорал Гарри; Хагрид был так потрясён, что перестал плакать. — Я видел его

и буду называть по имени. Пожалуйста, Хагрид, успокойся, Камень уничтожен, он не сможет им воспользоваться. Съешь лучше шоколадную лягушку, у меня их тут куча…

Хагрид утёр нос ладонью и сказал:

— Кстати, чуть не забыл. У мя для тя сюрприз.

— Надеюсь, это не бутерброд с мясом горностая? — обеспокоенно поинтересовался Гарри, и Хагрид наконец слабо хохотнул.

— Не-а. Дамблдор мне дал выходной, чтоб я успел всё сделать. Вместо того чтоб уволить… ну да ладно, вот, держи.

Хагрид протягивал ему нарядную, обтянутую кожей книгу. Гарри с любопытством раскрыл её. Это оказался альбом, полный колдовских фотографий. С каждой страницы ему улыбались и махали руками мама и папа.

— Разослал сов к старым школьным друзьям твоих родителей, фотографии просил… знал, что у тя ни одной нету… нравится?

Гарри не мог говорить, но Хагрид понял его и без слов.

* * *

Позже Гарри в одиночестве спустился на прощальный пир. Мадам Помфри задержала его,

настояв на последнем осмотре, так что все уже заняли свои места. Зал был оформлен в зелёно-серебристых тонах Слизерина, в седьмой раз подряд завоевавшего Школьный Кубок. Стена позади Главного Стола была украшена гигантским гобеленом с изображением слизеринской змеи.

Когда Гарри вошёл, поднялся переполох; ученики начали оживлённо переговариваться. Он плюхнулся на скамью, между Роном и Гермионой, стараясь не обращать внимания на то, что многие вставали, глазея на него.

К счастью, в этот момент появился Дамблдор. Гвалт стих.

— Миновал ещё один учебный год! — бодро начал Дамблдор. — И, прежде чем мы вонзим зубы в наше угощение, я немножко побеспокою вас пустой старческой болтовнёй. Какой это был год! Надеюсь, ваши головы слегка потяжелели за это время… впрочем, у вас есть целое лето, чтобы полностью опустошить их к началу занятий…

Итак, как я понимаю, настало время объявить победителя. Места распределились так: на четвёртом — Гриффиндор — триста двенадцать баллов; на третьем — Хуфльпуф — триста пятьдесят два; на втором — Рейвенкло — четыреста двадцать шесть; и наконец, Слизерин — четыре-

ста семьдесят два.

Слизеринский стол взорвался торжествующими возгласами и оглушительным топотом. Гарри видел, как Драко Малфой колотит по столу кубком, — зрелище тошнотворнее некуда.

— Да, да, браво, Слизерин, — кивнул Дамблдор. — И всё же, следует учесть и недавние события…

В Зале воцарилась полная тишина. Улыбки слизеринцев приувяли.

— Кхем, — кашлянул Дамблдор. — Пока что не все получили свои заслуженные баллы. Дайте-ка подумать. Так-так… Прежде всего — мистеру Рональду Уизли…

Рон побагровел и приобрёл сходство с обгоревшей на солнце редиской.

— …за лучшую шахматную партию, что когда-либо видел Хогвартс, дом Гриффиндора получает пятьдесят баллов.

От восторженных воплей гриффиндорцев едва не рухнул зачарованный потолок; казалось, что даже звёзды на нём задрожали. Перси во всеуслышание объявлял другим префектам:

— Это мой брат! Мой младший брат! Он выиграл в заколдованные шахматы Макгонаголл!

Наконец все успокоились.

— Далее — мисс Гермионе Грейнджер… за хладнокровное применение логики пред лицом жаркого пламени — пятьдесят баллов дому Гриффиндора.

Гермиона спрятала лицо в ладонях, и Гарри сильно подозревал, что она разрыдалась. Гриффиндорцы были просто вне себя, — они поднялись уже на целую сотню баллов.

— И наконец — мистеру Гарри Поттеру… — продолжал Дамблдор. Наступила мёртвая тишина. — За его необычайное самообладание и исключительную храбрость я присуждаю дому Гриффиндора шестьдесят баллов.

Гул стоял невообразимый. Те, кто, надрываясь до хрипоты, могли при этом ещё и считать, уже поняли, что теперь у Гриффиндора было четыреста семьдесят два балла, — столько же, сколько у Слизерина. Они бы вырвали Школьный Кубок, — вот бы Дамблдор дал Гарри ещё хоть один балл…

Директор поднял руку. Зал постепенно умолк.

— Храбрость бывает разной, — улыбнулся Дамблдор. — Требуется колоссальное присутствие духа, чтобы противостоять врагам, — но нужно быть не менее отважным, чтобы решиться противостоять друзьям. Поэтому я награждаю десятью баллами мистера Невилла Лонботтома.

Если бы кто-то в этот момент стоял за дверьми Большого Зала, он вполне мог бы подумать, что случился взрыв, — такой оглушительный шум подняли гриффиндорцы. Гарри, Рон и Гермиона вскочили, ликуя с остальными, а Невилл, побледневший от потрясения, исчез под грудой обнимавших его ребят. До сих пор он не принёс Гриффиндору ни одного балла. Гарри, всё ещё вопя, пихнул Рона локтем под рёбра и указал на Малфоя, — тот выглядел ошеломлённее, чем если бы на него наложили Телобинт.

— Таким образом, — выкрикнул Дамблдор, перекрывая бурю аплодисментов, — даже Хуфльпуф и Рейвенкло торжествовали поражение Слизерина, — нам стоит сменить убранство.

Он хлопнул в ладоши. Тотчас же зелёные драпировки сменились алыми, а серебристые — золотыми; гигантская слизеринская змея исчезла, и её место занял устрашающий гриффиндорский лев. Снейп с кошмарной, вымученной улыбкой тряс руку профессора Макгонаголл. Он встретился с Гарри взглядом, и тот мгновенно понял: отношение Снейпа к нему не изменилось ни на йоту. Впрочем, сейчас это Гарри не волновало. Казалось, что в следующем учебном году жизнь вернется в нормальное русло, — по крайней мере,

настолько, насколько это возможно в Хогвартсе.

Это был лучший день в жизни Гарри, — лучше квиддичных матчей, Рождества, победы над горным троллем, — он никогда, никогда не забудет сегодняшний вечер.

* * *

Гарри чуть не забыл, что ещё должны объявить результаты экзаменов; тем не менее, их объявили. К громадному их удивлению, и Гарри, и Рон получили вполне приличные отметки; Гермиона, конечно же, стала лучшей ученицей среди первокурсников. Даже Невилл наскрёб проходной балл, — высокая оценка по травоведению компенсировала невероятно низкую по зельям. Все надеялись, что Гойл, который был так же туп, как и злобен, будет отчислен, но и он каким-то образом сдал экзамены. Досадно, но, как разумно заметил Рон, нельзя получить сразу всё.

А затем как-то внезапно опустели шкафы, были упакованы сундуки, жаба Невилла обнаружилась в углу туалета; всем ученикам раздали уведомления, запрещающие применять магию на каникулах («Я вечно надеюсь, что они забудут про них», — разочарованно вздохнул Фред Уизли); Хагрид отвёл их к флотилии лодок и пе-

реправил на другой берег озера; вот они уже сели на «Хогвартс-Экспресс»; смеялись и болтали, а сельский пейзаж за окном зеленел и становился опрятнее; поедали мармеладки «Берти Ботт» на любой вкус, пока поезд мчался мимо магловых городов; сняв школьные мантии, надели пальто и куртки; и, наконец, прибыли на вокзал Кингс-Кросс, на платформу девять и три четверти.

Но платформу они покинули ещё не скоро. Пожилой смотритель с морщинистым лицом, стоявший возле чугунной арки, выпускал их по двое и трое, чтобы они не привлекли внимания магглов, всей толпой вывалившись из сплошной стены.

— Вы оба должны погостить у нас этим летом, — заявил Рон. — Я пришлю вам сову.

— Спасибо, — обрадовался Гарри. — Хорошо, если впереди меня будет ждать что-то приятное.

Ребята теснили их, пробираясь к проходу в мир магглов. Некоторые окликали его:

— Пока, Гарри!

— До скорого, Поттер!

— Знаменитость, — с ухмылкой поддразнил его Рон.

— Только не там, куда я собираюсь, уж это точно, — заверил его Гарри.

Они с Роном и Гермионой прошли сквозь барьер вместе.

— Вон он, мама, вон он, смотри!

Это была Джинни Уизли, младшая сестрёнка Рона, но она указывала вовсе не на брата.

— Гарри Поттер! — пронзительно кричала она. — Вон он, мам, я его вижу…

— Успокойся, Джинни, и показывать пальцем некрасиво.

Миссис Уизли улыбнулась им.

— Трудный выдался год?

— Очень, — признался Гарри. — Спасибо вам за помадку и за джемпер, миссис Уизли.

— О, не стоит, дорогой.

— Ну, ты готов?

Это был дядя Вернон, неизменно багроволицый, усатый и разъярённый наглостью Гарри — это же надо, тащить клетку с совой посреди вокзала, переполненного нормальными людьми. Позади дядюшки топтались тётя Петуния и Дадли, убитые самим появлением Гарри.

— Вы, должно быть, родственники Гарри! — воскликнула миссис Уизли.

— В каком-то смысле, — пробубнил дядя Вернон. — Шевелись, парень, я не собираюсь здесь целый день болтаться.

Гарри задержался, чтобы попрощаться с Роном и Гермионой.

— Увидимся летом, значит.

— Желаю тебе… э-э… хорошо провести каникулы, — промямлила Гермиона, поразившись грубости дяди Вернона и неуверенно глядя ему вслед.

— Постараюсь, — ответил Гарри, и по лицу его медленно расползлась широкая улыбка. — *Они* ведь не знают, что нам нельзя колдовать дома. Этим летом я хорошенько повеселюсь с Дадли…

[Конец первой книги.]

КОММЕНТАРИИ К ПЕРЕВОДУ

Семейство Дёрсли— Dursley — населённый пункт Дёрсли действительно существует; он располагается недалеко от городка Йейт, где родилась сама Роулинг. Вообще, автор часто использует географические названия при выборе имён для своих персонажей. Возможно, произношение фамилии «Дёрсли» несколько непривычно русскому уху; тем не менее, это — единственно верный вариант её транслитерации — другие, как, например, «Дурсли», «Дарсли», могут придать фамилии неблагозвучность или оттенок, не подразумеваемый автором.

Бирючинный проезд — *Privet Drive* — privet ['privit] (англ.) — бирючина — кустарник, очень популярный в Англии для выращивания живых изгородей. Drive [draiv] (англ.) — подъездная аллея (*к дому*).

Ночь Фейерверков — традиционный и очень любимый британцами праздник, известный также как «Ночь костров», или «Ночь Гая Фокса». В эту ночь, пятую после Хэллоуина, отмечается провал Порохового заговора (группа заговорщи-

ков попыталась взорвать здание Парламента в Лондоне, где в тот момент должны были находиться не только члены обеих палат, но и сам король — Яков I).

Альбус Дамблдор — Albus Dumbledore — Альбус по-латыни — «белый»; «ясный, светлый, чистый»; «разгоняющий тучи, проясняющий»; «счастливый, благоприятный»; «седой». Весьма недвусмысленный намёк на роль Директора в саге. Фамилия Дамблдор образована от староанглийского слова «dumbledore», что означает «шмель». Джоан утверждала, что выбрала эту фамилию, потому что представляла, как Дамблдор «напевает себе под нос».

Минерва Макгонаголл — Minerva McGonagall — Минерва — богиня мудрости и справедливой войны, почитавшаяся как покровительница ремёсел и искусств. В одном из интервью Джоан Роулинг призналась, что дала Минерве такую фамилию в честь шотландского поэта Уильяма Макгонаголла. По всей видимости, Минерва и сама родом из Шотландии, где, кстати, располагается и Хогвартс. Изначальная форма фамилии McGonagall — Mac Conghaile — название древнеирландского племени на севере Ирландии. Исторически, фамилия Макгонаголл родственна

фамилиям О'Коннелли, О'Коннелл.

Маггл — muggle — [mʌgl] (англ.) — простак, простофиля, пентюх, лопух, недотёпа.

Тёмный колдун Волдеморт — у имени, очевидно, французское происхождение; «vol de mort» (франц.) дословно означает «полёт от смерти», что как нельзя лучше отражает истинную сущность и образ жизни Волдеморта.

Десерт «Восторг сорванца»— в оригинале этот десерт называется «Knickerbocker Glory», но, поскольку значений у слова «knickerbocker» — масса, был выбран данный вариант как наиболее «аппетитный».

Смелтингс — название школы «Smeltings», куда определили Дадли и Пирса, по всей видимости, происходит от слова smell (англ.) — дурной запах, вонь, либо smelting (англ.) — плавка, выплавка, плавление.

Школа «Каменные стены» — Stonewall High — Вероятно, намёк на преграду на пути Гарри к свободе, а также на предназначение заведения для детей из неблагополучных семей (что подтверждается аморальным поведением учеников, как то: засовывание голов новичков в унитазы).

«Tiptoe through the tulips» — «На цыпочках по тюльпанам», популярная британская песня

с простенькой мелодией. Наибольшую известность получила в интерпретации Крошки Тима (Tiny Tim).

Школа «Хогвартс» — Hogwarts — если переставить местами слоги в слове «Hogwarts», то образуется слово «warthog» (англ.) — африканский кабан-бородавочник; вепрь. Символом Хогвартса является вепрь. Также, Hogwort — название цветка. По словам Джоан, в далёкой молодости во время посещения Королевских ботанических садов Кью, ей на глаза попался сорт лилий, звавшийся «Hogwort». Это слово настолько сильно врезалось ей в память, что когда она «придумывала» название школы, слово «Hogwort» само выплыло из глубин её подсознания.

Колдун, чародей ведьма, колдунья — wizard and witch — первое, на что хочется обратить внимание, у Роулинг это никакие не волшебники и волшебницы. На книги Роулинг взвились представители церкви, обвиняющие её в пропаганде колдовства и дьяволопоклонничества. В контексте волшебников и волшебниц, такая реакция выглядит немного странной. В контексте колдунов и ведьм — закономерной. Тем более, колдуны и ведьмы — это скорее люди, которые занимаются магией (любой), а волшебники волшебницы

— это скорее позитивная характеристика человека (данные термины носят в русском языке позитивный оттенок, но не будем забывать, что в таком случае и Волдеморт был волшебником, что немного не вяжется с контекстом всех семи книг).

Колдовские и Ведьмовские Искусства — Witchcraft and Wizardry — в своих книгах о Гарри Поттере Роулинг делит колдовство на два вида: колдовство, которым занимают ведьмы — WITCHcraft, и чародейство, которым занимаются колдуны — WIZARDry. То есть, Роулинг разделяет магию, которой занимаются люди, по половому признаку. Поэтому любые переводы названия школы «Хогвартс» вроде «школа магии и волшебства» и «школа колдовства и чародейства» или просто «школа волшебства» звучит нелепо в контексте того, как это реализовала Дж. К. Роулинг.

Миранда Госхок— Miranda Goshawk — goshawk (англ.) — ястреб-тетеревятник.

Батильда Бэгшот — Bathilda Bagshot — Bagshot — город неподалёку от Лондона.

Адальберт Уоффлинг — Adalbert Waffling — waffle (англ.) — болтать попусту, увиливать от прямого ответа, переливать из пустого в порожнее.

Эмерик Свитч — Emeric Switch — switch (англ.) — направить (*мысли, разговор*) в другое русло; менять направление; изменять(ся).

Арениус Джиггер — arsenic (англ.) — мышьяк.

Ньют Скамандер — newt [nju: t] (англ.) — тритон.

Квентин Трембл — tremble ['trembl] (англ.) — дрожать, трястись; страшиться, опасаться, трепетать.

Гоблин Грипхук — grip (англ.) — крепко держаться, цепляться; hook [huk] (англ.) — крюк; приманка, западня.

«Флориш и Блоттс» — flourish (англ.) — делать росчерк пером, выписывать букву с завитушками; blot (англ.) — пятно, клякса.

Сова Хедвиг — St. Hedwig — святая Хедвиг, монахиня, покровительница сирот.

Префект — prefect — в некоторых привилегированных частных школах — назначаемая должность, «старший ученик». В обязанности префекта входит в основном поддержание порядка. Роулинг использует слова «head boy/girl» (староста школы) и «prefect», очень похожие по смыслу, делая между ними различие: Билл Уизли был старостой, в то время как Перси — префект.

Дома — Houses —

Гриффиндор (Gryffindor): происходит от слов griffin — грифон и dor (dore) — окончание, часто использовавшееся в англ. топонимике, например, в названиях местностей и населённых пунктов, таким образом, в результате образовалось нечто вроде «Дом Грифона». Собственно же, геральдический грифон — символ храбрости. Хотя, как вариант, d'or — золотой (франц.), соответственно, на англо-французском — «золотой грифон».

Хуфльпуф (Hufflepuff): «huffle» в английском языке созвучно дуновению ветра, «puff» — именно как «дуновение» и переводится. Возможно, Роулинг хотела подчеркнуть связь данного дома с силами природы. По другой версии, «Hufflepuff» ассоциируется с одышкой после тяжёлой работы.

Рейвенкло (Ravenclaw): «raven» — ворон, «claw» — коготь. Ворон — символ мудрости у многих народов, а у Роулинг нередко акцентируется, что большинство колдунов, занимающихся волшебством, как наукой (то есть теоретиков) вышло в основном из Рейвенкло; коготь же, вероятно, намекает на «цепкость» в постижении знаний.

Слизерин (Slytherin): англ. «sly» — хитрый;

«slithering» — скольжение; герб дома — змея, Салазар Слизерин — трегуб, чудовище — василиск, то есть, Роулинг использует «змеиную тему» в основном по отношению к силам зла.

Шеймас Финниган — Seamus Finnigan — в оригинале Seamus Finnigan, имеет ярко выраженные ирландские имя и фамилию (Séamus Fionnagáin), причём, судя по написанию, Роулинг нашла данное имя в старых книгах с именами в дореформенной орфографии. В связи с этим была выбрана ирландская транскрипция имени и фамилии.

Морак МакДугал — Morag McDougal — судя по имени, девушка с самого севера Шотландии, из места проживания гэльскоговорящих шотландцев (Mòrag Mac Dubhghaill). В связи с этим была выбрана шотландская транскрипция имени.

Северус Снейп — Severus Snape — переиначивание фамилии Snape неприемлемо, так как сама Роулинг утверждает, что назвала персонажа в честь английской деревушки. Имя Severus происходит от слова «severe» (англ.) — строгий, суровый, жестокий. Также известно несколько католических святых по имени Северус (по-русски Север или Севир).

Полтергейст Брюзг — Peeves — от «peeve» [pi:

v] (англ.) — раздражение, раздражённое состояние; жалоба; докучать, надоедать, раздражать.

Аргус Филч — Argus Filch — «argus» — бдительный, неусыпный страж; Аргус — многоглазый древнегреческий бог; «filch» (разг.) — стянуть, утащить, украсть.

Миссис Норрис — Mrs. Norris — персонаж романа Джейн Остин (одна из любимых писательниц Роулинг) «Мэнсфилд-парк», чрезвычайно любопытная и противная тётушка.

Травоведение — herbology (англ.) — поскольку сочетание транслитерации и адаптации на русский язык (травология) не очень уместно, остаётся два варианта перевода: гербология и травоведение. Было решено выбрать второй.

Помона Саженс— Pomona Sprout — «sprout» [spraut] (англ.) — отросток, побег, росток. Всё просто и понятно — у преподавателя травоведения соответствующее имя.

Филиус Флитвик— Flitwick — одноимённый город в Англии.

Помнивсём — Remebrall — дословно переводится «вспомнить всё» (remember + all).

Мадам Фьюч — Madam Hooch — слово «hooch» [hu:ʧ] (англ.) в данном контексте является звукоподражанием (вроде «фьють») и имеет два

значения: 1) ассоциируется с судейским свистком, и, как следствие, с должностью мадам Фьюч; 2) «свист» воздуха в ушах при быстром полёте на метле, т. е. ещё одна связь с квиддичем и преподаванием соответствующего предмета. Поскольку больше по сюжету мадам Фьюч ничем не отличилась, такой перевод достаточно полно описывает её роль в книге и профессию. Кроме того, транслитерированный вариант «мадам Хуч» звучит не слишком благозвучно для ушей русского читателя.

Оливер Прут— Oliver Wood— перевод фамилии Wood был вынужденным — только так можно было сохранить игру слов в следующем предложении.

Крыса Корыстик — Scabbers — помимо распространённого значения слова «scab» — «струп, короста», оно означает также «лентяй, приспособленец, иждивенец, корыстолюбец, лицемер» (замечательно полная характеристика Петтигрю). Именно этот вариант показался мне более вероятным, ведь нигде не говорится, что у крысы имелись какие-то язвы или раны (помимо отсутствия пальца). В результате я остановилась на варианте Корыстик, объединяющем слова «корысть» и «короста».

Галеон — Galleon — золотая монета, равная 17 серпиям. Название монеты происходит от имени крупного судна XV–XVIII вв., использовавшегося в торговле и военных действиях. Этим название автор Джоан Роулинг хотела показать весомость монеты по сравнению остальной валютой в волшебном мире.

Серпий — Sickle — в магомире эта монета имеет форму серпа, полумесяца. Равна 29 ворехам.

Ворех — Knut — в магомире мелкая бронзовая монетка. Название омонимично с nut — орех (англ.). В древности орехи часто использовались в качестве денег.

***Вратарь* — Keeper** — от keep (англ.) — держать, не отдавать; беречь, сохранять. То есть, дословный перевод — хранитель; однако такой вариант вызовет ассоциацию скорее с обереганием, охраной какой-либо вещи, нежели с защитой голевых колец, — что, по сути, является единственным назначением данного игрока. В итоге было решено использовать классический, понятный и привычный термин: вратарь. К тому же, keeper — это, возможно, сокращение от «goalkeeper».

***Гончий* — Chaser** — от chase (англ.) — гнаться, преследовать, догонять, охотиться. Однако, вариант «охотник» не слишком точен, поскольку

может быть применим и к следопыту, и к загонщику. Роулинг же четко разграничивает позиции и роли игроков. Также может возникнуть очень уместная ассоциация с гончей собакой, — ее охотничье предназначение состоит в том, чтобы, почуяв дичь, гнаться по следу до полного изнеможения добычи либо до прибытия охотника.

***Загонщик* — Beater** — от «beat» (англ.) — бить, колотить, наносить удары. Дословно — «отбивающий». Однако задача загонщика состоит не просто в отбивании бладжеров, но еще и в защите от них своих игроков и одновременной «бомбардировке» противника. Слово же «загонщик» означает: «участник облавы, выгоняющий зверя [бладжер] на охотников [игроков соперника]».

***Следопыт* — Seeker** — от seek (англ.) — разыскивать, пытаться найти; прочёсывать местность в поисках чего-либо. Таким образом, автор дает понять, что основная задача данного игрока состоит в поиске и выслеживании снича, а не в его поимке. Что и было решено отразить в переводе.

Кваффл — Quaffle — to quaff означает глотануть залпом, тяпнуть, упиться.

Бладжер — Bludger — дословно можно перевести как дубильник, лупильник.

Золотой снич — Golden Snitch — современный

перевод этого слова — «ябеда, стукач», но изначальное, более старое значение — «щелчок».

* * *

Text copyright Ó 1997 **J.K.Rowling**
Authorized Russian translation Ó 2001 **Rosman-Press**
Перевод copyright Ó 2011 **Luthien**,
под ред. **Namelfiks**, *коррект.* **Mishkanorushka**

Данный перевод не является официальным и авторизованным. Его создатель работает на добровольной основе и не извлекает из проекта никакой материальной выгоды.

* * *

Особая благодарность переводчика — редактору, критику, первому читателю и вдохновителю проекта Namelfiks *за его неоценимую поддержку. И также нашему корректору* Mishkanorushka, *взявшейся исправить многие ошибки, и без чьих ценных комментариев перевод не стал бы таким точным.*

Особая благодарность редактора — переводчику, чей перевод дал возможность по-новому

открыть мир ГП. Также особая благодарность Sirko,*без одной его ценной идеи перевод не стал бы таким полноценным, атмосферным.*

Перевод выполнен с британского издания книги **HARRY POTTER AND THE PHILOSOPHER'S STONE**.

Версия от 29.05.15